



УРАЛЬСКИЙ

Сведомыи

11
НОМЕР
1959



УРАЛЬСКИЙ Следопыт

Н О Я Б Р Ь 1959

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.



У ВЕЧНОГО ОГНЯ
Свердловск, площадь Коммунаров

В НОМЕРЕ:

ВАСЯ-ПРОКАТЧИК
Н. Григорьев. Поиски следопытов

ДЕД ВЕШКИН
С. Алексеев. Повесть

КОМИССАР СНАБЖЕНИЯ
Е. Слесарев

КРАСНЫЙ ОГОНЬ
И. Ликстанов. Рассказ

МЕД И НЕФТЬ
«Уральский следопыт» беседует

ШЛАК И СТАЛЬ
С. Брускин. Из записной книжки

КРЫЛАТЫЕ ОХОТНИКИ
Е. Дебердеев

СЛЕД ВЕДЕТ В БОЛОТО...
Б. Захаров. Приключенческая повесть

ТАЙНА ШАХТЫ
Е. Фейерабэнд. Поэма

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Свердловское Книжное Издательство

1959



Тех, кто в битве великой
Погиб, как герой,
Мы прикрыли навеки
Родною землей.

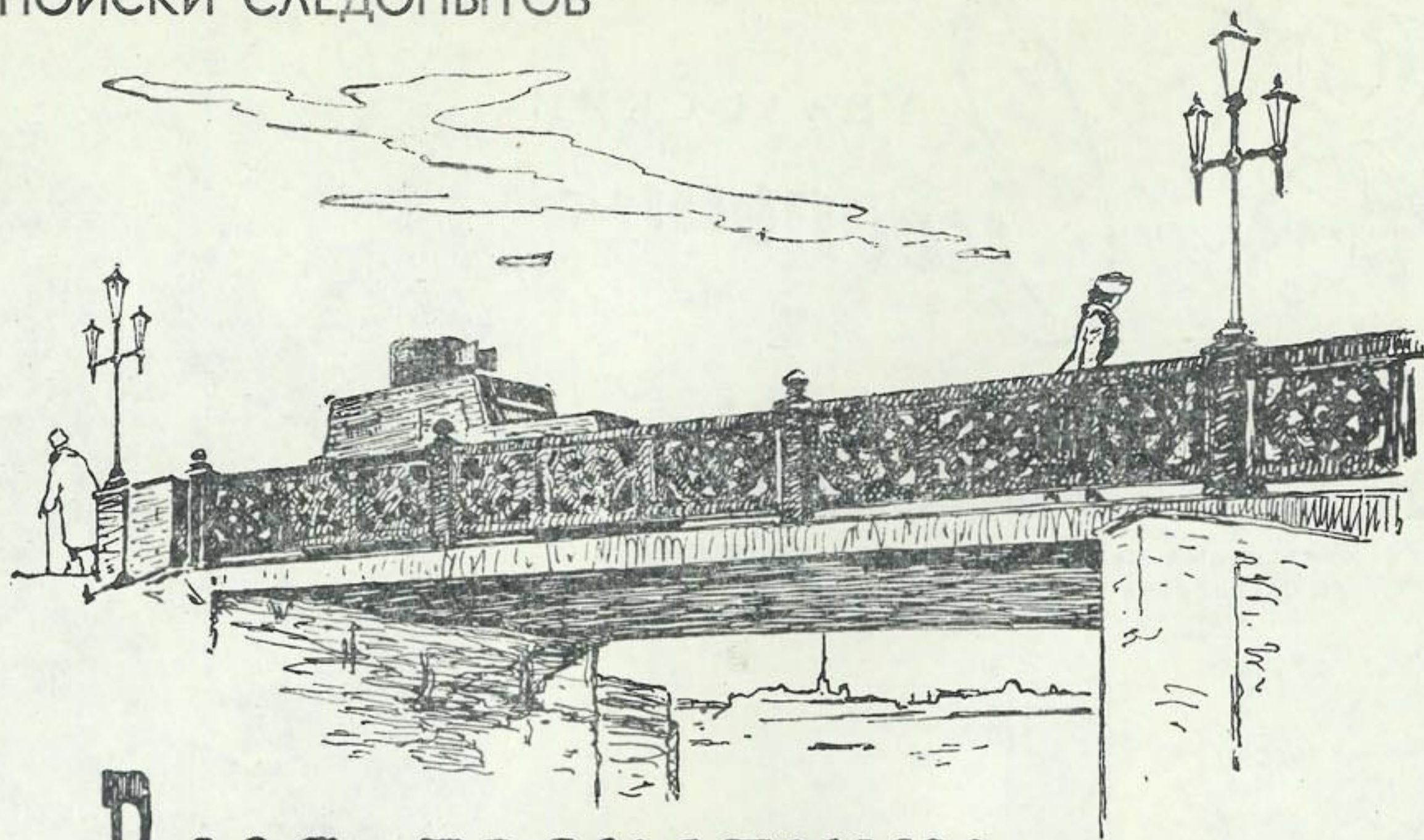


И плиту положили —
Уральский гранит.
Пусть в веках наша память
Имена их хранит.



И сквозь землю, сквозь камень
В мир, где флагов багрец,
Жаркий выбился пламень
Из героических сердец!

Собрание
Владимира Павловича
БИРЮКОВА



Вася-прокатчик

Николай ГРИГОРЬЕВ

Долго я разыскивал «Васю-прокатчика»... Говорили, что этот человек сидел за рулем броневика в день встречи В. И. Ленина у Финляндского вокзала. Было отчего им заинтересоваться! Но поиски не давали результата. Прокатчик, Прокатчик... — а фамилия? Этого я не знал. При помощи одной только клички мало было шансов разыскать человека, да еще в таком городе, как Ленинград. Но я надеялся, что «Прокатчик» еще жив, и не прекращал поисков.

„Любимец столичной публики“

Я думал, что человек, которого я разыскиваю, прокатывал рельсы, балки. А когда он стал шофером, прежняя профессия увязалась за ним, как кличка. Ведь бывает так! Но слово разъяснилось иначе... Мне об этом рассказали старые шоферы, работавшие еще «при царе».

В старом Петербурге автомобили были в редкость. Но сразу же появились среди них наемные. По-современному — такси. А тогда их называли «автомобили на прокате». Стояли они на Невском, возле Гостиного двора. Каждый шофер такого автомобиля обязан был принести хозяину машины определенную выручку.

Извозчики, которыми был полон Петербург, люто ненавидели шоферов за то, что те клаксонами пугали лошадей, и в особенности за то, что отбивали седоков. Шоферы презрительно называ-

ли извозчиков «гужбанами», а те отвечали им: «Керосинщики!», «Самоубивцы!» Автомобили тогда подчас взрывались или горели. Споры между представителями обоих видов транспорта нередко завершались лютыми драками возле трактиров на дальних улицах столицы.

Среди шоферов особым азартом и крепким кулаком отличался высоченного роста чернявый парень, с пронзительными, острыми, как буравчики, глазами, крикун и ругатель. Молодцом из молодцов был он и за рулем машины. Случалось, веселая компания решила прокатиться, да так, чтобы дух захватило. В какую машину садиться? Ясно, к Васе-прокатчику. Тут уже и шоферы на стоянке не спорили — каждый понимал, что с Васей ему не равняться.

Содержатели прокатных автомобилей заискивали перед ним, переманивали выгодного работника друг у друга, — а Вася не дорожил никаким местом: наскучит ему хозяйская рожа, переругается, сбросит с себя одежду с золотыми шнурочками и светлыми пуговками и айда к другому. Заломит из озорства такую себе цену, что содержателя в дрожь кинет; но раскошеляется толстосум — упустить Васю, как тот ни дорожится, нельзя: убыток.

Городовые не раз страшали Прокатчика за дерзкую езду: «Уймешься ты, удалец? А то, гляди, в холодную, на отсидку!..» И когда в 1914 году началась война, полиция воспользовалась случаем, чтобы неудобного на столичных улицах человека сплавить в солдаты. «Будешь немцев бить, — напутствовал Прокатчика полицейский

пристав.— Это по твоему нраву в самый раз... Во славу царя и отечества!»

Зачислили его по специальности — шофером в броневые части.

Вот и все, чего я допытался у пенсионеров. А фамилия Прокатчика? А бог его знает. Золотой человек, любимец столичной публики, мастер своего дела. Этим все сказано. Причем же здесь паспорт?

Оскар Юлка — кожевник и большевик

Я совсем было отчаялся разыскать Васю-прокатчика, но случай помог мне. Я повстречал старого большевика Оскара Оскаровича Юлка — финна, кожевника из Таммерфорса, где он видел Ленина, говорил с ним.

Было это на одном из вечеров, где выступали ветераны революции. Когда Юлка, отвечая на вопросы, мельком упомянул о своем участии в торжественной встрече Ленина у Финляндского вокзала, я подумал: «А не знает ли он Васю-прокатчика?»

Когда вопросы кончились и Юлка сошел с трибуны, я к нему.

— Вася-прокатчик? — старик остановился. — О, это хороший, достойный человек!

Познакомился Оскар Оскарович с Прокатчиком в 1917 году в солдатском госпитале. Еще до февральского переворота Юлка захаживал туда под видом холодного сапожника. Как раскроет свой сундучок, так солдаты, надо не надо, а сбредутся со всего госпиталя. Брал он мелкую починку, дело делает, а разговор между тем клонит туда, куда и полагается клонить большевику-подпольщику.

Приходит однажды Юлка в госпиталь — на воротах уже красные флаги. Поднимается в хирургическое отделение, а из палаты шум, крики: Ходячие раненые в коридоре пересмеиваются: «Новичок появился сильно куражливый. Из бронечастей. Видать, боевой!»

Юлка увидел на койке чернобрового парня с горячими выпуклыми глазами. Усики — два шильца — топорщились, как бы предостерегая: «Не подходи, уколо!»

Прокатчик, хоть и лежал пластом, но ругался на чем свет стоит, не слушая оправданий стоявшего перед ним толстого смотрителя.

— Это щи, по-твоему?.. Где мясо? Врешь, что не доглядел... Сам сожрал!.. — Он заскулил тоненько и пронзительно: — Карау-ул!.. Ворую-ют!.. Кругом чисто обирают солдата!..

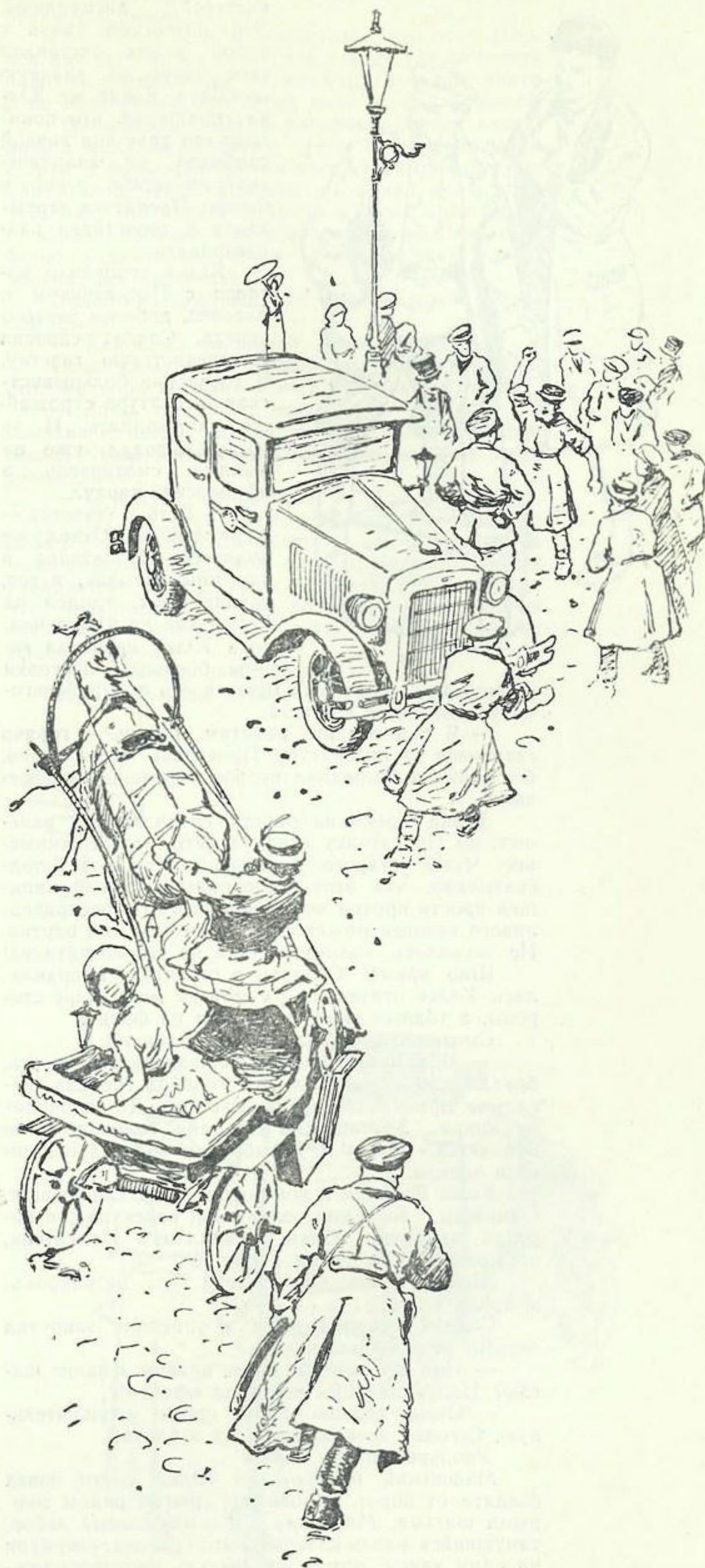
Раненые угрожающе зашумели.

Смотритель, подобрав полы халата, пустился наутек.

— А почему, Василий, так получается? — спросил однажды Юлка, подсаживаясь к бунтарю. — Пошевели-ка мозгами. Или в голове у тебя только похлебка булькает?

Василий вспыл, да чуть не в драку. А старый кожемяка, усмехаясь, протянул ему свою руку — всего только для обозрения. Драчливый солдат был озадачен силищей в руке маленького коренастого человека. Разговорились. А из откровенного разговора двоих — солдата и рабочего — родилось взаимное доверие. Теперь уже можно было просвещать человека.

Труднее всего пришлось агитатору, когда он стал воспитывать Прокатчика в понятиях больше-





вистской дисциплины. Этот питерский ухарь с пеной у рта отстаивал свое право на «личную свободу». Когда же Юлка спрашивал, что понимает его друг под личной свободой, не анархический ли заскок у него в голове, Прокатчик чертыхался и переставал разговаривать.

Юлка терпеливо возился с Прокатчиком и, наконец, добился первого успеха. Солдат спросил большевистскую газетку. В госпитале большевистская литература строжайше запрещалась. И за этим наблюдал уже не рыхлый смотритель, а офицерский караул.

— Есть газетка, — шепнул Юлка. Отвел уже ходячего Прокатчика в укромный уголок, и тот, разинув рот, глядел на Юлку, как на фокусника, пока Юлка извлекал газеты, брошюры, листовки

из самых неожиданных мест своего полурбочего-полусолдатского костюма.

— Я сам раздам ребятам, слышь? — горячо схватился за литературу Прокатчик. И он ловко, без запинки, выполнил первое поручение большевика.

Юлка проводил работу среди многих раненых, но Прокатчику стал уделять особое внимание. Чутье старого подпольщика на людей подсказывало, что этот беспокойный, полный кипящей ярости против всего бесчестного и несправедливого человек может стать полезным для партии. Не пожалеть только трудов на его воспитание!

Шло время! Солдаты в госпитале поправлялись. Калек отпускали с сумой на все четыре стороны, а годных опять посылали на фронт.

Смотритель согнал с койки Василия.

— В команду выздоравливающих! Воевать, брат, будем... слышал, что говорят господа министры Временного правительства? До победного конца. Значит, там без тебя, головореза, не обойдется... Марш! — И забрал у солдата подушку и одеяло.

Ушел Василий в команду выздоравливающих. Однажды, во время солдатской перекурки, в воротах замаячил Юлка. Увидал его Прокатчик, обрадовался, поспешил к другу.

Шепчет Юлка: «Как у тебя тут... не напроказил еще?»

Солдат оскалил зубы в усмешке, закрутил черный ус в проволочку:

— Или не заметил — на правом фланге шагаю? Направляющим поставил офицер!

— Очень хорошо. Тогда проси увольнительную. Сегодня воскресенье... Да и пасха!

Увольнительную дали.

Маленький быстроногий Юлка круто повел солдата от ворот. Прокатчик шагал рядом мерными шагами. Миновали длинный унылый забор, тянувшийся вдоль казарменного городка, свернули на одну улицу, потом на другую, противополож-

ную первой... Вроде, как начали крутить вокруг одного места. Прокатчик понял, что Юлка запутывает следы. Ему не терпелось узнать, для чего вся эта таинственность. Но из гордости не спросил.

Сели в трамвай и долго ехали по глухим, совсем не столичного вида улицам. Но вот улицы расширились, трамвай пошел между красивыми домами с зеркальными окнами, тротуары запестрели толпами гуляющих.

Сошли на Садовой и свернули на Инженерную.

Дом № 11. Михайловский манеж. Помещение солдату известное: тут в боевой готовности стояли броневые машины Петроградского гарнизона. У ворот — часовая.

— Приготовься... — шепнул Юлка и зашагал прямо к часовому. Василий опешил, не зная, к чему именно готовиться, но мелькнула догадка — «Снять часового!» — и Василий стал заводить назад правое плечо, чтобы с отяжки грохнуть кулаком и сбить с ног слугу мирового империализма.

Но в следующее мгновение Прокатчик вообще перестал что-нибудь понимать... Когда Юлка приблизился к часовому, «слуга мирового империализма» вдруг распахнул калитку и вытянулся, взяв оружие к ноге. А Юлка кивнул ему и переступил порог, как какой-нибудь генерал...

Этакого Прокатчику и во сне не снилось. И должен был он себе признаться, что пока валялся в госпитале, да сидел там взаперти, — на белом свете произошли какие-то удивительные, дух захватывающие перемены.

А то, что случилось дальше, было и жутко и весело. Распахнулись ворота. Фырча и громяхая стальным корпусом, выкатился на улицу броневой автомобиль. Находившийся внутри солдат выскочил в дверцу и стремглав кинулся обратно, хлопнув за собой калитку манежа. А из машины высунулся Юлка.

— Василий, за руль! — крикнул он повелительно.

Прокатчик шмыгнул на сиденье — да как даст газу! Опять он на улицах столицы, опять может показать в городе свое мастерство! У него и мысли не возникло о том, что он играет со смертью, что за похищение боевой машины — расстрел в двадцать четыре часа... Так обрадовался человек рулю!

Юлка сидел рядом с шофером, то и дело придерживая его за руку, требуя, чтобы машина шла спокойно, не пугая прохожих, не заставляя шархаться лошадей. Быстрая езда могла вызвать подозрение, а Юлка хотел, чтобы машина выглядела как броневик, солидно совершающий патрульный рейс по гарнизону. Нелегко было справиться с лихачем-прокатчиком, дорвавшимся до руля машины. Но все шло благополучно. Посчастливилось, что в пасхальный день гарнизонное начальство упустило свои служебные обязанности.

Миновав Троицкий мост через Неву, поехали по Большой Дворянской и, выждав, когда поблизости не оказалось прохожих, проворно свернули в тихую улочку — Малую Дворянскую (ныне улица имени Мичурина).

Юлка показал на красный кирпичный дом с правой стороны.

— К девятнадцатому номеру, — распорядился он. — И — в ворота!

Здесь была мастерская, куда свозили для ремонта подбитые на фронте броневые автомобили.

Солдаты, все из рабочих, живо упрятали броневик среди других машин, расставленных во дворе и под навесом.

Весь день до вечера мастеровые хлопотали около броневика, выверяя механизм и вооружение машины. Прокатчик работал вместе со всеми, удивив Юлку своей выдержкой: парень ни разу не спросил, что за подготовка и для чего она.

Только перед вечером, когда машина была укомплектована боевым припасом и экипажем, Юлка отвел Прокатчика в сторонку для разговора.

— Счастливый ты, Василий...

Прокатчик так и уставился на него: смеется, что ли?

— Любопытно бы узнать, в чем мое солдатское счастье?

А Юлка:

— Сегодня возвращается из эмиграции Владимир Ильич Ленин. Я тебе рассказывал о нем... Будем встречать на Финляндском вокзале. И тебе, беспартийному товарищу, партия поручает ответственное дело. Толк в броневиках понимаешь... Ну, так вот... И человек ты наш — я лично за тебя поручился...

Солдат стоял навытяжку. Шумно передохнул и спросил тихо:

— А что велишь делать?

— Пока секрет. Узнаешь вечером. И чтоб язык за зубами!

А к вечеру броневик тронулся со двора. Повел его Прокатчик.

На этом Оскар Оскарович закончил свой рассказ.

— Верный человек! Надежный, дисциплинированный товарищ! — И стал мне всячески советовать поговорить с самим Прокатчиком о том, как Владимир Ильич выступал с броневика. — Шофер это лучше расскажет, он в броневике сидел... Познакомьтесь с ним.

— Ну разумеется, Оскар Оскарович, — сказал я, — буду только рад этой встрече! Дайте же его адрес, и, кстати, как его фамилия?

Юлка зарядил трубку. Многозначительно помедлил.

Раскурил и принялся усердно ее посасывать, обволакиваясь клубами дыма.

— Дурная подпольная привычка, — наконец пробормотал он, — не спрашивать настоящей фамилии! Адреса тоже не знаю.

И старик окончательно потонул в дыму.

Водитель броневика Василий Федоров

Если бы не работники музея В. И. Ленина, пожалуй, так бы и не видать мне Прокатчика. Но Мраморный дворец повел планомерную работу: он стал выявлять участников Октябрьской революции. Музею помогали партийные комитеты на заводах, фабриках, на транспорте, в различных учреждениях. Фронт поисков все ширился, и многие ветераны революции, по скромности не поминавшие о своих подвигах, были как бы разбужены людьми нового поколения.

Среди них был и Вася-прокатчик.

В мраморных залах дворца я и встретился с ним.

Узнал его по описаниям стариков-шоферов и Юлки. Действительно, очень высок, худощав, с пронзительным взглядом черных глаз. Конечно,

время посеребрило ему голову. И усы уже не черные, а сивые.

От работников музея я знал, что этот человек как бы «забыл себя». На заводе, где он теперь работал контролером по качеству изделий, никто и не подозревал, что перед ними шофер знаменитого броневика. А когда работники музея заявили к нему на квартиру, чтобы побеседовать, он с трудом разыскал клочки когда-то выданных ему документов. Даже в музей не желал идти: «Зачем, кому это надо?» А когда в музее дали бумагу и перо, написал о себе совсем скупое. И это особенно подзадорило меня: «Выведать как можно больше, все интересное!»

Надо ли говорить, что первым моим вопросом было:

— Как ваша фамилия?

Оказалось, зовут человека до обидности просто: Федоров Василий Константинович...

— Знал ли я, что машина для Ленина? Да понятия не имел. На другой день даже ссориться пошел с товарищами большевиками, которые мной руководили...

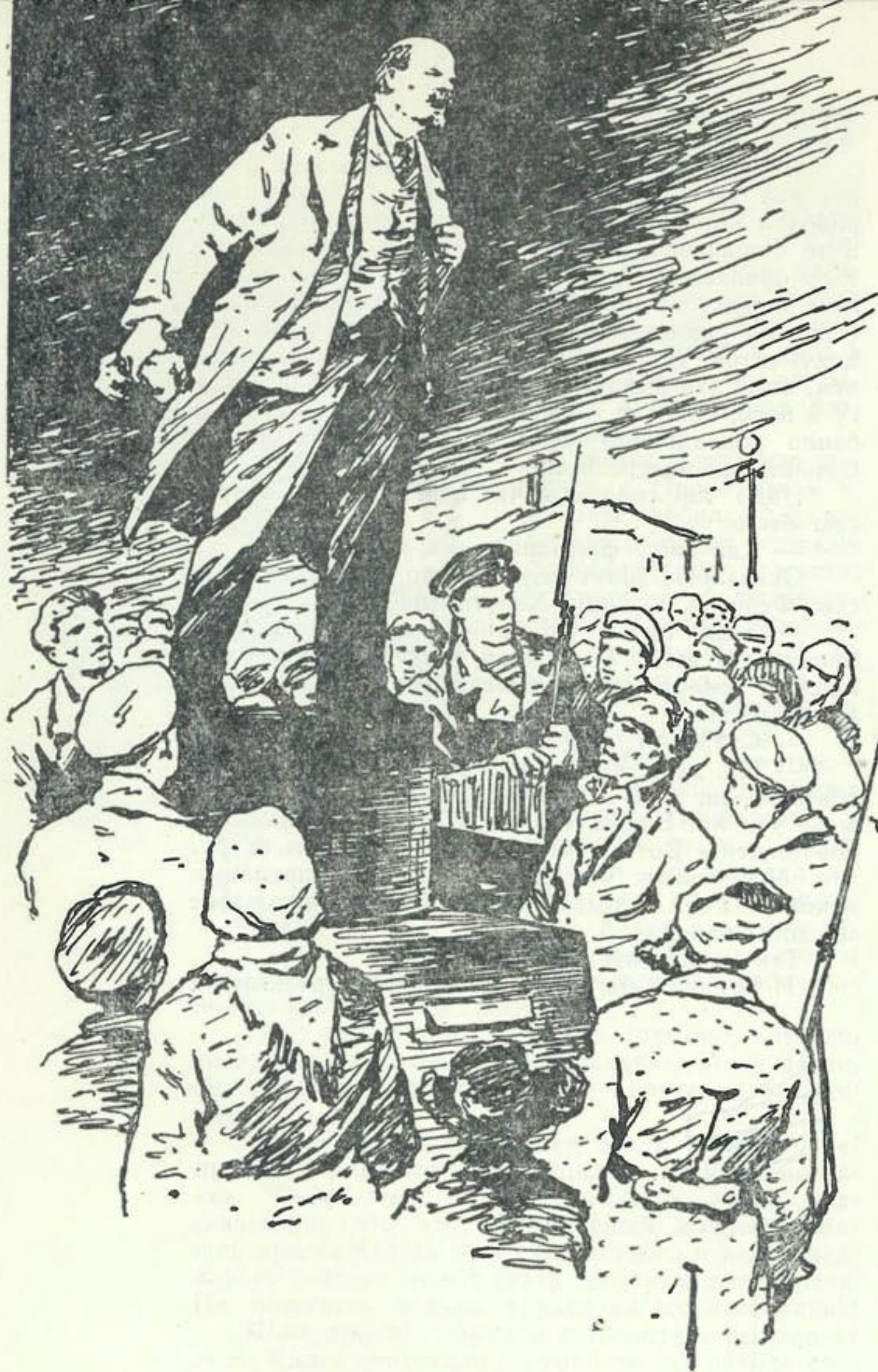
— С Юлкой, например?

— Ну, да, с ним в первую очередь. «Мол, не совестно ли, хлеб-соль вместе, а как дела, так от меня утайки? Знать, мол, не знаю больше никаких товарищей!» Вот до чего обиделся. Решил сдуру, что большевики мне не доверяют. О партийных законах имел я тогда, прямо скажу, диковатое представление...

Так началась наша беседа.

И вот уже мы курим из одного портсигара!..





— Прогудел на вокзале прошедший с Белострова поезд, и стали на крыльце скапливаться люди: эти на вокзал, те из вокзала — засуетились. Вдруг в толпе заговорили: «Ленин... Ленин...» Гляжу я во все глаза и понять не могу: который же? В лицо-то ведь не знаю!.. Но тут в темном небе скрестили лучи прожектора, заиграла музыка, и такое дружное раздалось «ура», что даже броневик мой отозвался — загудел, загрохотал, как стальной барабан... И вижу — от крыльца, подхватив на руки, матросы и рабочие несут человека. Вот он, товарищ Ленин... Тут уж я, забыв все на свете, заорал из своего барабана «ура».

Прокатчик вспомнил, как он судорожно схватился за тормоза, когда Владимир Ильич вступил на броневик. Машина и без того стояла как вкопанная, а шофер жал и жал: только бы не качнулся броневик.

Потом — новая тревога: Ленин на башне, а какой у башни колпак, вдруг покатый? Время — апрель: днем пригревало, а к ночи пал туман. Значит, изморозь, и на башне могла получиться ледяная корка... Вдруг да поскользнется там, наверху?

Прокатчик от одного воспоминания поёжился...

— Спрашиваю ребят: «Какая крышка?» А они не помнят. Не знают то есть. Броневик им незнакомый, они из другой части. А как предупредить Владимира Ильича? Он говорит речь народу. И — по голосу слышно — разгорячился, вся площадь отзывается гулом на его каленые слова. Сунься-ка тут!

Что делать? Наконец, один из пулеметчиков нашелся — вскочил на свой насест у пулемета и оттуда изнутри дотянулся рукой до крышки.

«Ребята, да она плоская, как стол!» — И все облегченно вздохнули. Успокоились за Ленина.

Рассказ Прокатчика был как из лоскутьев. Часто он останавливался и подолгу тер лоб рукой, словно раздумывая, какой же теперь лоскут приладить, чтобы поскладнее. И я его понимал. Нелегко извлечь воспоминания из глубины памяти, если они были там замурованы долгие годы. И терпеливо ожидал продолжения.

...Солдаты броневика, переволновавшись за Ленина, и не заметили, как кончился митинг. Снаружи кто-то постучался.

Прокатчик отбросил шеколку и толкнул от себя тяжелую дверцу. А перед входом в броневик — Владимир Ильич. «Здравствуйте, товарищи!» — И, запрокинув голову, с любопытством заглядывает внутрь машины. Ему посветили. Сопровождавшие Владимира Ильича товарищи принялись подшучивать насчет того, как он поедет в столь необычном экипаже.

— А мне экипаж нравится, — весело отозвался Ленин. Поставил ногу на приступку, нырнул головой в дверцу — и вот он уж на сиденье, рядом с шофером.

Сидит Владимир Ильич. Вижу, неудобно ему, колени чуть не под подбородком. И тут взяла меня такая обида на нашу дурость, что я губы себе искусал. Ведь в мастерской стояли, дураки, — можно было для товарища Ленина изладить сиденье как следует — и повыше, и помягче. Куда только глядел Юлка?

— Товарищ Ленин, — говорю, — извините, не сообразили. Ведь вам неудобно сидеть.

А Ленин:

— Не беспокойтесь, товарищ, вполне удобно.

Дальше Прокатчик рассказал, как трогались с места. Дело оказалось не простым даже для опытного шофера. Ночь, видать плохо, лучи прожекторов, качаясь в разные стороны, только слепят. А вокруг народ. Чуть посторонюсь перед броневиком, толпа смыкалась, приветствуя Ленина.

Владимир Ильич высунулся в дверцу и стал отвечать на приветствия.

— Осторожно, товарищ... — трогал он руку шофера на руле. — Осторожно, прошу вас... не заденьте кого-нибудь...

Когда явилась возможность двинуться вперед, Прокатчик для парадности включил все три фары, устроенные на броневике: обе передних и заднюю. Да вышло невпопад. За броневиком следовала открытая машина «Паккард» — ландо с вооруженными матросами. Моряки запротестовали — свет бил им в глаза, и пришлось заднюю фару выключить.

Проехали полквартала, а дальше — стоп. У выезда с площади в Финский переулок толпа преградила дорогу, передние даже взялись за руки цепью. Со всех сторон закричали:

— Ленина! Ленина!

Это были не попавшие из-за тесноты на площадь. Владимир Ильич приподнялся, нащупал ногой снаружи подножку и, держась за открытую дверцу, высунулся из машины. Он произнес небольшую речь, которую, как и на площади, закончил словами: «Да здравствует социалистическая революция!»

Прокатчик для себя запомнил остановку: против дома № 6 по Финскому переулку.

— Замечаю,— говорит прокатчик,— что Владимир Ильич, сядя на место, надевает шапку. Это на апрельском-то ветру да с голой головой!

И шофер стал советовать Ленину побережиться и шапки не снимать. Владимир Ильич приподнял бровь, поглядел на него.

— Вы неправы, товарищ. Нельзя приветствовать рабочий класс не сняв шапку.

Эти слова запомнились шоферу на всю жизнь.

Прокатчик шаг за шагом рассказывал о пути броневика.

Свернули на Нижегородскую улицу. И тут тьма народу. Решил шофер: «Этак и не выбраться на чистую дорогу. Пробьюсь-ка, попробую с Боткинской! Улица боковая, и народу там делать нечего». А вышло, что и на Боткинской полно, не проехать.

Здесь Владимир Ильич снова был вызван из броневика и сказал краткую речь.

Достигли Большого Сампсониевского проспекта (ныне имени Карла Маркса). У дома № 14 Владимир Ильич выступил третий раз, не считая речи, которую он произнес на площади... Уже глубокая ночь. А он не утомим.

Отсюда мимо аптеки на углу свернули на Финляндский проспект. По-прежнему двигались в гуще народа, так что и тут шоферу не удалось прибавить ходу.

Чуть подалее, где дорогу перекрещивает Астраханская улица, случилась заминка. Слева, из глухих тупиков, вынырнул неизвестный броневик. С каким умыслом шатался он тут ночью по закоулкам. Василий Константинович сказать не мог. Однако же, попав на людное место, машина сра-

зу сбилась с ходу и начала тыкаться в разные стороны. Над головой у Прокатчика, поворачиваясь, загремели башни. Через приоткрытую дверцу шофер увидел бегущих вперед матросов с винтовками и гранатами в руках. Сунулся было Прокатчик захлопнуть дверцу и опустить засов, но Владимир Ильич деликатно отстранил его руку, будто ничего и не происходит. Понял Прокатчик — не желает запирается от народа...

И вышло так, что народ сам, кучной толпой и заслонил машину с Лениным, а незваному броневнику указал дорогу прочь. Тот так и шмыгнул в темноту — рад был, наверное, что целым остался.

Прокатчик назвал еще две остановки, которые, как и все предыдущие, он помнил наизусть. Это — Финляндский проспект, угол Оренбургской, и Большая Дворянская, угол Вульфово. Здесь в четвертый и пятый раз выступил Ленин.

А впереди народ, и опять народ.

Прокатчик осторожно вел машину через людское море и думал: «Вот это, наверное, и есть то, что составляет миллион. Человеческому уму представить миллион не под силу. Но за сегодняшнюю ночь я увидел миллион своими глазами».

Остановились у особняка Кшесинской. Здесь помещался Центральный Комитет большевиков.

Владимир Ильич поблагодарил шофера, подал ему на прощанье руку и, приветствуемый народом, бочком-бочком пробрался к калитке.

Вскоре, в ответ на требования собравшихся, Ленин вышел на балкон. Поднял руку, призывая к спокойствию, и заговорил.

Это была шестая его речь на протяжении одной ночи...

А броневик еще до света был доставлен обратно в манеж. Так распорядился Юлка. Чтобы не подвести в манеже солдатский караул.

Ленинград, август 1959 г.

Рисунки В. Бубенщикова

Из газет
нашего края

НА КАЧКАНАРЕ

Цех под землей

Крупнейшая стройка Урала — Качканарский обогатительный комбинат. Недавно здесь запроектировали строительство нового цеха крупного дробления.

Цех этот необычный. Он будет на большой глубине — 72 метра. Только для того, чтобы вырыть котлован для нового цеха, строителям придется вынуть полтора миллиона кубометров скального

грунта. По условиям рельефа гористой местности такое решение строительства цеха наиболее выгодное.

«Уральский рабочий».

В капкане — орел

На Качканаре хорошо знают охотника Леонида Иванова. Грозой медведей называют его.

Как-то осенью Иванов пошел проверить капкан, который он

установил для косолапого хищника. Но вместо медведя увидел в нем орла-великана. Размах крыльев птицы был около двух с половиной метров, а когти по величине почти равны медвежьим. Такой орел редко встречается на Урале.

Могучая птица и в неволе не славалась. Она несколько раз пыталась стукнуть охотника сильным клювом. Пришлось ее убить.

«На стройке Качканара».



ДЕД ВЕШКИН

Сергей АЛЕКСЕЕВ

Рисунки А. Казанцева

Царя скинули

Весть о Февральской революции пришла в Ворон-село с опозданием, на десятый день. Привез ее дед Вешкин. Ездил старик в уездный город и вдруг, на тебе — царя скинули. Не дав коню отдыха, дед повернул назад и примчал в родное село.

Мужики растерялись, не знали, как и принять весть.

— Может, ты, старый, не дослышал? — спрашивали.

— Как не дослышал? — обижался дед Вешкин. — Там только все и кричат, что об этом.

— А может, подшутил кто? — не отставали мужики.

— Подшутил! — огрызнулся дед. — Да разве таким шутят?

Однако на селе к дедовым словам отнеслись недоверчиво, громко говорить не решались. «Ну, как сочтут за бунтарей и в Сибирь...»

А через несколько дней прибыл из уезда представитель, собрали мужиков к церкви, и длинный господин в клетчатом полупальто сообщил, словно пропел:

— Радея о благе народа, государь Николай Второй соизволил снять с себя монаршую власть. Создано народное (в том месте представитель чихнул) Временное правительство. Теперь вы, — кончил представитель и выбросил вперед, как бы стараясь обнять мужиков, сухопарые руки, — теперь вы, — повторил он и снова чихнул, — граждане свободной России.

Вслед за приехавшим на паперть полз кулак Акулов и от имени народа заверил новую власть в повиновении и соблюдении порядка. Потом батюшка долго говорил про божественное и кончил тем, что отслужил молебен за здравие свобод на многие лета.

Мужики расходились возбужденные. Дед Вешкин подходил то к одному, то к другому и торжественно выкрикивал:

— Ну, что? Говорил я, а? Али не говорил?

— А как же с землей? — спра-

шивали мужики у деда. — Про землю ты ничего в городе не слыхал?

— Слыхал, — отвечал дед. — Как не слыхать? Раз власть народная, стало быть, и земля наша, мужицкая. Вестимо, наша, а как же, — закончил он с уверенностью.

Однако мужики и на сей раз деду не очень поверили. Решили выяснить сами. На следующий день явились к уездному представителю.

— С землей? — переспросил тот. — Этот вопрос, — ответил, — будет решать Учредительное собрание. Пока порядок землепользования остается прежний.

— Набрехал старый черт, — ругали на обратном пути мужики деда. — Вон оно как с землей. С землей оно пока никак.

Солдат с фронта

Солдат Иван Колотуха по Бродам потерял ногу. Провалился солдат полгода по разным госпиталям. Был в Казани, в Пензе и в Питере около месяца.

Из Питера при новом костыле, с Георгиевской медалью, в полной военной форме и пожаловал солдат в родное Ворон-село.

В первый же вечер набилось к Колотухе человек до двадцати мужиков. Не утерпела, заглянула солдатка Наталья Лыкина. Пришел и дед Вешкин.

— Ванька? — закричал он с порога. — Да никак Ванька! Ить ты, жив стервец, — и полез целоваться. Потом пощупал медаль, перевернул с лицевой на обратную сторону. — Георгиевская, — проговорил и одобрительно посмотрел на Колотуху. — Так им, германцам толстопузым. Пусть знают.

Выпили в этот день много. А когда было выпито и за хозяина, и за хозяйку, и за гостей, и за тех мучеников и великомучеников, которые не вернулись на родную Орловщину, да и в другие губернии государства Российского, перешли к главному.

Начали с фронта.

— Фронт, он такое место, где убивают, — объяснил Колотуха. — Тут раз не ты, так тебя. Только нынче солдат другой пошел. Мира хстят солдаты.

— Правильно, а как же, — протянул дед Вешкин. — Скорей бы уж замирились.

Потом заговорили о Питере.

— Ну, а как оно там, в Питере, про землю поговаривают? — заикнулся осторожно дед Вешкин.

— И что там про Учредительное собрание говорят? — вступил в разговор молчавший до этого Кучкин.

— Про землю? Да разное говорят. Вот у нас на фронте прапорщик Пыпа был, так он гово-

рил, что земля крестьянской должна быть. А в Питере, там все больше про власть. И тоже разное говорят. Большевики больно смущают. Против войны большевики во как!

— А что, верно, — проговорил Кучкин. — Повоевали — и будя. И по домам пора.

— Оно бы и хозяйству полегче, — добавил Пегов.

Помолчали.

— Ну, а про землю? Про землю. Как оно с землей будет? — опять полез со своим дед Вешкин.

— Про землю? — Колотуха задумался. Потом наклонился к собравшимся и, сбавив голос, проговорил:

— Землю, мужики, я так думаю, самим брать надо. Да так, чтобы накрепко. Во как! — Он встал и с такой силой сжал оторопевшего Вешкина, что у старика даже кости хрустнули.

Матрос

В начале апреля прибыл в Ворон-село матрос. Бескозырка, тельняшка, ленты — все как есть на своем месте. Прошелся матрос по селу, промел улицы широкими клешами. Рост у матроса огромный, грудь, словно наковальня, ручки — хоть жернова ворочай. Вот бы такого к плугу!

Матрос рассказал, что пробирается с Черного моря к друзьям на море Балтийское и пробудет в селе несколько дней. Имеет специальное на то поручение. Остановился матрос у деда Вешкина, назвал старика братишкой и сразу завел с ним такие речи:

— Партейных у вас на селе много?

— Кавой-то? — переспросил дед.

— Партейных, говорю, много? — повторил матрос.

— А, партейных! Есть партейные, — ответил дед Вешкин. — Батюшка у нас партейный.

— Батюшка? — удивился матрос. — Так какой же он партии?

— Батюшка у нас горькую пьет, — доложил Вешкин.

— Ну, пьет, так и черт с ним, — сказал матрос. — А партии он какой?

— Да кто его знает, — ответил дед. — Намедни батюшка нашему купцу Акулову говорил: «Ты мне новую партию винца поставь». Новую, видать, и пьет.

— Дурак же ты, братишка, — ругнулся матрос.

В этот вечер они больше не говорили. А на следующий день матрос опять к деду:

— Знаешь, братишка, запишука я тебя в анархисты-максималисты.

— Что? — переспросил дед.

— Ты за царя или против?

От такого вопроса дед струхнул и не знал, что ответить. Кто его знает, какие тайные поручения у матроса.

— Да ты не бойся, — наседали матрос. — Против царя, спрашиваю, или нет?

— Да оно... — начал было дед Вешкин. — Я, как все, во как я, — ответил.

— Ну, значит, против царя, — заключил матрос и снова с вопросом: — Ты за свободу личности?

— Что? — опять переспросил дед.

— Ты за свободу личности? —



повторил матрос. — Ну, так, чтобы никто тобой не командовал. Чтобы была, к примеру, полная воля. Захотел — работай. Не захотел — сиди дома.

— Эна она чего, — усмехнулся Вешкин. — Да тут оно разве от тебя зависит? Разве мужик по своей охоте? Тут тебе и погода. Может, я работать не хочу, а хлеб стоит, поспел, осыпается. Да разве так можно?

И снова матрос сказал: «Дурак ты, братишка, как есть дурак». И снова они в этот вечер не говорили. А на следующий день старик сам подошел к матросу.

— А что она, твоя максимальная анархия, — спросил, — про землю думает?

— Она про все, братишка, думает, — сразу оживился матрос. — Господ всех к чертям собачьим — раз. Никакой власти — два.

— А про землю, про землю? — не отставал Вешкин.

— Про землю? — переспросил матрос. — Что про землю? Землю, братишка, пахать надо. На то она и земля.

— Па-а-хоть, — протянул дед. — Это вестимо, что пахать. А чья она, земля, должна быть?

— Чья? Ничейная, вот она чья, — подумав, ответил матрос.

— Понятно, — проговорил дед Вешкин.

Спал в эту ночь старик беспокойно, ворочался, а чуть свет разбудил матроса:

— Так, говоришь, земля ничейная?

— Ну, да, — ответил матрос.

— Стало быть, каждый ее взять может?

— Ну, да, бери, сколько хошь.

— А с лугами как? — спросил Вешкин.

— И луга бери, — ответил матрос. — И лес тоже.

— Ладно, — сказал дед. — Тогда пиши в эти самые антихристы. Только так, чтобы мне землю дать первому.

— Так, тоже понятно, — ответил матрос. — Выбирай себе самый наилучший участок.

В этот же день матрос повел агитацию и среди других мужиков. Только те к словам приехавшего отнеслись как-то неясно, подумать обещали все, но записываться, как ни бился матрос, не хотели. К концу недели только и записались, что девка Дуняшка Крекшина и солдатка Наталья Лыкина, да и те ради того, чтобы лишний раз посмограть на матроса,

Полная свобода личности

Весь март и апрель мужики только и думали, что о земле, ждали Учредительного собрания. Однако собрание отложили то ли на лето, то ли на осень. А тут всю разыгралась весна, прошла мутными ручьями по оврагам и балкам, зазвенела грачиным криком, залысела сероземом на буграх и кручах. Подлирала весна сев. Заволновались мужики, и пошел по селу шепоток: а что, ежели, как в пятом, не пустить ли кое-кому петуха, да и чего ждать, сами не без ума, пойти да и взять господскую землю.

И мужиков прорвало.

Гнев пришел на помещика Волосатова. Кто-то крикнул:

— Довольно, хватит, натерпелись! Мало ли нашей кровушки попил!

Другие поддержали:

— Сжечь Волосатова!

— Отнять землю!

— Разделить скот!

И мужиков словно подхватил ветер, взыграла накипевшая злоба, кольнула мужицкие души, погнала, как листья в бурю впергонки, со свистом и завыванием в сторону господского дома.

Матроса в это утро на селе не было. Уехал на хутора вести агитацию. Забегал дед Вешкин, не знал, как и поступить. И от мужиков отставать не хочется, и кто его знает, что матрос скажет. Решил выждать, сел возле дома.

— Ты что, — крикнула, пробегая Наталья Лыкина. — Волосатова пожалел?

— У меня что-то ногу свело, — на всякий случай сбрыхал Вешкин.

Ждал матроса старик час, ждал два, к околице выходил, в дорогу всматривался, а самого за мужиками тянет. Наконец решил: «Пойду-ка посмотрю, что там делается». И наладил по дороге мелкой рысцой, словно молодой конь на разминке. А навстречу ему, будто армейские обозы при отступлении, кто пеше, кто конно, каждый как мог тащили воронцовские мужики господское добро. Тарахтя по булыжной дороге, шли воза, груженные хлебом. Высекая из камня искру, лязгали барские плуги и бороны. Упираясь, ржали господские кони; выпучив от испуга глаза, мычали коровы. Косоглазый Пегов, впрягшись вместо лошади, катил барский тарантас. Дуняшка Крекшина с матерью тащили волоса-

товскую кровать. Дед Кучкин волок ставни.

— Мать честная! — восклицал Вешкин. — Ить тебе добра сколько! — и прибавлял шаг.

В воротах господского дома дед налетел на Наталью Лыкину. Осторожно ступая, солдатка несла зеркало. От удара зеркало колыхнулось, чуть не упало.

— У, шелудивый! — ругнулась Наталья. — Что конь с привязи!

— Цыц, дура! — огрызнулся старик и только прибавил ходу.

На господском дворе еще крутились мужики и бабы, однако, по всему было видно, что с помещиком Волосатовым покончили. Сунулся дед в амбары — пусто. Заглянул в конюшни — коней словно и не бывало. Побежал в погреба — хоть шаром покати.

— Опоздал, опоздал! — сокрушался дед. — Мать честная, и чего я его ждал? — помянул матроса.

Посмотрел дед по сторонам, решил идти в барский дом. В комнаты входил осторожно, крестился, вытирал ноги. В доме никого нет — стены голые, рамы выставлены, на полу битая посуда и остатки ломаной мебели. Пошел дед по комнатам и вдруг заметил диковинную вещь — стеклянный сосуд. В сосуде рыбы необычные плавают, змейка юркая по дну шныряет. Усмехнулся дед, засмотрелся на рыб, не заметил, как кто-то подошел сзади. Обернулся, а перед ним барский управляющий и камердинер Кириллыч.

— Что это? — спросил Вешкин.

— Аквариум, — ответил Кириллыч.

Потрогал дед аквариум рукой, снова усмехнулся и стал подымать на плечи.

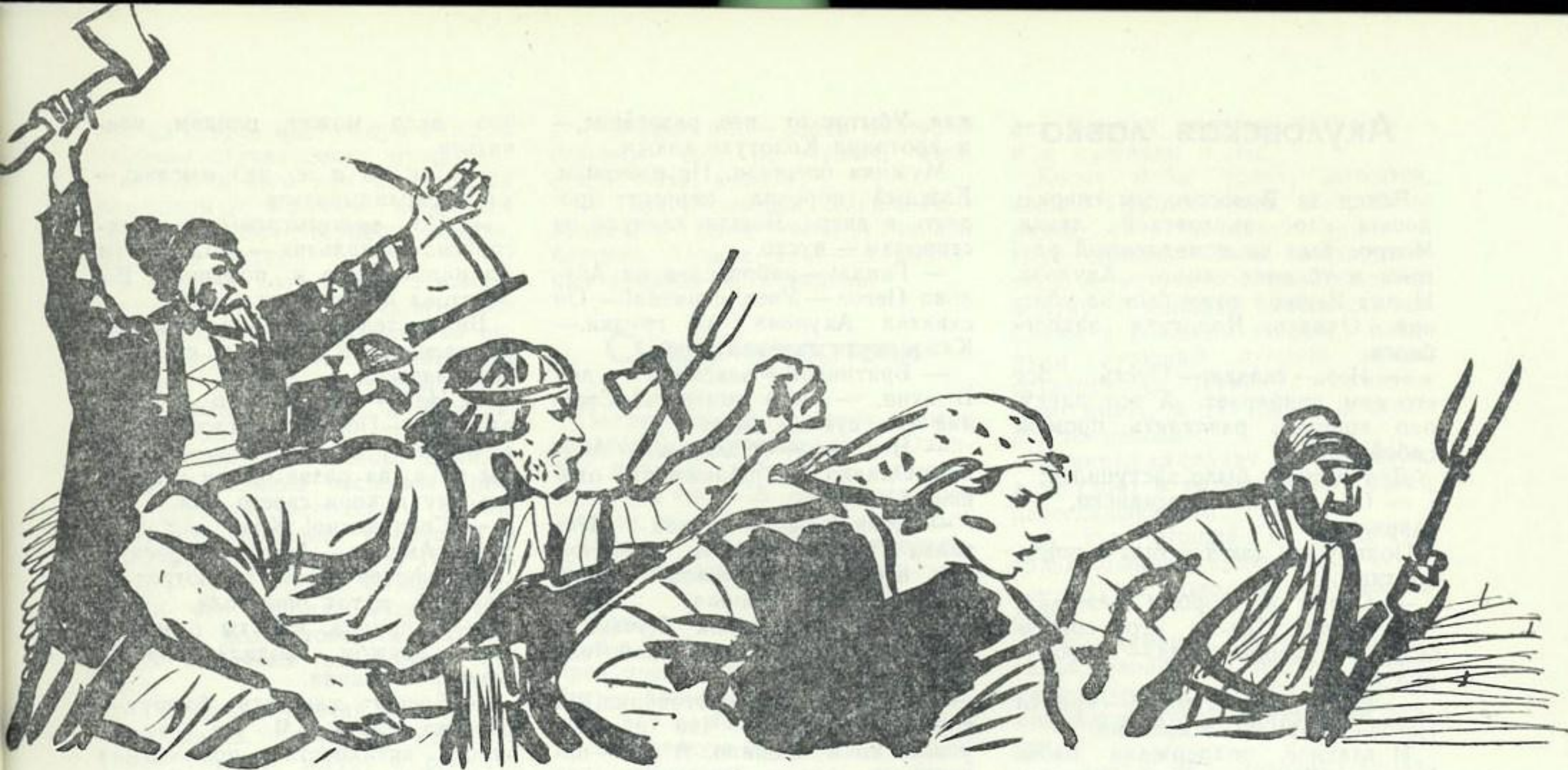
— Постыдился бы хоть ты, старый пес, — проговорил Кириллыч. — Ну куда тебе эта штука?

— Что?! — крикнул дед Вешкин. — Цыц, вот те я! Почем те знать, может, эта штука мне в самый раз. Да я...

Но в эту минуту в комнату вошел помещик Волосатов. Дед сразу умолк, растерялся, поспешно снял с плеча аквариум, поставил на старое место, отступил, почтительно снял шапку, стал кланяться Волосатову и зачастил:

— А я что? Я ничего. Я просто так, попробовать. Ить ты, и тяжелая эта штука, — показал на аквариум.

Волосатов посмотрел на Вешкина невидящими глазами и прошел мимо. Дед одел шапку, снова перекрестился и, пугливо озираясь по сторонам, потрусил к



выходу. Сзади, звеня ключами, шел Кириллыч. Видимо, хотел закрыть дверь. Но двери не оказалось. Кто-то унес обе ее половины.

— Эх, времена! — вздохнул Кириллыч.

— Эге, — ответил дед Вешкин. Остановился на крыльце, посмотрел на двор. Двор опустел, и лишь жалобно скулила кем-то подбитая борзая.

На фронт, в солдаты

Собрались мужики на сход, стали решать, как быть с помещиком Волосатовым.

Один кричит: убить его, гада проклятого. Второй говорит — судить его всем сходом. Третий за то, чтобы всыпать помещику багатов. Спорят. И вдруг поднялся Иван Колотуха. Все смолкли. Оперся Иван о костыль и сказал:

— На войну его. В солдаты. Во как!

Предложение понравилось. Вспомнили мужики старое — засмеялись. Решили отзезти Волосатова на станцию, там сдать властям и потребовать отправки на фронт. Так и поступили. Выделили в провожатые Ивана Колотуху, а от анархистов-максималистов матрос предложил деда Вешкина.

Принес Колотуха Волосатову старое солдатское обмундирование.

— На, — сказал, — одевайся, чтобы по форме, как полагается.

Волосатов было запротестовал, хотел солдата усовестить, но Колотуха занес костыль, и тот подчинился.

До станции ехали часа два. Ехали на дедовой кляче Колотуха и Волосатов сидели молча. Дед вспоминал про турецкую войну, на которой был лет тридцать тому назад, про генерала Скобелева, про Плевну и все Волосатову подавал советы.

— Ты его, барин, германца, чуть что, штыком под дыхло, — говорил Вешкин. — Он, ой как, немец, штыка боится. А когда она, картечь или шрапнель, так ты ложись на землю. Нечего ее, голову, зазря под пули подставлять.

Волосатов сидел покорный и, казалось, внимательно слушал.

— От кухни походной далеко не отходи, — наставлял Вешкин. — За шами становись первым, оно первому навару побольше. За кашей норови последним, последнему она завсегда, порция, интереснее.

Волосатов брезгливо поморщился.

— Не бойсь, не бойсь, — стал успокаивать дед. — Что германец? Германец тьфу, кишка у него супротив русского тонка. Вот турка, так я те скажу, турка — солдат что надо. Вот был у нас такой случай...

— Замолкни! — наконец, крикнул Колотуха. — Надоело брехню слушать.

Так молча они и доехали до станции. Оставил Колотуха деда

Вешкина караулить Волосатова, а сам пошел к начальнику станции докладывать в чем дело.

Вылупил начальник на Колотуху удивленные глаза, никак не мог понять, что от него хотят.

— Вот я и говорю, — объяснял Колотуха, — порешили мужики отправить помещика Волосатова на фронт, в действующую армию. Так вы уж извольте, чтобы все как полагается, по всей форме.

Вначале начальник хотел прогнать Колотуху. Потом понял — легко не отвяжешься, спорить не стал, произнес:

— Ладно, веди вашего солдата.

Вышел Колотуха на улицу, посмотрел на то место, где стояла дедова телега, а там пусто. Бросился Иван сюда, бросился туда, нигде не видно. Потом смотрит, бежит дед Вешкин. Армяк растегнул, шапка на затылок слезла, тяжело дышит.

— Где Волосатов? — закричал Колотуха.

— Утек, утек, поганый! — загнул савил дед. — Утек и кобылу угнал!

— Как утек?! — закричал Колотуха. — А ты что, куда смотрел?!

— Да я что? Я ничего, — стал оправдываться дед Вешкин. — Я-то и всего на один момент.

— На один момент! — заревел Колотуха. — Стрикулист ты поганый!

Долго еще кричал Колотуха на деда Вешкина. Костылем грозил бока обломать, потом успокоился, проговорил:

— Убег, значит. Выходит, не желает в солдаты, — и рассмеялся.

Акуловская лавка

Вслед за Волосотовым очередь дошла до акуловской лавки. Матрос был за немедленный разгром и убийство самого Акулова. И дед Вешкин тоже был за убийство. Однако Колотуха заколебался.

— Нет,— сказал.— Пусть бог его сам прибирает. А вот лавку, оно, конечно, разделить промеж собой надо.

Дед Кучкин было заступился:

— Сие не по-христиански,— заявил.

Подпругин, так тот был и вовсе против.

— Своим же горбом наживал.

— Верно. Дед-то его совсем бедным мужиком был,— проговорил кто-то.

— Неча тут думать!— кричал Пегов.— Громить, и крышка.

И главное, поддержали бабы. Наталья Лыкина, так та расходилась и вовсе и все вспоминала о каком-то куске мыла, еще в пятнадцатом году недоданным ей Акуловым.

— А мне мануфактуры недомерил!— вопила Дуняша Крекшина.

— А мне...

— А нам...

— Да, цыц!— закричал на баб Колотуха.— Будя вам, что грачи на ветлах.

Пока мужики рядили да спорили, Акулов собрал своих хлопцев, запряг лошадей и вывез куда-то лавку.

Явились мужики. Лавка закрыта. Постучали—никто не отзывается. Снова постучали. Опять нет ответа. Обошли мужики лавку, стукнули в жилую половину.

— Кто там?— раздался женский голос.

— Открывай, власти пришли.

Звякнула задвижка, на пороге появилась Акулиха, увидела мужиков, набросилась:

— Ну чего, ироды, чего вас принесло?!

— Цыц!— крикнул Колотуха и поднял костьль.

Та взвизгнула, попятилась, подхватила подол юбки и скрылась в комнатах. Через минуту вышел Акулов. Посмотрел на мужиков, расплылся в улыбке.

— Милости просим,— проговорил.— Рады любезным гостям.

— Ты нам зубы не заговаривай,— перебил его Колотуха.— Давай открывай лавку.

— Лавку?— словно удивившись, переспросил Акулов.— Да начто она вам? Ну, будь там еще что. А то ведь лавку я про-

дал. Убыток от нее, разорение,— и протянул Колотухе ключи.

Мужики опешили. Не поверили. Каждый норовил первым пролезть в двери. Вошли, глянули по сторонам—пусто.

— Гнида!— набросился на Акулова Пегов.— Увез, спрятал!— Он схватил Акулова за грудки.— Кажу, куда задевал лавку?

— Братишки!— закричал дед Вешкин.— Чего смотреть? Стреляй его, сукина сына!

— Но, но,— огрызнулся Акулов. Однако для надежности отошел в сторону.

— Кровопивец!— вопила Наталья Лыкина.— Мыла, мыла кусок верни!— Подбежала, вцепилась Акулову в бороду.

— Будя,— вмешался Кучкин.— Чего привязались, что грабители на большой дороге.

— Ну, пошли,— проговорил, наконец, Колотуха.— Что с воза упало, то и пропало. А ты,— повернулся он к Акулову,— раз ушел, два ушел, да не все потвоему будет. Смотри.— И то ли с досады, то ли в виде острастки пристукнул об пол костьюлем.

Экзекуция

Прошло несколько дней, прибыли в село каратели. Устроили казаки в доме Акулова свой штаб и стали чинить расправу. Завыло Ворон-село. Принялись хватать казаки правого и неправого. Бадам нагайками врезали, кое-кого из мужиков в город, в тюрьму, отправили. Увезли и Ивана Колотуху. Матрос едва унес ноги.

Понял дед Вешкин, что и ему быть в ответе. Решил спрятаться. Однако про деда Вешкина сам Акулов вспомнил.

— Тут,— сказал он казачьему начальнику,— еще один анархист-максималист есть, правая рука, ваше благородие, утекшего матроса.

Бросились искать деда Вешкина. А он в это время ни жив ни мертв сидел в собственном погребе в старой кадке из-под квашеной капусты. Тут его и поймали.

Приволокли деда Вешкина к акуловской избе, бросили под ноги самому начальнику.

— Анархист-максималист?

— Он самый.

— Ты что же, дед, на погост пора, а тоже в политику лезешь?— спросил офицер.

— Лезет, лезет!— завопила Акулиха.— Он и есть самый зло-вредный, не зри, что старый!

Струхнул дед Вешкин, смекнул,

что дело может плохим кончиться.

— Так то я по недомыслию,— стал оправдываться.

— По недомыслию?— переспросил начальник.— Может, ты по недомыслию и помещика Волосатова на станцию возил?

Видит дед—офицер не так чтобы очень злой, осмелел, стал выкручиваться.

— Нет,— ответил,— то я специально.— Потом наклонился к начальнику и зашептал:— Да кабы не я, да разве бы он утек? Я же ему и коня своего дал.

— Специально! Коня дал!— заревел Акулов.— Ах ты стервец!

Но офицер строго посмотрел на Акулова, и тот приумолк.

— А правда, что ты с матросом дружбу водил?— спросил офицер Вешкина.

— Брешут, как есть брешут,— отвечал старик.— Я же сам от него, антихриста, притеснения имел. Хоть кто скажет. Я ваш. Служу государю и отечеству,— вдруг выпалил дед Вешкин.

— Ну, знаешь,— сказал начальник.— Ты что, дурак, что ли?

Понял дед, что взял лишку, пал офицеру в ноги.

— Дурак, дурак,— зачастил,— я же с малолетства такой. У меня вот тут болит,— и тычет себя в голову.

— Ах, ты гнида!— опять закричал Акулов.— Дурнем прикидывается. А кто про убийство говорил, кто?

Дед и вскрикнуть не успел, как навалились на него два дюжих казака, повалили наземь, в момент содрали портки. Один сел на голову, другой на ноги и врезали деду Вешкину и за анархизм-максимализм и за все прочее двадцать ударов.

Целую неделю после этого дед отлеживался, стонал и все сокрушался:

— Эх-ма, и чего я царя помянул? Сызнова через него неприятности.

Манька

Три дня мужики возвращали Волосатову награбленное добро. Пригнали скот. Привезли плуги и бороны. Наталья Лыкина вернула зеркало, Дуняша Крекшина— кровать. Пегов приволок барский тарантас. Даже двери от господского дома и те доставили в целости.

Кириллыч суетился с утра до вечера. Он придирчиво осматривал возвращенный скарб, водво-

рял на старое место и при каждом удобном случае пенял мужиков:

— Ну, и чего вам не живется по-доброму? Разбоем кормиться вздумали? Вот вернется барин, ужо вам будет.

Кириллыч хозяин был дельный. Заставил мужиков застеклить разбитые рамы, окрасить заново окна и двери, а вместо сгоревшего амбара отстроить новый, куда более вместительный и ладный. Потом дед Кучкин до блеска натирал паркет барского дома, а Наталья Лыкина посыпала песком дорожки господского парка.

Прибыл помещик Волосатов и не узнал своего имени. И лишь гибель суки Марии Стюарт, той самой, что подбили мужики при погроме волосатовского хозяйства, омрачала настроение барина.

— Быдло! — кричал он на ображаемых мужиков. — Да за таких борзых шкуру с вас сорвать мало!

Между тем жизнь на селе понемногу наладилась. Акулов опять открыл свою лавку. Вернулся уехавший было батюшка. В городе отпустили вороновских арестантов. И все пошло по-старому.

Выждав несколько дней, дед Вешкин решил навеститься к Волосатову, поговорить о кобыле Маньке. Подходил к барскому дому старик не без робости, все думал, как бы ловчее начать разговор.

На господском дворе никого не было. Дед посмотрел туда-сюда и вдруг повернул к конюшням.

Маньку старик признал сразу. Кобыла стояла в дальнем углу и мирно жевала сено.

— Манька! — позвал Вешкин. — Манька!

Кобыла повернула голову и тихо заржала. Забыв обо всем, старик сорвался с места и бросился к стойлам.

— Манька, Манька! — жалобно скулил Вешкин и целовал лошадь то в лоб, то во влажные отвислые губы. А та от удовольствия лишь помахивала головой и норовила сама лизнуть деда. «Уведу. Чай, моя», — решил Вешкин и стал поспешно отвязывать повод. И вдруг за спиной кто-то крикнул. Дед повернулся — Кириллыч.

— Ты что?! — закричал управляющий.

Вешкин съехался, бросил повод, бессмысленно заморгал глазами и жалобно протянул:

— Кобыла... Манька...

— Я те дам кобылу! — взвизнул Кириллыч. — Опять за свое! Мало вас учили?

— Манька-то, — вновь повторил старик, — чай, не чужая. Моя, стало быть, кобыла.

— Твоя?! — заревел Кириллыч. — Может, и была твоя. А теперь барская. Пошел вон! — и вытолкнул старика из конюшни.

Снова каратели

Попритихло Ворон-село после карателей, поугомонилося. Однако прошло время, и мужики опять за свое. А лето выдалось жаркое, с краткими дождичками, с буйными всходами, с перепелиными криками, с сочными травами.

И снова пошел шепоток: «И траву бы скосить барскую, оно не во вред хозяйству, да и лесок порубить — тоже ведь не без пользы».

И вот как-то в ночь скосили волосатовскую луговину. На день село затаилось — ждали, не будет ли розыск. Однако все обошлось спокойно. Тогда мужики осмелели, и на вторую ночь косило уже человек пять. А еще через день решили на селе так: бабам косить травы, мужикам топоры в руки и в барский лес за дровами.

Брызнула росой, засверкала под косами помещичья трава. Изголодались по покосу бабы. Только раз-два, раз-два — в общий взмах блестят на солнце звенящие косы.

А мужики в это время в лесу. Раз-два, раз-два — идет стук в волосатовской роще.

На селе в этот день остались лишь малые дети да дед Вешкин. Колола у старого поясница. Сидел дед на солнышке, грелся. И вдруг видит — идут солдаты, человек двадцать.

— Вот те раз, снова каратели, — сообразил дед.

Прошли солдаты по селу, остановились недалеко от деда Вешкина, а один, и с головы и с усов рыжий, подошел к старику и спрашивает:

— Вы что же, папаша, снова бунтуете?

— Да не, — стал отбредиваться дед. — Мужики у нас смирные. А ежели что про покос, так так оно и было. То коровы траву погрызли. — А сам думает, как же дать знать мужикам об опасности.

— Ну, это мы еще посмотрим, — сказал рыжий солдат, — а коль не так, то и всыпем, — и ударил для острастки рукой по ружейному прикладу.

Построил фельдфебель солдат и повел к реке, к лугу. Выждал

дед Вешкин минутку, поднялся — и к мужикам в лес.

Косят бабы траву, ложится, словно чесаный волос, в стройные рядки трава, и вдруг видят — идут солдаты. Бабы насторожились, перестали косить. Собрались в кучу. А солдаты подходят все ближе и ближе. Подошли, потянули дуракий луговой запах, остановились. Думали с мужиками дело иметь, а тут бабы, и стало как-то неловко.

Крикнул на солдат фельдфебель, а те стоят и только между собой переглядываются.

А тут отошла от всех Наталья Лыкина, крикнула:

— Ну-ка, молодцы, кому косу в руки?

Бабы замерли. Ну, пропала Наталья, запорют. Опешили и солдаты. Стоят, с ноги на ногу переминаются, что и сказать не знают.

— Хватай ее! — закричал фельдфебель.

Солдаты ни с места.

— Хватай!

И вдруг вышел из солдат тот рыжий, подошел к Наталье, взял косу и ответил:

— А чего? Мы можем!

Дед Вешкин тем делом добежал до леса и завопил истощенным голосом:

— Братишки, там баб солдаты стрелять пошли!

— Чего? — переспросил Колотуха.

— Солдаты, говорю, — повторил дед. — Из города, человек тыща.

— Брось брехать! — крикнул Колотуха.

— Ну, сто. — И рассказал дед все, что видел.

Собрал Колотуха мужиков, стали решать, как быть.

— Как быть? — зашумели мужики. — Что мы, без рук? Взять топоры, да и порубать солдат к чертовой матери!

Раскричались мужики, нагнали на себя храбрости и двинулись.

Только Иван Колотуха вдруг остановил всех.

— Нет, — сказал, — так они нас перестреляют. Тут нужна военная хитрость.

Остановились мужики, стали думать.

— Вот что, — сказал Колотуха, — нужно сделать засаду. Заманить солдат, да и отнять ружья.

Так и решили. Повел Колотуха мужиков к реке, разместил в кустах, что росли вдоль дороги, на горке, у самого луга. А деда Вешкина послал к солдатам и наказал, чтобы завлек их по этой дороге.



Ушел дед. Сидят мужики в ку-
стах, приготовили топоры, ждут.
Минут через десять старик вер-
нулся.

— Ну, что? — спросил Коло-
туха.

— Чавой-то непонятное, — отве-
тил дед.

— Чего тебе непонятное? — на-
бросились мужики. — Струсил!

— Да не, — ответил, дед Веш-
кин и повел мужиков за собой.

Поднялись те в гору, остано-
вились. Смотрят и тоже понять не
могут. Стоят солдатские ружья в
пирамидах. А сами солдаты, рас-
стегнув воротнички и отпустив
ремни на рубашках, выстроились в
ряд и косами машут. Выйти,
выйти — только и несется по лугу.

Заметила Наталья своих, зама-
хала платком. Подошли мужики,
поняли, что солдаты никого оби-
жать не собираются.

— Ты что же, — набросились на
деда Вешкина, — снова сбредал!

А дед стоит и сам понять не мо-
жет.

— Да они сами грозились, —
оправдывается, — вон тот, рыжий,
и ружьем пужал.

А рыжий подошел к деду и го-
ворит:

— Ты что же, бать, племяша,
видать, не признал?

Присмотрелся дед — перед ним
и впрямь племяш из соседней де-
ревни.

— Ить ты, Федька! — закричал
дед. — Ить ты, поганец! Сколько
годков-то! — и полез целоваться.

После этого дед загордился.

— Кабы не мой племянник, —
говорил мужикам, — было бы вам.

— Буде те врать, — отвечали
мужики. — Племяш. А другие
что, хуже? Солдаты что? Солда-
ты тоже мужицкой кости.

Главному большевику

Осенью в Ворон-селе, наконец,
объявили о выборах в Учреди-
тельное собрание. Роздали мужи-
кам списки. В каждом — девять
номеров. Значит, девять партий.
За какую хочешь голосовать —
гот номер и указывай.

То-то задали мужикам задачу.
Пойди разберись, какая из них
лучшая.

Перед самыми выборами при-
ехала в село большевичка Зоя,
молодая девушка, по всему вид-
но — из учителей. И так лихо по-
вела агитацию, что мужики ре-
шили голосовать за номер пять —
большевиков то есть.

— Всю жизнь вы, — говорила
Зоя, — как жуки, в земле вози-
тесь, всех кормите. А много ли у
вас земли?

— Да где много, совсем ма-
ло, — отвечали крестьяне.

— А за что партия большеви-
ков? — спрашивала Зоя и отве-
чала: — Партия большевиков го-
ворит — землю крестьянам. Да
так, чтобы без выкупа. Правиль-
но говорит партия большеви-
ков? — спрашивает Зоя.

— Правильно! — гудят собрав-
шиеся.

— Фабрики — рабочим, — про-
должает Зоя. — Так или нет?

— Так! — отвечают мужики.

— Мир — народам. Правиль-
но?

— Правильно! Как же не пра-
вильно? Давно его заждались.

Вместе со всеми стоял дед Ве-
шкин и тоже кричал «правиль-
но».

— Чья же, выходит, партия
большевиков? — спрашивает Зоя.

— Наша, мужицкая! — неслось
в ответ.

— Так за кого голосовать бу-
дем?

— За список номер пять, за
партию большевиков!

Уехала Зоя, а на следующий
день явился представитель от
партии эсеров и все дело испор-
тил.

— За кого голосовать вздума-
ли? — кричал. — За большевиков?!
Диктатуру пролетариата захоте-
ли? А вы знаете, что это такое?
Вы когда-нибудь ели грибы с
гвоздями? Вот что такое для
мужика диктатура пролетариата.

И стал эсер говорить, что со-
циал-революционеры есть един-
ственная на Руси партия, которая
за мужика радуется. — Что же вы,
против своей мужицкой партии
пойдете? — спрашивал. — Что вам
эсеры земли не дадут? Дадут.
Только не воровским путем, а по

закону, как положено. Выкупи
землю и будь хозяин.

— Правильно! — стали разда-
ваться отдельные голоса.

— Как же, разве можно без
выкупа, знамо, небольшой, да
надо.

И дед Вешкин тоже крикнул:
«Правильно».

Приехавший говорил долго и
так запугал мужиков диктатурой
пролетариата, что те решили —
все же спокойнее голосовать за
список номер три, то есть партию
эсеров.

Наступил день выборов.
И вдруг с самого утра вспомнил
дед Вешкин, что еще месяц тому
назад пришло с фронта от Сте-
пана письмо, в котором тот писал,
за какой список голосовать, да
еще наказывал, чтобы обязатель-
но, без колебаний. Смутил дед
мужиков письмом. Решили они
подождать с голосованием до
прочтения. Стал старик искать
письмо, а оно куда-то исчезло.

— Да ты не помнишь, какой
список? — спрашивали мужики.

— Кажись, пятый, а может, и
не пятый, — отвечал Вешкин.

— Кажись, — злились мужи-
ки, — ты точно говори.

До обеда искал дед письмо,
так и не нашел.

— Ну, что, — спрашивал Иван
Колотуха, — не нашел? Не вспо-
мнил?

Ходил дед, вспоминал, а само-
му все грибы с гвоздями мерещатся.
После обеда, наконец, за-
явил:

— Третий, ей-ей, третий, как
сейчас помню, третий.

Так и проголосовали воронов-
ские мужики за партию эсеров.

А к вечеру письмо нашлось.
Стали мужики по складам чи-
тать, а там сказано: «А будете
голосовать, так только за партию
большевиков, за список номер
пять. И сам голосуй, и другим
накажи. Она только и есть наша
партия. А эсерам или там еще
кому не верьте. То все брехуны».

— Ну, где тут список три? —
зашумели мужики на деда. —
Брехло собачье, где здесь про
список три сказано?!

Стоит дед, моргает, ему и ска-
зать нечего.

А вскоре в Ворон-село вернулся
и сам солдат Степан Вешкин.
Мужики ему все и рассказали.
Солдат посмеялся, подвинулся. Од-
нако ругаться не стал.

— Ну, это дело поправимое, —
успокоил солдат.

Поведал Вешкин мужикам про
все, как оно есть на самом деле:
про войну и про Временное пра-
вительство, про эсеров и про пар-

тию большевиков. А под конец рассказывал про Ленина.

— Ленин есть самый правильный человек, — говорил Вешкин. — Кто против буржуев? — Ленин. Кто против войны? — Ленин. Кто за то, чтобы землю крестьянам? — Ленин. Ленин за народное дело в тюрьмах сидел, в ссылках бывал. Да за Ленина любому сукиному сыну рабочие голову оторвут. И солдаты за Ленина. А мужикам что? Идти против? Против, спрашиваю?

— За Ленина! — загудели собравшиеся.

Кончилось тем, что мужики решили написать письмо Ленину.

«Дорогой товарищ Ленин! — писали. — Пишут тебе мужики села Ворон-село. Ты нас уже прости, товарищ Ленин. Были тут у нас выборы в Учредительное собрание. Так был тут один эсер. Ну, мы и голосовали за список номер три. Так ты не обижайся. Зато мы теперь за большевиков горой и всю большевистскую программу на практике выполним».

Потом подумали и приписали: «А ежели встретишь большевичку Зою, так передай от нас наше ей крестьянское извинение и пожелай ей хорошего здоровья, мужа и деток».

Здесь Степан Вешкин стал возражать. Ленину и вдруг такое. Но мужики уперлись. Так и написали: «хорошего здоровья, мужа и деток». И подписались.

Дед Вешкин тоже было сунулся. Но на него цыкнули. А потом решили: черт с ним, пусть пишет, больше подписей будет.

Стали думать, как подписывать. Написали: «Город Петроград. Товарищу Ленину — главному большевику».

Выборы

Вслед за Вешкиным стали возвращаться в Ворон-село и другие солдаты. Прибыли и собственные большевики — Спиридон Пегов, брат косоглазого Пегова, и Михаил Крекшин. «Вот те раз, — дивились все. — Большевики?» — и бежали смотреть на Пегова и Крекшина, как на чудо.

Приехавшие прожили несколько дней спокойно, а потом заговорили о том, что надо избрать свой крестьянский Совет и утвердить на селе народную власть. О Советах в Ворон-селе уже кое-кто слышал. Еще по весне говорили, что в Петрограде, Москве, да и других городах есть Советы рабочих и солдатских депутатов.

Потом как-то косоглазый Пегов был в уездном городе и рассказывал, что и там имеется свой Совет. Наконец многие знали, что в селе Голодай, что в двадцати верстах от Ворон-села, уже несколько месяцев как тоже Совет. Но что это такое, толком никто понятия не имел.

И вот, на тебе, собственный теперь выходит Совет. Мужики заинтересовались сразу. И, главное, название какое интересное — Вороновский Совет солдатских и крестьянских депутатов.

На выборы Совета собралась вся деревня. Пришли и бабы, дети, и даже явился кулак Акулов. Выборы проводили прямо на улице, у акуловского гумна, возле раки. Принесли стол, два стула, а остальные стоя.

Главным на собрании был определен Спиридон Пегов. Он занял место за столом и объяснил порядок голосования: раз «за» — подымай руку, если «против» — тоже подымай, но уже во вторую очередь, когда о том спросят. Предупредив, чтобы не очень шумели и галдели, Пегов предложил называть фамилии.

— Спиридона Пегова.

— Так. Кто за?... Кто против?.. Единогласно.

— Степана Вешкина.

— Кто за?.. Кто против?.. Единогласно.

Кучкин предложил кулака Акулова. В рядах зашумели. Кто-то, не дождавшись голосования, крикнул:

— Против!

— Даешь Акулова! — понеслось из задних рядов.

— Тише! — закричал Пегов. — Для слова выходи сюда, — он показал на место возле стола. — Кому слово?

Желающих не находилось.

Стали выкликать новые имена.

— Михайла Крекшина!

— Единогласно.

— Ивана Колотуху!

Прошел при двух «против».

Потом загудели бабы. Кто-то выдвинул Наталью Лыкину. И снова все зашумели.

— Бабам невозможно!

Даже сам Спиридон Пегов не знал, как поступить. Оно и действительно, с бабой в Совете вроде неловко.

Проголосовали. По большинству Наталья не прошла. Тогда бабы подняли такой крик, что хоть закрывай собрание.

Переголосовали. На сей раз Наталья была избрана.

Потом избрали, хотя и не без споров, Кучкина и еще троих мужиков. А под самый конец кто-

то возьми и выкрикни деда Вешкина.

Старик сразу приосанился, пригладил бороду и стал ждать, когда мужики потянут вверх руки. Но вдруг вылез Иван Колотуха и заявил отвод.

— Куда же его в Совет, — сказал и напомнил историю с выборами в Учредительное собрание. — Выходит, Вешкин против Ленина. Не нужен такой в Совет.

При упоминании Ленина мужики попритихли, а потом снова подняли шум, набросились на старика и припомнили деду все: и как помог бежать помещику Волосатову, и что при карателях стойкости не проявил, дружбу с матросом и ту не забыли. Деда Вешкина даже не голосовали.

Старик страшно обиделся и потерял всякий интерес и к собранию, и к Совету. А когда шел домой, так все сокрушался: бабу и ту избрали, а за него никто и руки не поднял.

— Тыфу! — сплюнул старик с досады. — Уж больно нужен мне этот Совет.

Совет действует

Стариковская обида, что легкая хворь, — прошла быстро. Любопытство взяло верх. Уже через день Вешкин стал расспрашивать у сына о работе Совета и вошел в такой интерес, что до малейших подробностей все выпытывал. Однако вскоре Степан по срочным делам уехал в уезд, а потом в губернский город, и старик снова остался один.

Поскучал Вешкин день, второй, а потом решил сходить к дому Спиридона Пегова, где заседал Совет, покрутиться возле: вроде как бы какие дела привели, а самому тем делом кое-чего узнать.

Однако старику не везло.

В первый раз заприметила его Степанида, пеговская жена.

— Ты что? — спросила она.

— Да коза куда-то ушла, — соврал дед Вешкин — Тут она, распроклятая, где-то ходит.

Степанида прошлась вокруг дома, козу не нашла, и деду пришлось убираться.

Во второй раз возле дома сидели молодухи и лускали семечки. Дед прошелся раз, два...

— Глядите, — закричала Дуняша Крекшина, — вроде как часовой у нас при Совете!

Дед плюнул и снова ушел.

Наконец в третий раз никого не было. Дед осторожно подкрался к крыльцу. Дверь в избу была

приоткрыта. Старик вытянул шею и услышал, как кто-то произнес его имя. Вешкин собрался влезть на крыльцо, но вдруг нивесть откуда налетели ребята и закричали:

— Дед, расскажи про турецкую войну!

Когда, наконец, старик отогнал ребят и снова полез на крыльцо, то члены Совета уже готовились расходиться.

Дома старик забрался на печь и все ломал себе голову: «И чего это они обо мне говорили? Может, по вопросу земли? Может, волосатовскую землю делить решили?» И старик представил себе бугорок, с одинокой березой на самом верху. Вешкин уже не раз ходил к тому месту, хозяйским глазом смотрел на округу и решил, что лучшей земли ему и не надо. Потом прикидывал, как пахать — поперек лучше или вдоль, и где чего сеять, и кого бы избрать в соседи.

О земле в Совете заговорили сразу же с первого дня. Мнения были разные. Главное в спорах: брать самим ли господскую землю или ждать Учредительного собрания. Иван Колотуха был за то, чтобы брать «немедля и накрепко». Кучкин — чтобы не брать, а купить, установить сходные цены. У других мнения точного не было. По вопросу о земле и уехал Степан Вешкин в уезд, а затем в губернию.

Зато решили вопрос о лесе: лес отнять у помещика Волосатова без всякого выкупа, а Совету распределить делянки промеж мужиков для вырубki. В первые же дни был разговор и о божьем храме. Батюшка снова бежал, и некому было справлять службу. После долгих споров решили из соседней деревни пригласить дьячка и властью Советов произвести его в батюшки. И еще одно — Совет рассмотрел жалобу учителя Скоморошкина на то, что не все ребята бегают в школу, а те, кто и ходит, ленятся, а посему и в науке не успевают.

Совет решения не принимал, но наказал мужикам строго, и на следующий день во всех избах по роли детей, и было пролито немало ребячьих слез.

«И все же чего это они обо мне говорили? — мучился Вешкин одной мыслью. — Может, чего недоброе». Лежал он, ворочался-ворочался, наконец, не выдержал, собрался и решил сходить к Ивану Колотухе. «Он хоть и покричит, да расскажет», — решил дед.

И только старик в двери — на встречу ему сам Колотуха.

— Иди, — говорит, — тебя на Совет кличут.

— Чего там? — заволновался старик.

— Иди, иди, сам узнаешь.

Подошел старик к пеговской избе, перекрестился, переступил порог. За длинным столом сидели члены Совета. Вешкин снял шапку и поклонился.

— Проходи, Пантелеймон Пантелеймонович, — проговорил Спиридон Пегов. — Проходи.

«По отчеству, — подумал Вешкин, — видать, не к добру». А Пегов вдруг встал и огласил решение Совета о том, что ему, П. П. Вешкину, возвращается незаконно отнятая помещиком Волосатовым кобыла по имени Манька.

— Бери ее, Пантелеймон Пантелеймонович, как законный владелец, — заключил Пегов.

— Маньку?! — вырвалось у деда.

— Эге, ее самую, — поддакнул Колотуха.

Старик посмотрел вокруг себя, словно надеясь увидеть кобылу тут же, в избе.

— Пошли, — дернул Колотуха.

Дед стал кланяться и попятился задом к выходу. Потом, повернувшись, он впритруску засеменил за Колотухой, все еще не веря услышанному. Завернули за избу, а там действительно и Манька, и дедова телега.

— Манька, Манька! — закричал Вешкин и бросился к лошади. И снова стал целовать ее, как тогда, в конюшне у помещика Волосатова, и в лоб, и в морду, и во влажные губы. Манька заржала, замахала хвостом и тоже лизнула деда.

— Эка штука, — рассуждал старик, возвращаясь домой. — До чего додумались. Головастый, выходит, Совет.

Декрет

В октябре месяце в Ворон-селе составляли наказ Второму Всероссийскому съезду Советов. По такому случаю был снова собран крестьянский сход.

— А чего долго думать? — говорил Колотуха. — Главное, о земле, чтобы мужику да навсегда, да накрепко.

Других мнений не было. Даже Кучкин промолчал о выкупе.

Потом перешли к вопросу о власти. Тут выступали многие. Говорилось разное. Но большинство склонялось к тому, что если это

так, как у них сейчас в Ворон-селе, то пусть будет и во всей России старшим Совет.

Наказ отправили. Мужики между собой еще как следует и не оговорили своего обращения к съезду, а тут новое. В глухую октябрьскую ночь из губернского города вернулся Степан Вешкин. Вбежал в избу возбужденный, растолкал спящего старика.

— Батя! — кричал. — Батя! Радость-то какая! Да слазь ты! — стягивал он отца с печи. — Революция! В Питере революция! Конец Временному правительству! — И тиская старика, обнимал и крутил, как молодуху, по комнате. Потом вынул из кармана какую-то бумагу. Развернул. «Декрет о земле», — прочитал дед Вешкин.

— Ну, батя, все, — проговорил Степан. — Власть ныне большевистская. Земля — крестьянская. — И побежал будить Спиридона Пегова, рассказывать о великом событии.

— Воно оно как, — рассуждал старик, протирая глаза. — Стало быть, опять революция.

И вдруг деда словно кольнуло сотнями игл — земля! «Землю, стало быть, давать будут». Схватив армяк, Вешкин бросился к двери и пошел, и пошел по селу — к Кучкину, к косоглазому Пегову, к Наталье Лыкиной и к другим мужикам и бабам. Бил, не жалея кулаков, в двери и рамы, кричал: «Братишки, землю дают!» — и мчал дальше, и по одной улице, и по другой, и по той, что проходила к самому лесу, и по той, что тянулась к лугу.

Через час у пеговской избы собралось все Ворон-село.

Декрет читали вслух, а тем, кто от неожиданной радости словам не очень поверил, давали бумагу посмотреть глазами и даже подержать в собственные руки.

На бумаге машинным способом черным по белому было напечатано: «Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа». А чуть ниже сообщалось, о том, что земля переходит в распоряжение земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов. Под декретом стояла подпись: «Председатель Совета Народных Комиссаров Владимир Ульянов — Ленин».

Забурлило, заклокотало Ворон-село, разлилось, что река в половодье, великим народным счастьем.

Колотуха бегал, махал костью и выкрикивал:

— Вон оно как! По-нашенски! Теперь уже навсегда!.. Теперь уже накрепко!..

Наталья Лыкина плакала. Косоглазый Пегов тоже плакал и лез ко всякому целоваться. И дед Вешкин крутился здесь же со всеми. Подходил то к одному, то к другому, подергивал свою бороденку и спрашивал:

— Ну, говорил я вам, али не говорил? Кто первый про землю узнал? А? Кто первый? Я, Вешкин.

Когда мужики несколько успокоились, выступил Спиридон Пегов. Сказал о победе народа, о партии большевиков, о Ленине. Потом Пегов заговорил о Воронселе, и получалось из пеговских слов так, что и вороновские мужики не из последних, что и они из тех, которые революции помогали.

Мужики засмущались. «Чудно как-то: сидели в Воронселе, а выходит, что и они революцию делали».

— Да здравствует Советская власть!— закончил свое выступление Пегов.

— Да здравствует Советская власть!— кричали вороновские мужики и смотрели по сторонам по-детски счастливыми, полными слез глазами.

Земля

Приближался раздел волосатовской земли. И деда Вешкина охватил превеликий страх. Взлелеянный кусок на бугорочке не давал старику покоя. А вдруг Кучкину или Колотухе дадут?!

Не утерпев, дед Вешкин перехватил Пегова.

— Мне бы на бугорочке,— проговорил старик.

— Что на бугорочке?

— Землицу-то, там, где березка. Она моя,— говорил Вешкин.— Я ее первым высмотрел.

— Ну, это как решит сход,— проговорил Пегов.

— Да она же моя,— не отставал Вешкин.— Я же ее первым...

Но тут, как назло, подошел Колотуха.

— Тебе и здесь не как всем,— произнес сурово.— Максималист ты поганый! Да за какие такие дела себе наилучший участок? Может, я тоже с березкой хочу. А Пегов что, хуже? Наталья — хуже?

— Да он же мой,— опять полез Вешкин.— Да я его...

— В общем, как сход,— рассмеялся Пегов.

Сход был бурным, как никогда до этого. Снова появились стол и два стула, как тогда, при выборах в Совет. Снова набежали и дети и бабы.

Землю решили делить по жребью. Нарезать от реки с низинки. На листках бумаги написали фамилии, свернули в трубки, ссыпали в шапку. Держать шапку доверили Крекшину, тянуть листки — Кучкину.

Перекрестился Кучкин, сунул руку в шапку, вытащил первый листок, развернул — Подпругин.

Все повалили на поле. Отмерили землю Подпругину, вбили колышек. Потом пошли косоглазый Пегов, Наталья Лыкина, Спиридон Пегов... Колышки приблизились к участку с березкой.

— Матушка, царица небесная,— зашептал дед Вешкин,— пресвятая богородица, услышь меня, раба божьего...

— Ты что?— дернул за руку старика стоявший рядом Иван Колотуха.

Вешкин насупился, ничего не ответил. Стоял бледный, быстро-быстро, по-старушечьи, крестился. А Кучкин тем временем снова засунул руку в шапку, вынул опять бумажку, развернул...

Сердце у деда Вешкина замерло, остановилось.

— Иван Колотуха,— произнес Кучкин.

Глаза у деда закрылись, сквозь

веки пробилась и поползла по волосатой щеке крупная, с горошину, слеза. «Перебил, перебил Колотуха, не услышала царица небесная...» Эх-ма, ушла из-под самого носа долгожданная дедом земля!

И вдруг произошло непонятное. Почувствовал старик, что кто-то положил ему на плечо руку. Приоткрыл глаза — Колотуха.

— Мужики,— произнес Колотуха.— Отказываюсь от участка. Пусть берет дед Вешкин.

— Как так! Почему? По какому случаю?!— зашумели было мужики.

— Пусть берет,— проговорил Колотуха.— Уступлю. Мы с ним на обмен...

Смотрит Вешкин — не верит своим глазам, слышит — не верит своим ушам. Иван Колотуха, и вдруг такое!

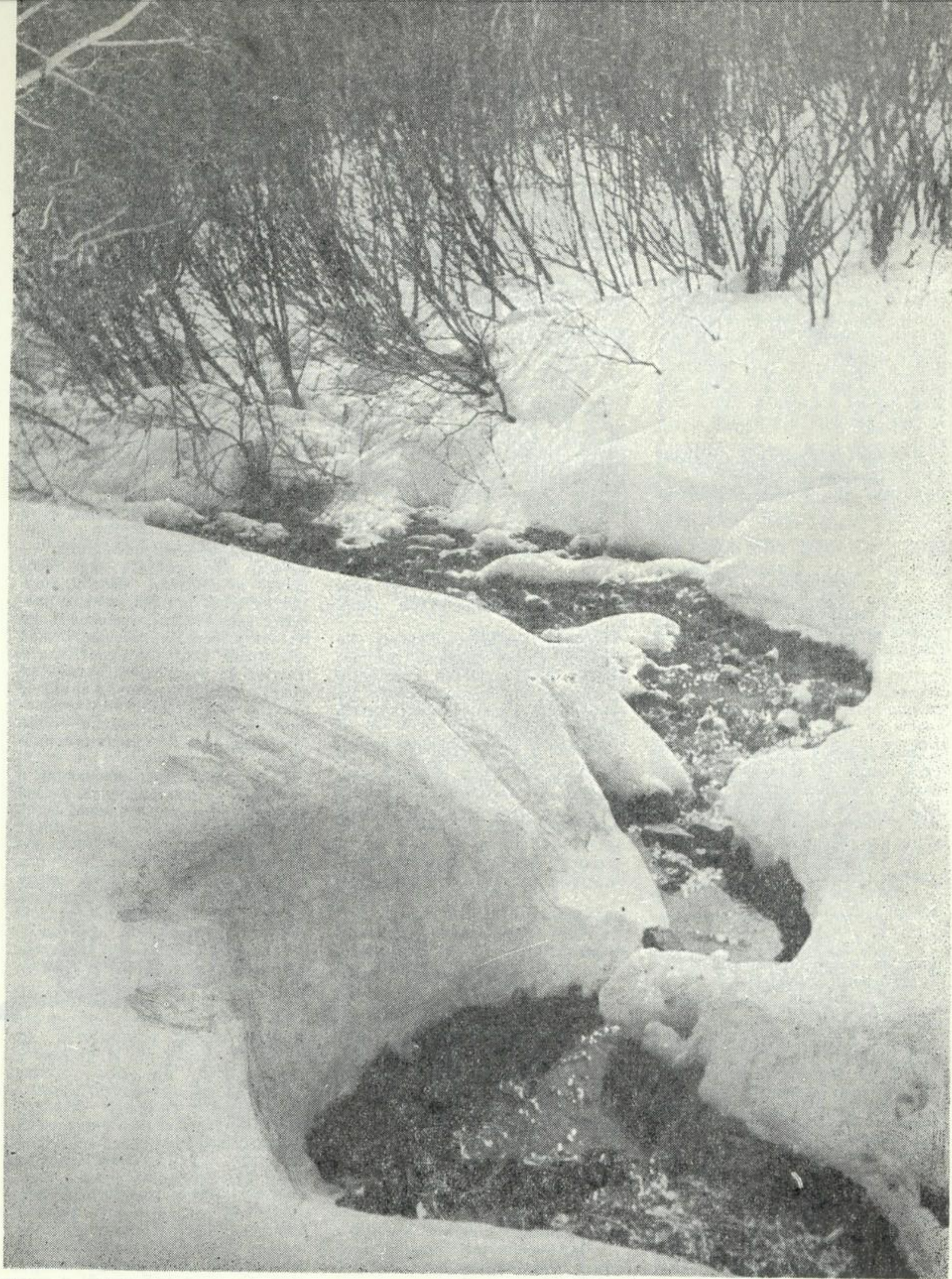
— Бери,— проговорил Колотуха.— Чего уставился? Бери, а то передумаю.

— Ванька!— закричал дед. — Ванька! Ить ты! Да как же так?!— и заплакал. Потом, подхватив полы армяка, старик пробился сквозь ряды мужиков и помчался к березке. Вешкин бежал неуклюже, скользил, спотыкался. Взлетев на бугорок, он рухнул на мокрую грязную почву. Хватал ее руками, мял старческими угловатыми пальцами. — Землица! — выкрикивал.— Родная ты кормилица!

Старик и смеялся, и плакал, и смачивал крутой мужицкой слезой простую российскую землю.



Собрание
Владимира Павловича
БИРЮКОВА



Неукротимый

Фото О. Благинина
и Л. Злоказова

Кашевар снабженца



«Борьба с царизмом и николаевской жандармерией, напряженная работа на опаснейших постах, упорная и лихорадочная работа по строительству социалистического хозяйства, ответственная работа дипломатического представительства СССР — таков жизненный путь Войкова».

«Правда» от 12 июня 1927 г.

Ранним утром седьмого июня 1927 года по перрону Центрального Варшавского вокзала, около поезда, следовавшего из Берлина, прогуливались двое мужчин. Один из них, высокий и светловолосый, что-то оживленно рассказывал своему спутнику. Вдруг недалеко послышались револьверные выстрелы. Светловолосый мужчина быстро обернулся. К нему, продолжая стрелять на ходу, подбегал неизвестный молодой человек. На перроне раздались испуганные крики...

А через день почти все газеты земного шара печатали на первых страницах экстренные сообщения из Польши.

«...В Варшаве произведено покушение на советского посланника Войкова. Молодой монархист, имя которого пока неизвестно, смертельно ранил Войкова. Покушавшийся сам добровольно сдался в руки полиции...»

«...Полпред СССР Войков скончался в больнице еще до операции, в 10 часов 40 минут утра. Войков получил четыре раны в область сердца и легких...»

В конце августа 1917 года в Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов с командировочным удостоверением от Министерства труда прибыл хорошо одетый человек, лет

под тридцать. Депутаты-большевики встретили приезжего настороженно, но вскоре увидели, что он не имеет ничего общего с теми, кто отправил его на Урал. Это и был Петр Лазаревич Войков, будущий полпред Советского Союза в Польше.

Еще учась в Керченской гимназии, сын преподавателя ремесленного училища, Петр Войков стал задумываться над контрастами окружающей жизни и искать огзеты на вопрос, как же изменить мир, в котором все основано на несправедливости.

Однажды на экзамене по истории один из членов комиссии, хмурый старик, задал ему вопрос:



— А скажите, пожалуйста, юноша, какой в России образ правления государством?

— Деспотической,— подумав немного, ответил Войков.

Старика чуть не хватил удар. Он пытался что-то сказать, но не мог. Остальные члены комиссии испуганно смотрели друг на друга. Наконец старик хриплым голосом спросил:

— Какой?... Какой?.. Как вы сказали?

— Как какой?.. Монархический, — хладнокровно произнес экзаменуемый...

В одном классе с Войковым учился сын владельца местной типографии. Вместе с ним Войков не один раз заходил в наборный цех. Как-то он подошел к молодому наборщику и попросил показать, как делается набор. Наборщик согласился, и через несколько минут Войков прочитал: «Нравится ли вам наше искусство?»

— Нравится, — сказал Войков, — даже очень нравится! Но, скажите, долго ли

надо учиться чтобы освоить это дело?

— Это такое дело, которое не имеет конца,— засмеявшись, ответил наборщик.

Войков не зря интересовался техникой ручного набора. К этому времени он уже был членом РСДРП, и Керченский подпольный комитет поручил ему организовать печатание нелегальных прокламаций.

В августе 1903 года в южных губерниях России вспыхнула всеобщая забастовка. Пролетариат Крыма не остался в стороне. Под руководством социал-демократов он поддержал бастующих рабочих Баку, Тифлиса, Батума, Киева, Одессы и других городов Юга. На многочисленных митингах, которые происходили в эти дни в Керчи, выступал и светловолосый гимназист Петр Войков, «Интеллигент», как называли его в нелегальных партийных кругах.

А через год «Интеллигент» был исключен из шестого класса Керченской гимназии «за неблагонадежность» и «за политику». После этого, как вспоминал сам Войков, он «работал в партии на юге России до первого ареста». Затем «пришлось перейти на нелегальное положение и кочевать с фальшивым паспортом, ведя партийную работу. Когда стало туго, эмигрировал за границу». Царские жандармы сумели дознаться, что именно Войков был одним из самых активных участников ялтинской боевой дружины. Его фамилия числилась также в деле «О взрыве бомбы в Ялте 20 июля 1906 года», переданном в военно-полевой суд.

Поселившись в Швейцарии, Войков поступил в университет. Средства для жизни

ни пришлось добывать частными уроками. По его предложению, в Женеве открыли специальную бесплатную школу, где дети русских эмигрантов учились на родном языке.

Многие предметы в этой школе вел сам Войков. «Он был поразительно и разносторонне талантлив,— вспоминал о нем один из его друзей по эмиграции.— Впервые я его узнал как учителя... и учителя, безусловно, лучшего среди русских в Женеве. Особенно он любил и умел преподавать русскую литературу. Ученики обожали его, как прирожденного педагога».

Живя в Швейцарии, Войков не забывал и своей политической деятельности. Он сотрудничал в русских газетах, был членом французской и швейцарской социалистических партий, принимал участие в профсоюзном движении, во время первой мировой войны примкнул к антиоборонцам. Когда в России вспыхнула Февральская революция, Войков вслед за Лениным вторым эмигрантским поездом выехал через Германию в Петроград. Не сумев сначала правильно разобраться в сложной политической обстановке тех дней, он принял участие в деятельности Министерства труда, но реакционный курс Временного правительства, и особенно июльские события, раскрыли ему глаза на происходящее. Отказавшись от «многообещающей карьеры», Войков уехал в Екатеринбург как представитель по продовольственным вопросам и вскоре порвал все связи с буржуазным министерством.

Красный Урал явился настоящей революционной школой для бывшего эмигранта. Здесь, среди екате-

ринбургского пролетариата, окончательно прояснились его политические взгляды, здесь он за несколько месяцев до Октябрьской революции вступил в ряды большевистской партии.

Остроумный, энергичный, с незаурядными организаторскими способностями, Войков, занимаясь агитационной работой, быстро завоевал симпатии трудящихся Урала, и они выбрали его членом, а затем и секретарем областного Совета профессиональных союзов.

* * *

26 октября 1917 года Исполнительный Комитет Екатеринбургского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, получив телеграмму о победе социалистической революции в Петрограде, отстранил от должности комиссара Временного правительства и объявил себя единственной властью в городе.

Вечером в оперном театре состоялось экстренное заседание местного Совета с представителями партийных и профсоюзных организаций. На сцене, среди членов президиума, от большевиков находился Войков.

Областной комитет большевистской партии и Екатеринбургский Совет обратились ко всем Советам Урала с призывом:

«1. Всем местным Советам взять власть в свои руки на местах.

2. Нежелательных представителей старой власти сменить, сопротивляющихся арестовать, всякое сопротивление подавить оружием».

Это обращение составлял Войков.

В ноябре Войков избирается членом городской Думы, где влияние принадлежало большевикам, и че-

рез некоторое время становится ее председателем.

Советское правительство в первые дни после Октябрьской революции издало декрет, который расширял полномочия городских дум в области снабжения трудящихся продовольствием. В ответ на это екатеринбургская буржуазия, со злобной усмешкой встречавшая первые мероприятия революционного пролетариата, решила взять в тиски голода уральскую столицу. Торговцы, спекулянты, пользуясь тем, что в городе не доставало продовольствия, потребовали от Думы отмены твердых цен на хлеб.

— Не разрешаете наших цен — не надо!.. Поди, и без них проживем, но торговать по-вашему все едино не станем! — кричал на заседании Думы видный хлебный магнат.

— Совсем закроем лавки, если наших цен не желаете! — вторили его соседи.

Но планы буржуазии провалились. Екатеринбургская дума, руководимая Войковым, сумела обменять некоторое количество уральского железа на сибирский хлеб и распределить его по рабочим кварталам. Отвечая тем, кто пытался ставить палки в колеса Советской власти, Войков говорил:

— Теперь мы не должны смущаться никакими криками людей, чувствующих, что их царству приходит конец, и во имя свободы добиваться такой экономической системы, чтобы беднота пользовалась всеми благами жизни.

При участии Войкова происходила и национализация уральских заводов. Он был избран председателем заводского совещания, которое вскоре стали называть

Уралснабжением. В своем докладе Народному Комиссару продовольствия Войков писал:

«Фактически Уралснабжение явилось Советом Народного Хозяйства Урала, да даже формально оно было названо так в особом постановлении ВСНХ¹⁾».

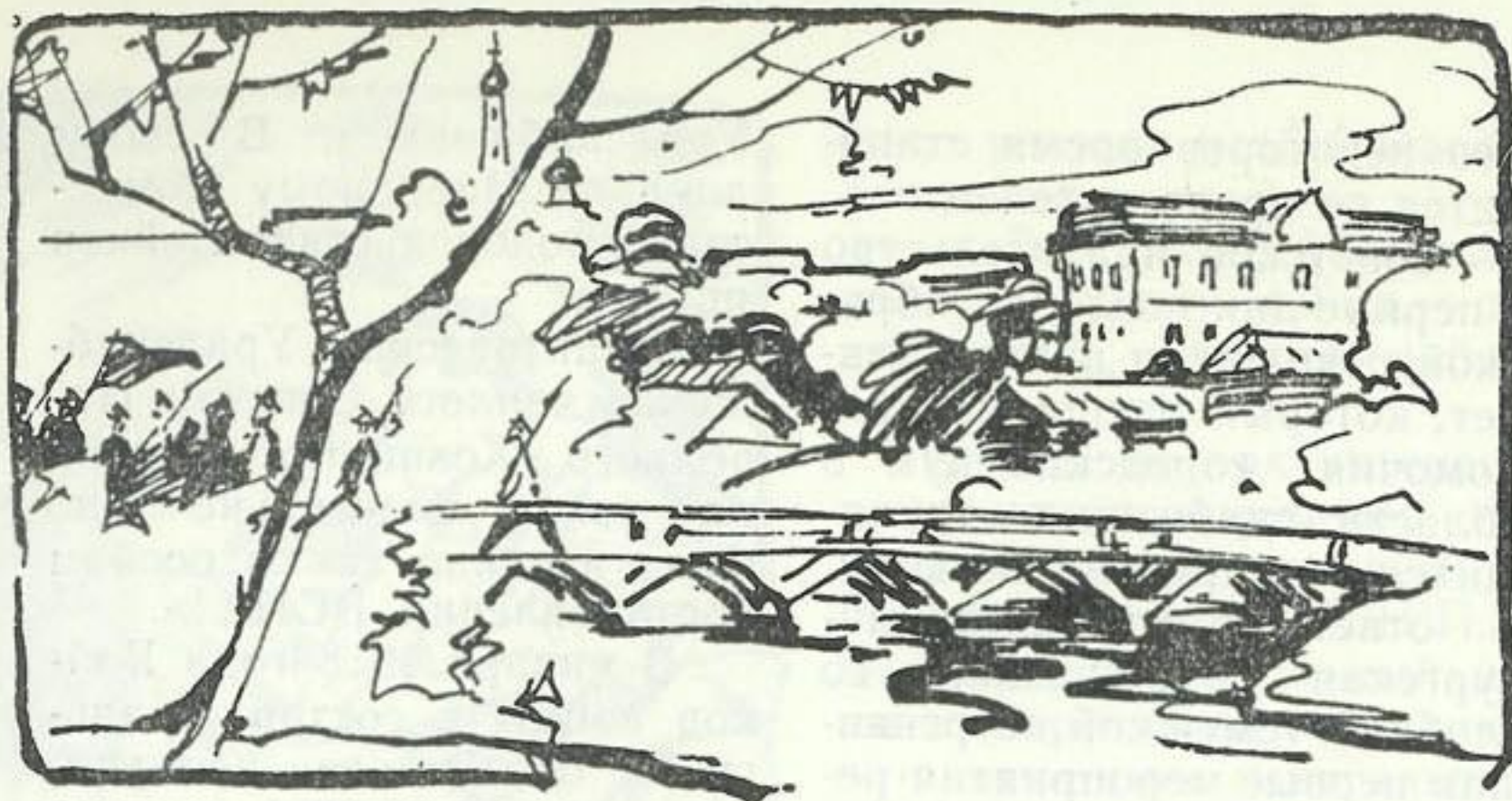
В январе 1918 года Войков вошел в состав Уральского областного исполнительного комитета 3-го созыва и стал областным комиссаром снабжения.

«Бурно протекала работа в этом отделе, — вспоминал заместитель Войкова В. М. Быков. — Вся разруха, принятая нами в наследство от керенщины, — транспортная, производственная, организационная, — вся она находила здесь свое выражение.

В бывший дом Главного горного начальника, до этого тихий и чопорный, непрерывно вливался поток народа со всевозможными делами, требующими немедленного решения. Целыми днями, не вылезая из-за стола, приходилось выслушивать одного за другим вереницу людей, разъяснять, делать распоряжения...

¹⁾ ВСНХ — Всероссийский Совет Народного Хозяйства.





Когда вспомнишь всю тяжесть свалившейся тогда на плечи работы, теперь удивляешься, откуда взялось столько силы и выдержки, чтобы справляться с ней, не согнуться и не пасть под ее тяжестью.

Положение осложнялось еще волной мешочников всех рангов...

В отделе снабжения сосредоточились важнейшие вопросы по распределению и отпуску металлов с заводов, продовольствия, топливные дела, выдача нарядов и составление планов перевозок по железным дорогам. Часто работникам отдела приходилось выезжать в сельскохозяйственные районы Урала, иногда и Сибири, и в ряде случаев, когда местные кулаки отказывались выполнять продовольственные поставки, применять чрезвычайные меры.

«Все Советы Урала обязаны оказывать тов. Войкову немедленное и энергичное содействие вплоть до представления в его распоряжение вооруженной силы по его требованию», — указывается в одном из постановлений Уралсовета.

В книге П. П. Бажова «Формирование на «ходу» имеется эпизод, посвященный деятельности Войкова в Камышловском районе, куда он прибыл для организации хлебозаготовок.

— «Петр Лазаревич Войков, — назвал председатель местного Совета вновь прибывшего из области товарища, — приехал к нам по самому трудному делу — по хлебу...

С первого взгляда приехавший кажется мало подходящим для такого дела. Отложной воротник рубахи, чулки вместо сапог и весь аккуратный вид так не похожи на общую для того времени засаленную, обмызганную смесь военно-штатской одежды советского работника, что невольно думается: как он в таком виде с крестьянами разговаривать будет.

Но стоило ему заговорить, и первое впечатление сразу сгасло.

Почувствовалась большая внутренняя сила этого молодого еще тогда человека, четкость мыслей и отчетливое знание дела.

— Вы, товарищи, тут под боком проглядели черное гнездо. По волостям у вас там и здесь выносят контрреволюционные постановления и все на один образец, даже слова одинаковые. Есть, значит, где-то центр, который заправляет делом. Где он? Думали об этом?

Потом, выждав момент, спросил:

— Какой у вас состав инструкторской коллегии

Уральского союза потребительских обществ?

В ответ вяло начали припоминать фамилии, но Войков сам быстро подбил итог:

— Итак, три бывших попа, один председатель земской управы, остальные неопределенного вида кооператоры, а заправляет всей этой публикой кадет, умеющий орудовать фиговым листочком. Помните ведь, с кем он пошел в Думу.

Получился большой конфуз для исполкома, действительно просмотревшего этот участок...

Не поддававшийся никогда унынию, веселый, подвижный, пересыпающий юмором свои слова, Войков отличался громадной работоспособностью и заражал товарищей по работе своей энергией. Не скучно было с ним и в редкие часы отдыха.

«Помню раз, — вспоминал К. И. Наумов, — в товарищеском кругу он живо изображал, как выступают горячо и патетически французские парламентарии, сопровождая это соответствующими жестами...

В начале 1918 года в Екатеринбург стали поступать сообщения о том, что в Тобольске, где содержался Николай Романов, готовится монархический заговор. Коммунисты Урала решили перевезти царскую семью в Екатеринбург. Подготовку к этой операции осуществляла специально созданная тройка, членом которой был Войков.

Прибыв в Екатеринбург, бывшая императрица, рассчитывая, что ее никто не поймет, стала всех окружающих ругать по-английски. Каково же было изумление «величества», когда Войков на чистом англий-

ском языке, иронически улыбнувшись, сделал ей замечание.

Наступило тревожное лето 1918 года. Международный империализм спровоцировал мятеж чехословацкого корпуса, состоявшего из бывших военнопленных. Мятеж поддерживали русские белогвардейцы. Над Красным Уралом нависла опасность. Из Екатеринбурга один за другим уходили на фронт отряды.

Белогвардейские полчища рвались к столице Урала. Нужно было быстро спасти ценности из банков. Это дело поручили Войкову. Перед отходом наших частей из Екатеринбурга, когда бои шли уже на подступах к городу, он, благодаря своей настойчивости, провел трудную и опасную операцию — продовольственную эвакуацию Шадринска, обеспечившую продовольствием заводы Урала и воинские части на значительный период.

Вместе с Уральским областным Советом Войков прибыл в Пермь, где по-прежнему возглавлял отдел снабжения. Вместе с А. А. Кузьминым он разработал здесь первый проект районирования Урала по производственному принципу.

После сдачи Перми Войкова отозвали в Москву в Центросоюз, а затем перевели в коллегия Наркомвнешторга. Когда же закончилась война с белополяками, его назначили председателем смешанной советско-польской комиссии по реализации рижского мирного договора. С большим умением и тактом вел Войков переговоры с представителями панской Польши, отстаивая интересы своей Родины. С 1924 года он — полпред СССР в Польше.

Советско-польские отношения, бывшие до того времени напряженными, благодаря его энергии приобрели более нормальный характер.

Но героическая деятельность первых советских дипломатов, отражавшая мирную политику молодого Советского государства, была бельмом на глазу у агрессивных империалистических кругов в крайне напряженной международной обстановке тех лет. «Налеты на пекинское посольство СССР,— писал тогда заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов,— осада консульства в Шанхае, полицейское нападение на торговую делегацию в Лондоне, провокационный разрыв дипломатических отношений со стороны Англии,— весь ряд актов развязал деятельность террористических групп реакционеров»...

Те, кому была невыгодна нормализация отношений между СССР и Польшей, решили убрать со своего пути нашего полпреда. И 7 июня 1927 года, когда Войков встречал на Варшавском вокзале советника полпредства в Лондоне, возвра-

щавшегося на Родину в связи с разрывом дипломатических отношений с Англией, он был смертельно ранен белогвардейцем.

Убийство советского посла вызвало огромное возмущение трудящихся Советского Союза. По всей стране прошли многочисленные митинги протеста.

«Правительство СССР,— говорилось в правительственном сообщении,— склоняет красный стяг Союза перед телом товарища Войкова!»

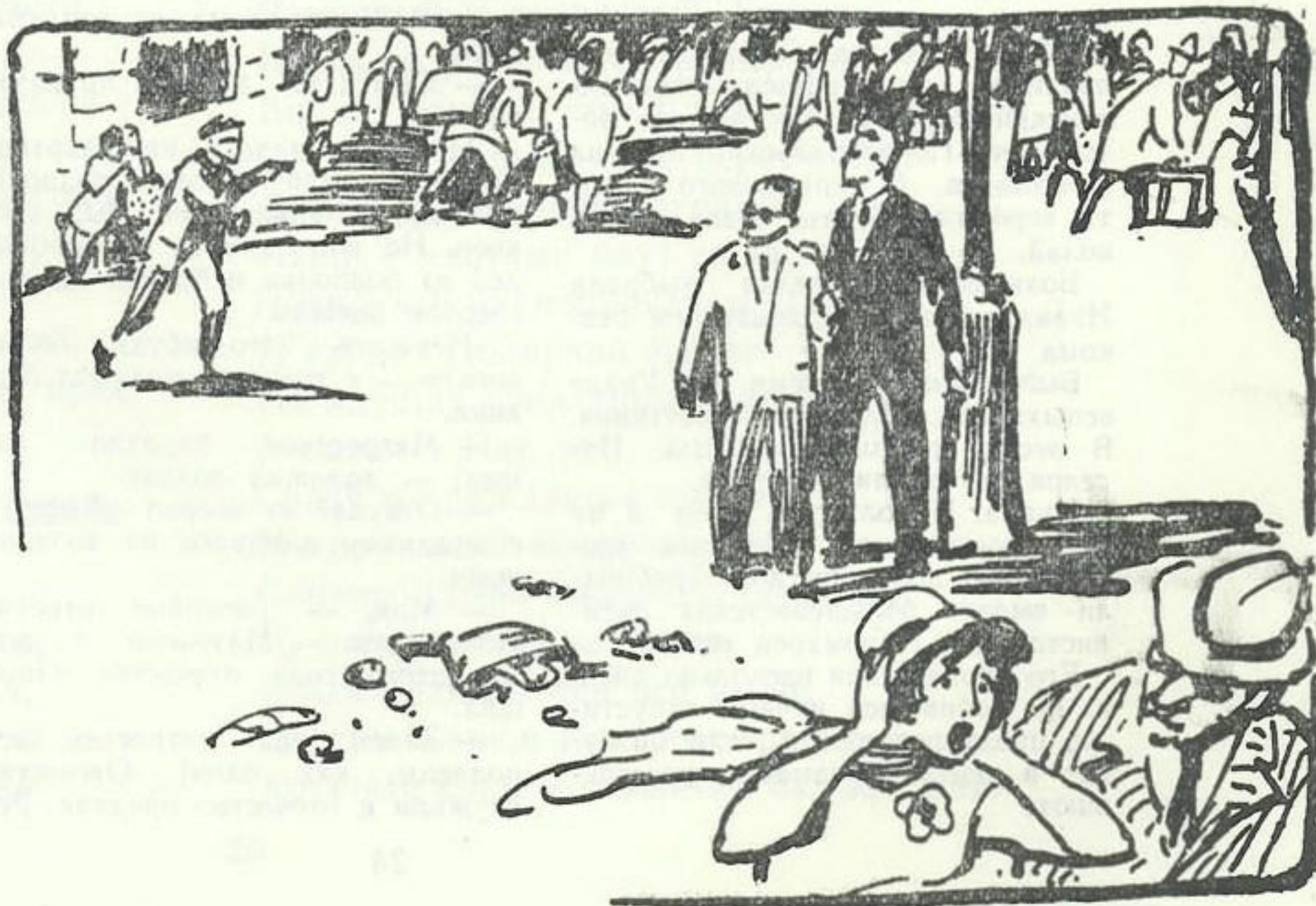
Голос народа прозвучал и в стихах В. В. Маяковского:

...Это
милльон партийцев
слился,
чтоб вам противиться.
Крой,
чтоб корона гудела,
рабоче-крестьянская двойка.
Закончим,
лоделаем дело,
за которое —
пал Войков.

Петр Войков, отдавший свою жизнь за великое дело Октября, похоронен в Москве, около Кремлевской стены.

Е. СЛЕСАРЕВ.

Рисунки Л. Полстоваловой.





Михаил Александрович Пономарев и его друзья.

СВЯТАЯ РЕЛИКВИЯ

В одной из кают крейсера «Аврора» — ныне музея — вывешен список участников восстания, арестованных Временным правительством в канун Октябрьской революции. В списке есть Михаил Александрович Пономарев.

А на Первоуральском Старотрубном заводе более полувека проработал тоже Михаил Александрович Пономарев. Я поинтересовался им. Оказалось, что рабочий-пенсионер Пономарев и есть бывший авроровец.

...Шел 1918 год. С Балтики возвратился домой в Васильево-Шайтанский поселок (так раньше назывался Первоуральск) Михаил Пономарев. С германского фронта вернулись братья Иван и Николай.

Большевики поселка выбрали Ивана первым председателем ревкома.

Было тяжелое время. На Урале вспыхивали кулацкие восстания. В лесах собирались банды. Поселок захватили белочехи.

Ивана, Николая, а затем и их отца расстреляли. Михаила арестовали и долго пытали. Требовали выдать большевистских активистов. Но Пономарев молчал.

Его продержали несколько дней, и, не добившись ничего, отпустили, предупредив, что, если он будет в чем-либо замечен, расстреляют.

Угроза смерти, гибель братьев и отца не сломили духа Михаила Александровича. Он с еще большей энергией взялся за политическую работу. В его доме тайно собирались Акифьев, Рыбкин, Котов и другие активисты, ускользнувшие от рук белогвардейцев. Писали листовки, расклеивали их у проходной завода, на стенах домов.

Однажды ночью в ворота раздался стук. Пономарев выглянул в окно. Возле дома стояли солдаты.

— Обыскать дом! — приказал офицер.

За час до налета на квартиру листовки были унесены подпольщиками, и Пономарев был спокоен. Но вот один из солдат вылез из подполья и бросил на пол сверток одежды.

«Неужели что-нибудь осталось?» — с тревогой подумал Михаил.

— Матросское барахло нашел, — доложил солдат.

— Откуда? — заорал офицер и с кулаками двинулся на хозяина дома.

— Моя, — спокойно ответил Пономарев. — Матросом с пятнадцатого года отечество защищал.

— Знаем мы матросню, все подлецы, как один! Отечеству служили и отечество предали. Ро-

бу эту сжечь, а тебя, сукиного сына, все равно когда-нибудь шлепнем.

Вот тогда-то были уничтожены документы Михаила Александровича, подтверждающие его принадлежность к экипажу бессмертного корабля, но не все. Один каким-то чудом остался, и Пономарев хранит его, как святую реликвию.

АТТЕСТАТ

Дан сей от старшего инженер-механика крейсера «Аврора» машинисту Михаилу Пономареву в том, что он за время своей службы на крейсере «Аврора» с 14 июня 1915 года по 10 марта 1918 года поведения был хорошего, дело свое знает хорошо и все возложенные служебные обязанности и касающиеся до него работы исполнял со знанием дела.

Что и дает право рекомендовать Пономарева как вполне знающего свое дело человека.

Гор. Петроград, 10 марта 1919 года.

Подписи командира корабля, инженер-механика, председателя судового комитета и гербовая печать.

В. АНАТОЛЬЕВ.

О ТЕХ, КТО НЕ ЗНАЕТ ПРЕГРАД

Л. ШЕРЕШЕВСКИЙ

Молодой горьковский поэт Л. Шерешевский много лет провел на далеком Уральском Севере, работал на строительстве железной дороги, руководил художественной самодеятельностью в заполярном городе Салехарде.

Сейчас Л. Шерешевский работает в редакции вечерней газеты «Горьковский рабочий». Недавно в Горьковском издательстве вышла его первая книга стихов «Дороги дальние».

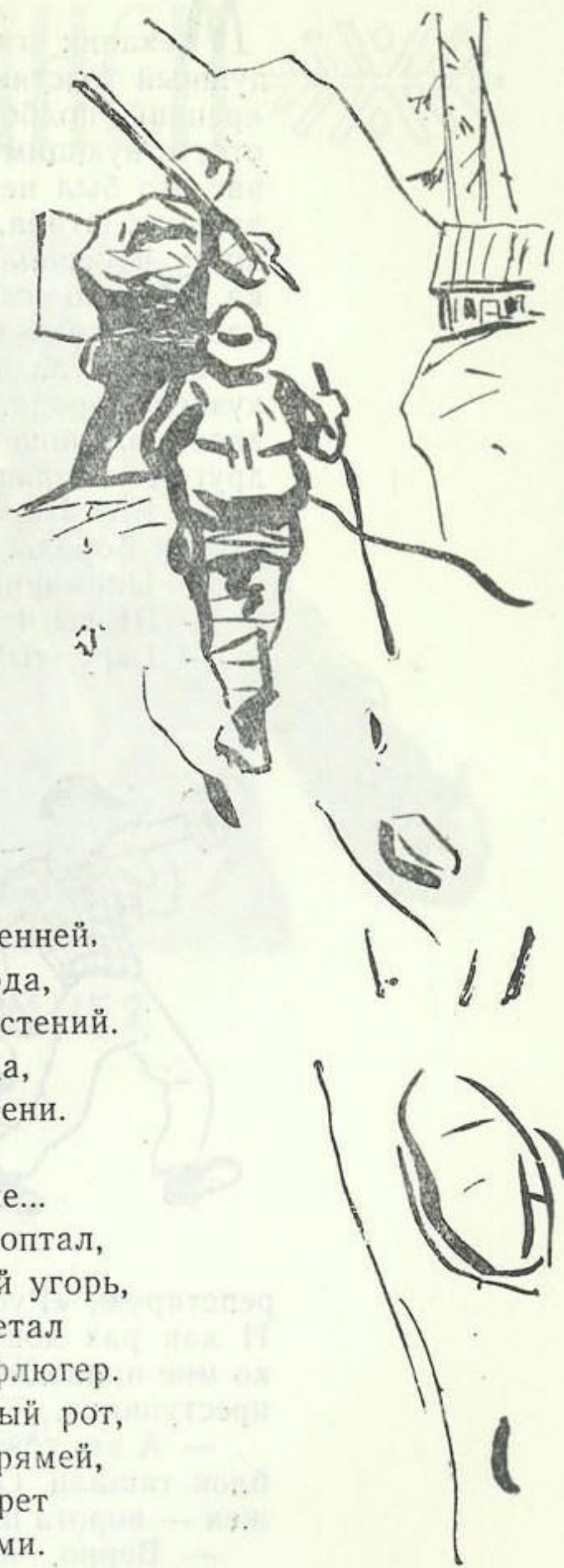
Строителю

Насквозь пропитан запахом смолы,
Ты вроешь брусья первого порога
И, повалив столетние стволы,
Вчерне прочертишь первую дорогу.
И, на ходу приобретая стаж,
Участь на новостройке неучебной,
Ты насыпь в топах первую создашь
Из воли к жизни, гравия и щебня.
Скажи, укладчик рельсовых полос,
Да есть ли радость на земле другая,
Чем та, что вносит первый тепловоз,
Гудками мхи бесшумные шугая?
Ты не искал ни почестей, ни льгот,
Ни скидок на широты и погоды,—
Пусть первый дом ты строил чуть не
год,—
Теперь ты город строишь за полгода.
Хребты и пни с лица земли стирай,
Мерзлоты и болота покоряя,
Ты сделаешь цветущим этот край,
Где доблести нет ни конца, ни края.

Красный Камень

Сумрачна, шершава и стара,
На утюг заржавленный похожа,
Красный Камень — рыжая гора,
На Урал попавший краснокожий.
Красный Камень — рыжая руда,

Что и гор, и леса драгоценней.
Что, своею ценностью горда,
Отказалась от любых растений.
Это только камень и вода,
Впадины, и выступы, и тени.
Это — ожидание труда,
Это сны о домне и мартене...
Где ручей тропинку протоптал,
Извиваясь, как блестящий угорь,
Над скалою вдруг затрепетал
Языкатый и вертлявый флюгер.
И скала, раскрыв багровый рот,
Видит, как, ее самой упрямей,
От пурги и выюг свое берет
Домик, атакуемый ветрами.
Люди с картами идут сюда,
Повинуясь радиоприказам,
И глядит Полярная звезда
На идущих удивленным глазом:
А потом... Нет, это не потом —
Сразу же рождается поселок,
И кирпичный вырастает дом,
Словно Камня Красного осколок.
И, породы горные тесня,
Люди поднимаются все выше.
Цветом Камню Красному родня —
Красный флаг колышется над крышей...



Механик гаража, огромный, благодушный толстяк Зоркин, подперев рукою крепкий подбородок, смотрел каким-то отсутствующим взглядом. Впрочем, сейчас это был не механик Зоркин, а начальник штаба, который готовился к допросу и разоблачению своего племянника. Сурово сдвинув брови, он шептал слова, полные негодования.

Скрипнула дверь. В конторку вошел кузнец Борода. Следом за ним шагнули двое мальчишек, один лет двенадцати, другой поменьше.

— Вот, Павел Дмитриевич, поймал,— сказал Борода.

— Племянника?

— Да вы что! Чужих привел.

— Тьфу ты! А я тут на свободе роль

жется, черт возьми, перехватил»,— подумал он и поправился:— родителей ваших обязательно накажут. Это как пить дать.

Малыш всхлипнул. На пол свалилось несколько крупных слез.

— Плачете? А того не знаете, что предали Родину?

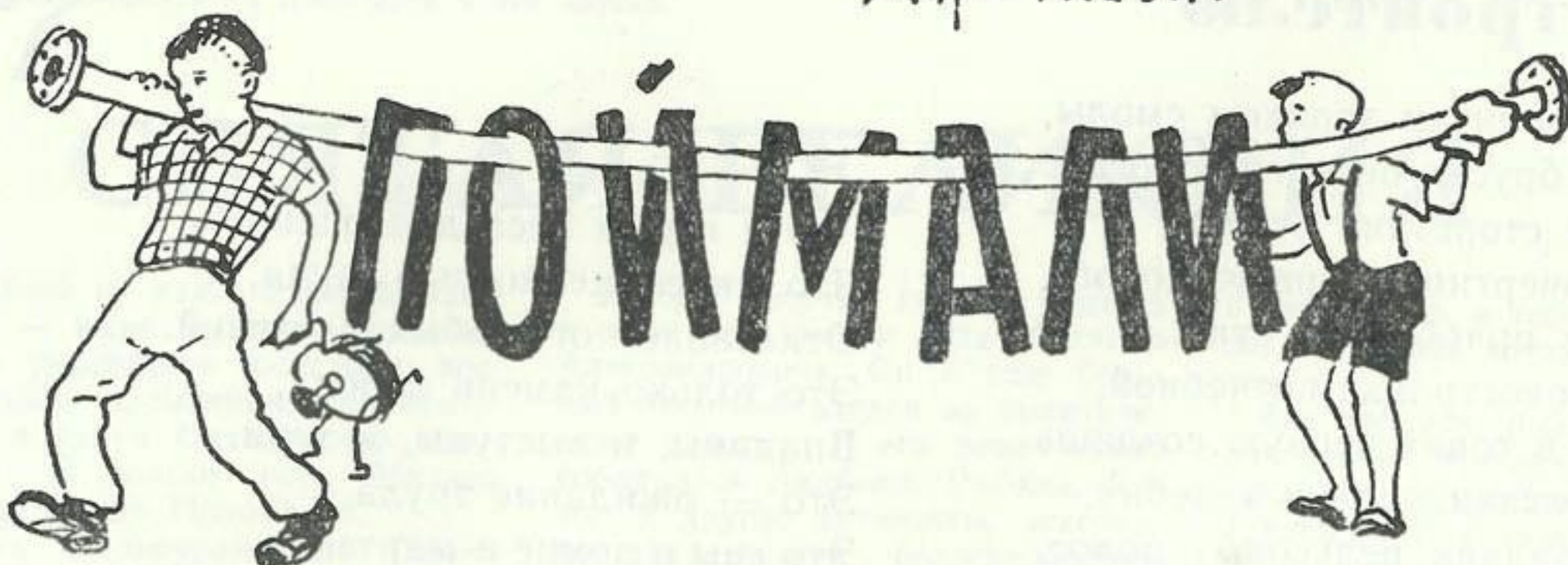
«Тьфу, черт! — спохватился Зоркин.— Опять эта роль впуталась».— А того не знаете, говорю, что металл нужен стране. Может, из этого блока новый мотор сделали бы или паровоз. А вы тащите. Кто вас подговорил?

Старший мальчик громко вздохнул, поднял глаза на механика:

— Никто не подговаривал. Мы металлолом собираем для мартенов.

— Собирайте себе на здоровье на улице.

В. ДРОТКЕВИЧ



МАЛЕНЬКИЙ РАССКАЗ

репетирую. «Русских людей» мы ставим. И как раз дошел до того места, когда ко мне приводят племянника, изменника, преступника.

— А эти тоже преступники. Газовский блок тащили. Он ведь нам для дела нужен — ворота подпираем.

— Верно, нужная вещь,— рассеянно протянул Зоркин.

— Так они его подцепили на проволоку и поволокли нивесть куда. Ишь, какие бойкие!— Борода по старой армейской привычке козырнул и пошел.

Зоркин внимательно оглядел ребят:

— Подойдите поближе.

Мальчики дружно двинулись вперед.

— Что же это вы, братцы, а? Наверное, школьники, а пошли на преступление. Значит, народное добро будем расхищать? А вы знаете, что за это судят? Вот упекут вас лет на пять каждого, тогда...— Зоркин не закончил фразы: «Ка-

— Так все подобрали. У нас отряд первое место по сбору металла занял.

— Раз нету на улицах, значит, можно государственное тащить?

Малыш вытащил из-за пояса брезентовые, видимо, отцовские, рукавицы, помял их, снова заткнул за пояс.

— Ваша чугунина зря валялась. Она у нас на учете, под наблюдением.

— Умные вы, я вижу.... А отвечать за нее придется. Вот что вы теперь будете делать?

Старший отстранил товарища, посмотрел прямо в глаза Зоркину:

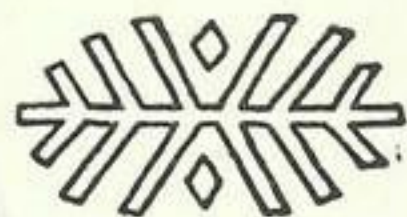
— А мы заявление на вас напишем, дядя. Всем отрядом будем жаловаться, что вы металлолом маринуете.

Зоркин опешил. Встал, вышел из-за стола и вдруг неудержно рассмеялся:

— Вот здорово! Поймали-то, оказывается, не вас, а меня!



ПОЭТ НАРОДА МАНСИ



ПУТИНА

Чешуей стальной блистая,
Пляшет в волнах рыба стая,
Пенится, кипит вода.
Гей, народ, скорей сюда!
Мы проворными руками
В Обь закинем невода,
Гей, потянем сеть дружной мы!
Гей, друзья, быстрее, быстрее!
Нету лакомства вкусней,
Чем трепещущая нельма.
Смех и гомон ввысь летит,
Счастьем каждый взор блестит,
Шутки, хохот над рекою.
Видел ты хоть раз такое?

Перевод Б. ГУСЕВА



ОБЬ И НЕВА

Рано мать моя скончалась,
Рано счастье отсмеялось.
Я стоял над обской кручей,
Слезы лил, как дождь из тучи.
Обь сердечная вздыхала,
На колени нежно брала,
Из бересты у причала
Колыбель мою качала.
Сердце сына захлестнуло,
Свой напев мне в грудь вдохнула.
А теперь в полдневном солнце
Предо мной Нева смеется.
Кажется: у ног, сверкая,
Катит волны Обь родная,
Плечи мне обвив руками.
Так же щедро ветерками
Невскими я зацелован...
Той же ширью очарован...
Пусть на люльку у причала
Ты, Нева, мой ум качала,
Крылья мне дала навечно.
О, спасибо, друг сердечный!
Схожи рек различных воды,
И добры сердца народов,
Потому я всюду дома,
Все родные, все знакомо.

Перевод И. ГРИГОРЬЕВА

СИЛУ ДЕТЬ КУДА МНЕ?

Вы, девчата, из колхоза,
Не гордитесь и не смейтесь.
Вы со мною, с чернокозой
В силе, в ловкости померьтесь.
На снегу найду всегда я
Чуть заметный отпечаток
Мягкой лапки горноста.
Схожий с листиком зубчатым.
Белоснежному не скрыться —
Подстрелю в глазочек черный!..
У реки весной садится
Дикий лебедь на плечо мне.
Только силу деть куда мне
И во что вложить уменье? —
Нет колхозов в нашем дальнем
Маленьком лесном селенье.

Перевод Б. ГУСЕВА

Юван Шесталов — первый поэт народа манси. Родился он в 1937 году в рабочем поселке Березово, учился в школе, а затем в Ленинградском пединституте. В 1956 году в Тюмени вышла первая книжка поэта на мансийском языке. Издательство «Советский писатель» выпустило в свет стихи Шесталова на русском языке.

Красный огонь

Дневная голубизна ближе к вечеру сменилась дымчатой синевой. Потом солнце коснулось воды, выплывило янтарь, и все вокруг позолотело. Надвигался вечер.

Шлюпка, обычная рыбацкая посудина, шла на север под легким мотором. На ней было десять человек.

Кострицын из всех стихий предпочитал одну — сушу. Не любил море, с которым были связаны скверные воспоминания: 1917 год — Зимний дворец и матросы с «Авроры». 1920 год — Новороссийск. Бегство. Море. Тот же год — Севастополь. Море и бегство...

Кострицын нескладно сидел на баке; костлявая ястребиная голова с зализанными белыми волосами была обращена вперед. Кострицын молчал почти все время перехода. Приближалась цель экспедиции. Тяжелели свинцовые глаза под нависшими бровями.

Молчал человек на юте, у руля и мотора, штурман Кессельродэ. Молодой еще человек, но с белыми висками, он был выхвачен Кострицыным из «интимного» английского кабака на улице Сасси в Константинополе. В тишине благоустроенного притона он был чем-то вроде метрдотеля. В ответ на призыв Кострицына «выполнить долг русского офицера» ответил коротко: «Да». Так очутился он среди «рыбацкой артели». Теперь вел экспедицию, больше полагаясь на чутье моряка, чем на компас. Небрежными штрихами заносил он пройденный курс на карту Черного моря и знал: не ошибается ни на иоту.

«Люди подобраны хорошо. Знали, кого послать», — подумал Кострицын и обернулся.

Вот хотя бы этот толстяк Фурницкий. В прошлом поручик, потом дроздовец¹ и, наконец, контрразведчик. Прославился неумолимой жестокостью и умением казнить в любое время, не задумываясь. В последнее время немного опустил, «нашалил» в Монте-Карло и был дважды бит за слишком ловкую игру в баккара.

Или этот Олферов. Сидит на дне лодки, тощий, длинный. Будет ползет. Башковит. Хорошо знает Дон и быт казачества.

— Эге, да уже, собственно, вечер!

— Да, вечер! — подтвердил штурман и дал реверс, стопоря шлюпку. Здесь надо было замереть в ожидании темноты. Сделалось тихо, совсем тихо...

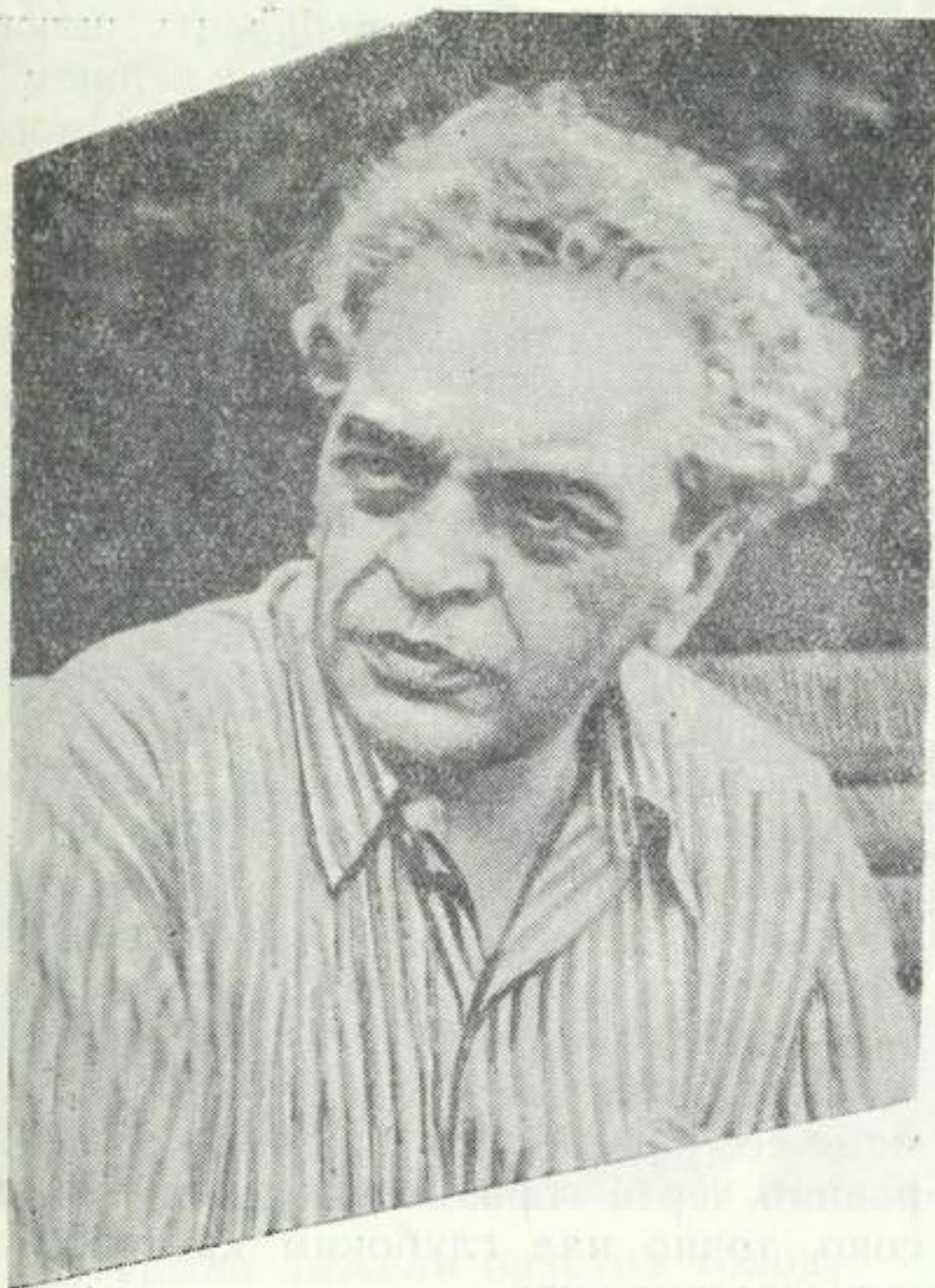
— Погода? — спросил Кострицын. Штурман едва заметно пожал плечами.

— Штиль продлится два дня, не меньше. Время выбрано неплохо, господин полковник.

Неподвижность шлюпки и перерыв в шуме мотора разбудили спящих людей. Поднялись головы, началось движение. Штурман, коротко и снисходительно отвечая на вопросы, возился у мотора и улыбался. Пока все шло как по расписанию. Хорошо выбрали время, и утлая шлюпка выдержала рейс молодцом. Прекрасно наметив направление, уклонившись от избитого морского пути, избежали встреч. Теперь надо быть умницами, надо хорошенько строить дело дальше.

Кока Багрин, подойдя к штурману, скосил глаза на весла, лежавшие по бортам.

¹ Так именовались офицеры, служившие в части, которой командовал белогвардейский генерал Дроздовский (ред).



Наши читатели хорошо знают И. И. Ликстанова как автора повестей для детей и юношества. Кто не увлекался «Приключениями юнги», или «Малышом», не зачитывался «Зелен-камнем», не задумывался над «Первым именем» и «Безымянной славой»?

Ликстанов написал и много рассказов. Темы их, так же, как и других произведений писателя, подсказывала ему жизнь.

До приезда на Урал И. И. Ликстанов долго работал во флотских газетах в Черноморье и Балтике. Увлекательная и опасная служба на кораблях, на морской границе подсказала несколько сюжетов. Один из них, в основе которого лежит подлинный факт, раскрыт в рассказе «Красный огонь».

Этот рассказ был напечатан в ленинградском журнале «Вокруг света» за 1929 год.

— Скоро начнем грести?

— Нет. Мы еще пойдем под мотором...

Вечер срезал с горизонта солнечную горбушку, небо на несколько минут запылало, а затем начало отходить, темнеть, меняя яркий накал солнечного сияния на мягкий отблеск далекого пожара. С востока тем временем воспрянула густая синева, выгибая свое крыло выше и выше. Когда на востоке мигнула первая звезда, Фурницкий вздохнул полно и глубоко:

— И день долой...

Штурман, отвалиясь на борт, следил за предводителем. Кострицын не спешил. Точно регистрируя какие-то наблюдения, посмотрев на часы, он стоял, высокий, в обвисшем макинтоше на костлявой фигуре.

— И день долой...— повторил Фурницкий, обращаясь к соседу. Князь, тяжелый угловатый человек с лопатообразной нижней челюстью, посмотрел на него, не понимая. А Фурницкому было не по себе, молчание давило.

«Князю Беку Арматову хорошо,— подумал он.— Бек вообще дурак и зол, как демон. Будет драться хоть с камнем в руке. А тут? Добраться бы до земли и куда-нибудь...» — Вороватая мысль приходила не впервые...

Восемь лет эмиграции стерли краски вчерашнего боевого дня и затянули лицо Совдепии. А теперь враг стоял близко, совсем близко, за густеющей чертой горизонта, и был страшен, как великан, ожидающий атакующих пигмеев.

Шлюпка застряла в глубоком штиле, и людей сковала неподвижность. Густо высыпали звезды на восточной половине неба, потом огоньки добрались до зенита и разгорелись.

— Мотор!

Начальник приказал и сел. Мотор всхлипнул и, едва заметно сотрясая шлюпку, начал забирать ход...

Члены экспедиции оставались безмолвны. Настороженны.

— Предлагаю вам, господа, разобрать оружие и в последний раз закурить, так как скоро откроется берег.

Это был выход из томительной неподвижности, и им воспользовались. Бек Арматов раздавал оружие: каждому полагалось по два парабеллума с шестью обоймами патронов и по одной маленькой гранате, похожей на серебряный плоский портсигар. Вот только вес... Вес, внушающий уважение. Ловкая штучка.

В темноте щелкали затворами. Вгоняли и вынимали обоймы. Обменивались короткими фразами.

Когда разговор затих, Кессельродэ коротко возвестил:

— Красный огонь!

Увидели: едва приметная багряная звездочка висела в плотном сумраке севера. Она была слабее любой звезды небосклона, но в ней нельзя было ошибиться... Спокойный голос штурмана с удовлетворением отметил:

— Прямо по носу!
Кострицын добавил:

— Выключите мотор,— и обратился к членам экспедиции: — Господа, устройте весла, и прошу без особенного шума. Привыкайте соблюдать тишину. Мы едем в страну, где надо уметь молчать,— закончил он, окрашивая слова хмурой улыбкой. Легко переступая длинными ногами через банки, прошел на корму и наклонился к штурману.

— Все сходится?

— Пока все. Огонь маяка открылся вовремя. Остается требовать от гребцов ровной работы. Через три-четыре часа мы будем на месте.

— Отсюда вы берете на пятнадцать градусов к востоку от красного огня. Кажется, так... Именно это и приведет нас в Черную бухту.

— Я помню.

Штурман чувствовал ответственность минуты. Одновременно выполняя роль сигнальщика, штурвального и штурмана, он был спокоен. Запах моря вернул всю полноту былой уверенности в своих способностях и знаниях. Компас не врал. Кессельродэ спокойно переложил румпель, дал несколько советов гребцам, и люди неумело завели весла для первого гребка. Весла упали нервно, недружно. Отсвечивая живым фосфором, вода охватила лопасти. Шлюпка сдвинулась немного в сторону от красного огня.

Гребцы, с трудом улавливая темп, гребли.

Берег!

«— Мы подошли к нему в полном молчании, если не считать шума весел. Кострицын держал пост на баке...

— Скажите, что побудило вас вступить в это предприятие? Стремление вернуться на Родину? Желание попробовать силы в активной борьбе?

— Разрешите не отвечать на эти вопросы. Могу сказать одно: предприятие, основанное его превосходительством, казалось пустяком, когда мы были «там». Но когда перед нами вырос советский берег, мне стало тяжело, хотя ничего не предвещало провала. Мы легко пересекли море, но теперь открылось море опасностей и враждебных сил...

— Так что мысль об активной борьбе?..

— Активная борьба?.. В конце концов, моя роль на три четверти своди-

лась к тому, чтобы перебросить шлюпку к советскому берегу. В дальнейшем... я должен был лишь кое в чем помогать друзьям...

— «Кое в чем» понятие растяжимое и смутное.

— Да, если хотите...» (Из дела № 302).

Так открылся берег...

Штурман был твердо уверен в правильности навигационного счисления. Даже не улыбнулся, увидев, что форштевень шлюпки приходится прямо по створу пролива. «Чрезвычайно ловко!» — подумал он, и шлюпка вошла в бухточку.

Мимо проплыл утес, ласково плеснулась волна под берегом, и кто-то неловко сцепил весла с сухим быстрым стуком. Кострицын шепотом приказал:

— Молчание! Берите правее!

Бухта была немалая, но берега сжимали ее громадными глыбами утесов. Неровная черта горизонта приходилась высоко, точно над глубоким кратером потухшего вулкана.

Люди гребли замедленно и устало. Три часа напряженной работы. Пыхтел толстяк. Кто-то раздражающе тянул носом. Когда дно шлюпки задело донные голыши, члены экспедиции вздрогнули, а шлюпка уперлась в упругий грунт....

Именно в этот момент небо раскололось. В трещину хлынул поток зеленого режущего огня.

Огонь ударил с противоположного берега, из-за спины штурмана, прямо в лица гребцов. Стало восемь белых масок с отвисшими челюстями, с пустыми ослепшими глазами. Штурман диким усилием прорвал оцепенение и поднял взгляд выше. Увидел прямо над шлюпкой на берегу 6—7 человек матросов с винтовками на прицел. Потом резанул голос:

— Руки вверх!..

* * *

В комнате следователя ГПУ было светло.

— Возможно, что я кое-что упустил. Усталость. Три ночи не спал. Пока был на море, усталости не чувствовал...

Следователь улыбнулся быстрой сдержанной улыбкой, отложил перо, закрыл дело № 302, откинул мягкие волосы, нависшие на глаза.

— Ничего, мы с вами говорим не в последний раз. Отдохните, и мы проверим показания.



Штурман тяжело опустил голову.

— Хорошо... Но я прошу вас ответить мне на один вопрос: он меня мучает. Меня мучает вопрос о моей роковой ошибке. Мне, опытному моряку, может быть, не так тяжелы последствия провала экспедиции, как сам этот промах. Во всяком случае, я умею обращаться с такими пустяками, как компас и карта. Так в чем же дело? Красный огонь и берег открылись вовремя, я взял на пятнадцать градусов правее на восток. Все время огонь оставался там, где ему надлежало оставаться... Но вместо одной бухты оказалась другая, вместо Черной — Крепостная. Либо мой компас врал, что немыслимо, так как я тщательно уничтожил девиацию... Либо переместился огонь маяка, что тоже совершенно невероятно. Я теряюсь!

— Огня на маяке не было!

Штурман поднял голову и посмотрел на следователя. Он не ожидал насмешки. Но насмешки и не было, с полной серьезностью следователь глядел на моряка.

— Маяк не имел освещения, тот маяк, о котором вы думаете.

— Огонь был?

— Да, огонь был, но не маячный. Был другой, красный огонь.

— Я не понимаю.

— Нагорный маяк прекратил освещение три месяца тому назад за ненадоб-

ностью. Его заменил мощный зеленый маяк с желтыми проблесками на Песчаной косе. Об этом было напечатано в «Извещении мореплавателям».

Штурман начал соображать. Лицо прояснилось. Он облегченно вздохнул.

— А красный огонь, тот, который мы видели?..

Следователь не отказал в объяснении.

— Это просто. В двух словах. Крестьяне Бюк Асана, нагорной деревушки, справляли вчера большой праздник. Красноармейцы и краснофлотцы погранохраны, а также комсомольцы татары провели в деревню электромагистраль из города. На средства от воскресника (если вы знаете, что это за вещь — «воскресник») электрифицировали всю деревушку — семьдесят пять дворов. Вечером устроили гулянье на деревенской площади. На этой же площади комсомольцы поставили фигуру Ленина, сделанную из фанеры, и притом довольно искусно. Вся статуя была иллюминирована красными лампочками...

— Красный огонь! — штурман хлопнул себя по колену. — Вот почему в бинокль он казался немного странной формы. Удлиненным. Я думал, что это искажение...

— Нет. Никакого искажения. Вы попали в Крепостную бухту и доставили нам напрасные волнения. Мы ждали вас в Черной...



МЁД И НЕФТЬ

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» беседует
с председателем Башкирского совнар-
хоза Героем Социалистического Труда
Лауреатом Сталинских премий Степаном
Ивановичем КУВЫКИНЫМ.

„БАБУШКА НЕФТИ“

ВОПРОС. В чем своеобразие Баш-
кирского экономического района?

КУВЫКИН. Отвечая на этот вопрос,
позволю себе небольшое отступление в
историю, впрочем, совсем недавнюю. Лет
двадцать назад, когда мне приходилось

только начинать работу в Башкирии; вся-
кое упоминание об этом уголке нашей
страны вызывало примерно такие раз-
говоры:

— А как же, знаем, — башкирский мёд!
Попробуйте сейчас спросить о Баш-
кирской АССР. Ручаюсь, почти каждый
ответит:

— А как же, знаем, — башкирская нефть!

Вы думаете, стало меньше мёду? Нет, сельское хозяйство нашей республики развивается отлично, и вместе с остальными его отраслями идет в гору пчеловодство.

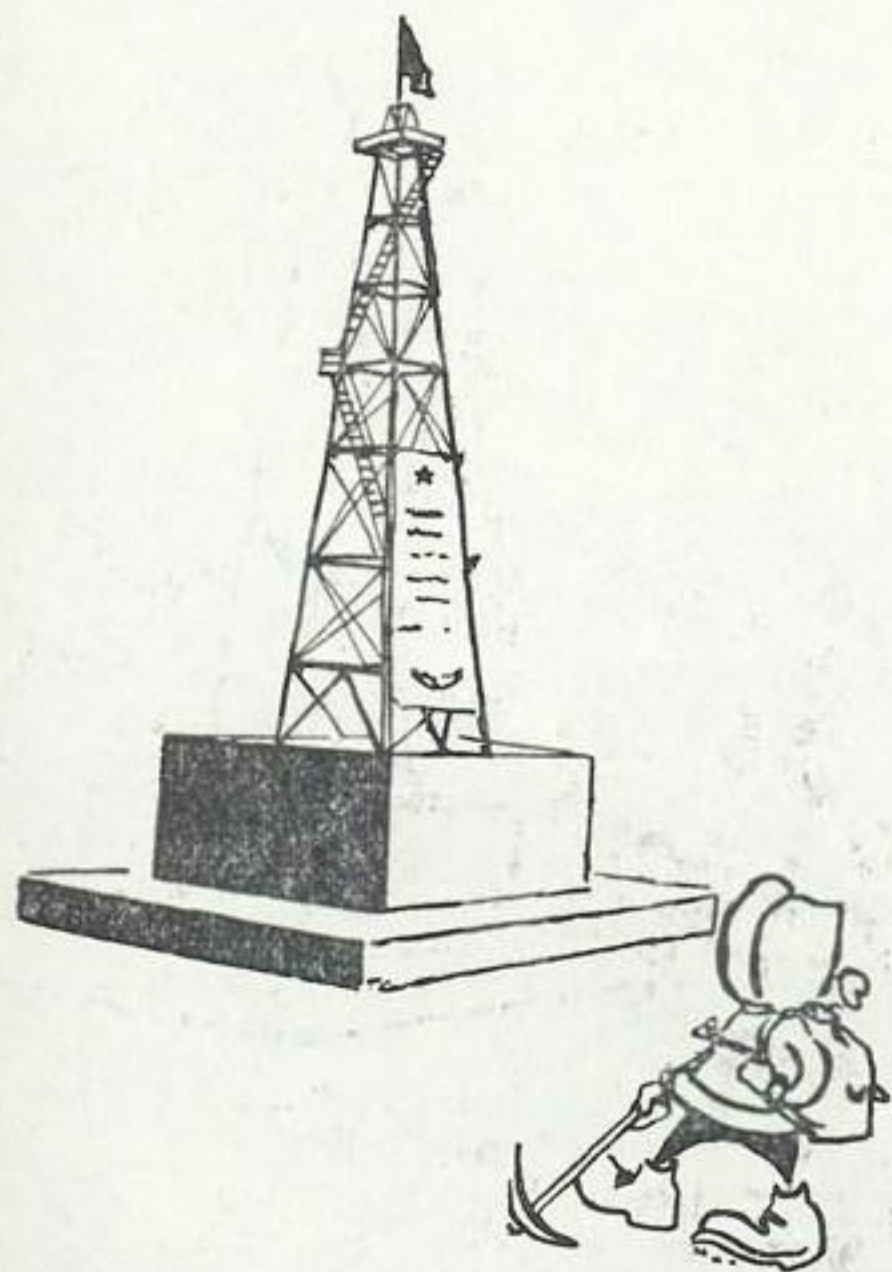
Дело тут не в мёде, а в нефти. Ее производство за это время выросло прямо-таки фантастически. Мы сейчас даем жидкого топлива больше, чем знаменитое Баку — первый нефтяной район страны.

Очень убедительно говорит об этом язык цифр: за последнее двадцатилетие добыча нефти в Башкирии увеличилась во много раз. Но к концу семилетки мы будем давать нефти еще вдвое больше, чем сейчас!

Разве может после этого башкирский мёд соревноваться с башкирской же нефтью — «черным золотом» нашей экономики!

Нефтяная слава Башкирии родилась в трудные годы Великой Отечественной войны, когда разведчики недр «Второго Баку» впервые проникли в глубокие девонские горизонты. Именно здесь оказались неисчислимые скопления нефти. Скважина № 100, которую бурил опытный мастер Трепольский, была расположена километрах в пятнадцати от поселка Туймазы — сейчас неподалеку от нее вырос молодой город Октябрьский.

Прошло пятнадцать лет. Но все собы-



тия этих трудных и славных дней настолько врезались в память, словно они произошли вчера.

25 сентября 1944 года ударил мощный фонтан. Сверкающий на солнце столб жидкости достигал в высоту шестидесяти метров. С восторгом, с гордостью смотрели мы на это половодье жидкого топлива. Есть в девоне нефть!

Интересно, что знаменитая сотая скважина, «бабушка девонской нефти», как ее любовно-шутливо называют у нас, до сих пор нормально работает. За четырнадцать лет она одна дала шестьсот тысяч тонн нефти. Если все это топливо пустить одновременно в нефтепровод сечением в полметра, то его нитка протянулась бы от Уфы до Черного моря и обратно. Сейчас скважину № 100 обслуживает первая в орденоносном управлении «Туймазанефть» бригада коммунистического труда, руководимая Ф. Безбродовым.

Когда скважина иссякнет — постараемся, чтобы это было как можно позже, — на месте вышки мы воздвигнем памятник героям «Второго Баку». Здесь вместе с Иваном Михайловичем Губкиным — академиком-коммунистом, предсказавшим богатства «Второго Баку» — будут названы имена многих рядовых тружеников, принесших Башкирии славу передовой республики нефти.

Туймазинское месторождение — одно из крупнейших в стране. Но сейчас на

северо-западе Башкирии рождается новый Арланский нефтяной район, который по запасам еще больше, чем Туймазинский. Это — новостройка семилетки.

Кроме нефтепромыслов, здесь будут создаваться газобензиновый завод, крупная теплоэлектроцентраль, целый комплекс промышленных предприятий. Созсем недавно, в конце сентября, поселку, расположенному около села Касево, где находится база разведчиков арланской нефти, присвоено наименование Нефтекамск. На карте республики появился новый рабочий поселок — первенец семилетки.

Арланская нефть имеет свои особенности — в ней значительна примесь серы. Прежде мы пасовали перед таким нежелательным спутником. А сейчас научились побеждать и его. Из врага нефтяников сера превратилась в ценное попутное вещество, идущее на производство серной кислоты. Это в свою очередь удешевит и себестоимость основной продукции — нефти.

Интересны этапы, по которым развивалась наша нефтяная промышленность. Вначале — только добыча сырой нефти, потом переработка ее. Сейчас Башкирия уверенно занимает первое место в Советском Союзе по переработке нефти.

Но это нынче уже мало. Силенок у нас накопилось достаточно, можем размахнуться на большее.

НЕФТЕХИМИЯ!

ВОПРОС. Что же задумано?

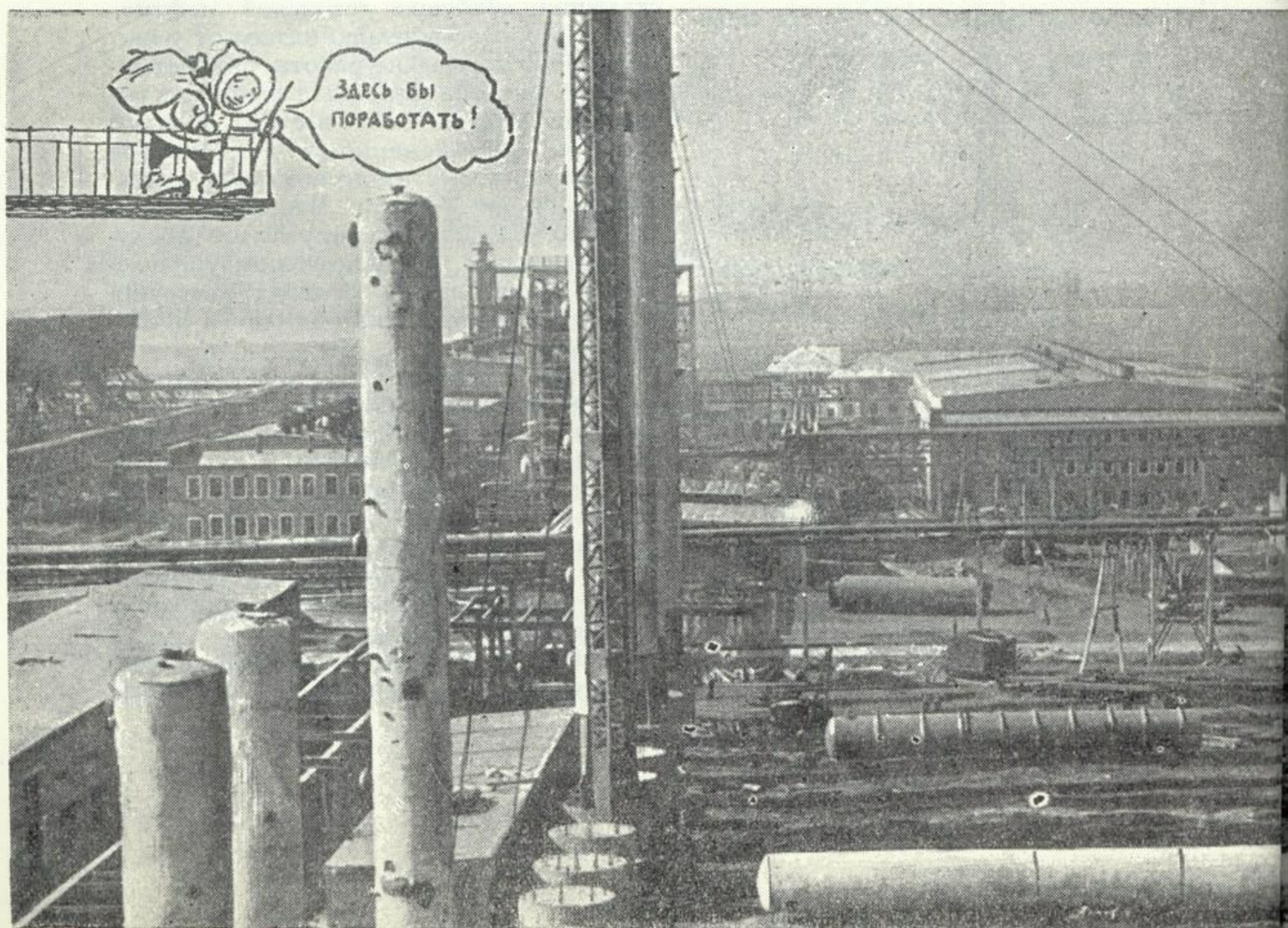
КУВЫКИН. В одном этом слове, если можно так выразиться, ответ на Ваш вопрос. Нефтехимия. Впрочем, согласен рассказать поконкретней.

Что мы выпускали раньше? Так сказать, простейшие нефтепродукты: разное топливо, масла. Можно ли ими ограничиться сейчас?

Ваши читатели — народ дотошный, одно слово — следопыты. Они, конечно, давно знают, что современная химия позволяет получать из нефти и газа многие ценные продукты. Кому же как не трудящимся Башкирского экономического района, с его сильно развитой нефтепереработкой, взяться за это нужное для народа дело!

Башкирию часто называют республикой «большой нефти». В нынешней семилетке она станет также республикой «большой химии». Это позволит в пределах одного экономического района создать полный, законченный цикл — от добычи нефти и попутных газов до производства из них товаров для населения.

Строительство Стерлитамакского завода синтетического каучука.



Как осуществится такой замысел? Из продуктов нефтепереработки будут изготавливаться различные синтетические материалы. А в молодом городе нашей республики — Октябрьском — будет создан крупный комбинат костюмных тканей из искусственного волокна.

Но это еще не все. В Уфе начнет работать большая швейная фабрика, которая ежегодно станет выпускать различную одежду из высокосортных материалов на 500 миллионов рублей. Естественно, когда комбинат в Октябрьском войдет в строй, Уфимская швейная фабрика почти полностью перейдет на пошив одежды из местных тканей.

Так завершится полный экономический цикл, которого мы добиваемся. Его окончательный результат: дешевая и красивая одежда для советских людей.

Пока главные люди на наших нефтехимических предприятиях — строители. Большинство заводов и комбинатов должны войти в действие к 1960 году. Стерлитамакский завод синтетического каучука, Уфимский завод синтетического спирта — эти стройки стали ударными комсомольскими. По комсомольским путевкам сюда приезжают молодые нефтяники и труженики полей, машиностроители и металлурги. Мы очень доро-

жим боевой помощью молодежи Башкирии.

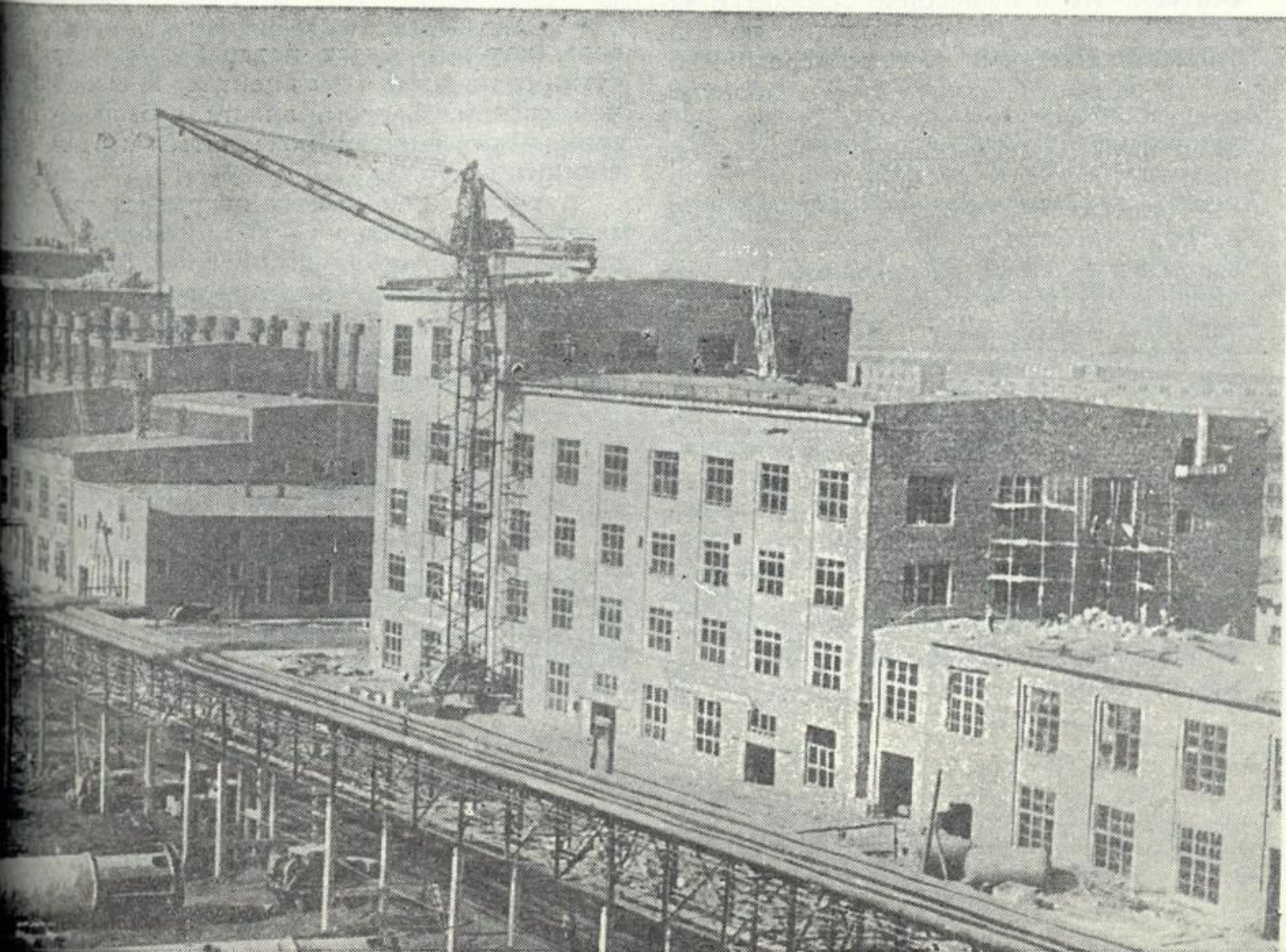
Хочется отметить еще одну очень показательную деталь: население городов, где создаются новые предприятия, тоже принимают в них горячее участие. Например, жители Салавата регулярно выходят на строительство нефтехимического комбината. В некоторые дни строителям помогают до тысячи горожан.

АРЛАН — СИБАЙ

ВОПРОС: Какие еще отрасли промышленности развиваются в экономическом районе?

КУВЫКИН: Посмотрите на карту — она сама обо всем скажет. Вот темные квадратики угля, треугольники черных и цветных металлов, значки новых электростанций и машиностроительных заводов. Поверхность Башкирии на две пятых покрыта хвойными и лиственными лесами — значит, есть и заготовка древесины. Словом, легче назвать отрасли промышленности, которые не развиваются в нашем экономическом районе.

Об Арлане мы уже говорили. Но сказано далеко не все. Тут же строится мощная теплоэлектроцентраль, которую будет питать нефть этого крупного месторождения. Значение Арланской ТЭЦ



выйдет далеко за пределы самого участка и даже Башкирского экономического района.

А теперь перенесемся с севера Башкирии на самый ее юг. На всей территории республики — от Арлана до Сибая — ведутся большие поисковые работы. На Южном Урале действуют два крупных медных месторождения — Учалинское и Сибайское. Последние изыскания геологов и геофизиков убеждают, что скоро к ним присоединятся новые богатые залежи различных полезных ископаемых, которые нас серьезно интересуют.

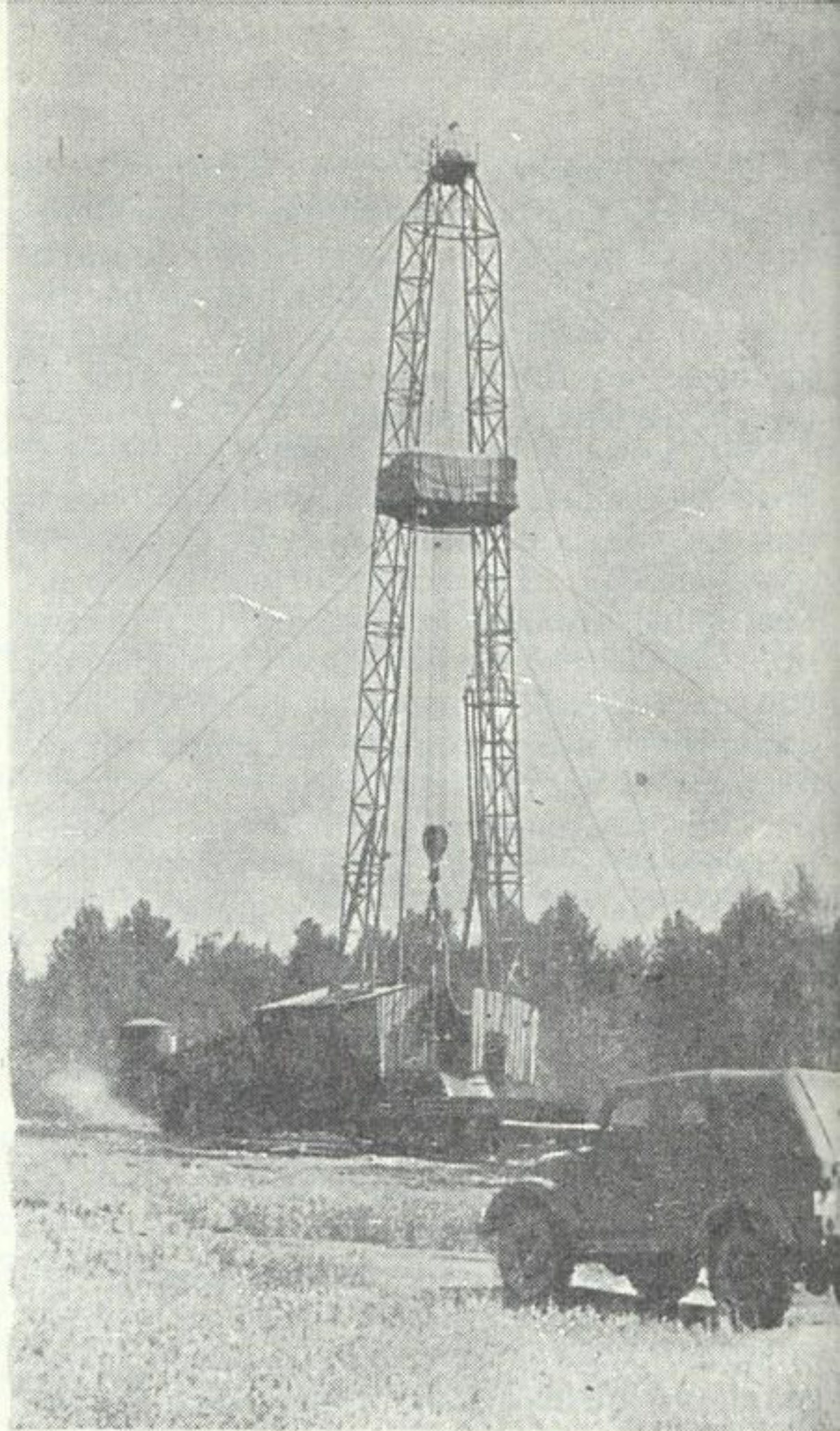
Но вернемся к меди. Раньше мы поставляли Свердловскому и Челябинскому экономическим районам необогащенную медную руду, а теперь, с пуском первой горнообогатительной фабрики в Сибее, медеплавильные заводы Среднего Урала получают из Башкирии богатые металлом ценные концентраты.

Черная металлургия? Ну, здесь нам трудно тягаться с мощными соседями — свердловчанами и челябинцами... Впрочем, стальные тросы и многие марки качественных сталей, которые выпускает Белорецкий металлургический завод, известны всей стране.

Белорецкий металлургический завод — одно из старейших предприятий Урала, ему скоро исполнится двести лет. Такое «долголетие», конечно, приятно, но умиляться им особенно не следует. Мы считаем, что в нынешней семилетке завод нужно солидно «омолодить»: построить новые доменные печи, усовершенствовать и автоматизировать старое оборудование. Иначе он неизбежно отстанет от общего роста нашей промышленности.

Есть, конечно, в экономическом районе и другие отрасли промышленности, но обо всем сразу не расскажешь. Хочется лишь вернуться к нашему старому знакомцу — башкирскому меду. Точнее, не к меду, а его близкому родственнику.

Я уже говорил, что наше сельское хозяйство развивается успешно. Чтобы переработать то обилие продукции, которое дадут колхозы и совхозы республики, нужно резко увеличить мощности пищевой промышленности. Наряду с переработкой зерна, мяса и молока, у нас крепко встает на ноги сахарная промышленность. Модернизирован Карламакский завод, начато строительство Мелеузовского за-



Передвижной буровой агрегат на промыслах «Арлан-нефти».

вода, который будет перерабатывать в сутки пятнадцать тысяч центнеров сахарной свеклы. Словом, вместе с башкирским мёдом сможем похвалиться и башкирским сахаром.

Вот видите, семилетка открывает «зеленую улицу» всем отраслям промышленности. А творческая инициатива трудящихся уже вносит в семилетний план поправки. Эти поправки весьма значительны. Они еще больше увеличат наш трудовой вклад в общенародное дело.

ПЯТЬ МИЛЛИАРДОВ

ВОПРОС. Не сможете ли Вы рассказать о них?

КУВЫКИН. Миллионы тонн жидкого топлива обязались добыть и переработать сверх плана за семилетие наши нефтяники. Эта цифра почти равна нынешней годовой добыче нефти по Башкирии. Серьезное, ответственное обязательство!

Нефтедобытчики переходят на бурение скважин малого диаметра. Каждый метр проходки скважин по новому методу экономит около четырех килограммов металла, пятнадцати килограммов цемента, двадцати киловатт-часов электроэнергии. Какая же колоссальная экономия получится, если эти килограммы и киловатт-часы умножить на сотни тысяч метров скважин, которые нам придется проложить! Предварительные подсчеты дают астрономическую цифру — 5 000 000 000 рублей за семилетие.

Автоматизация работы скважин, телеуправление промыслами, резкий рост производительности труда на нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводах — все это послужит одному: достичь уровня 1965 года по выпуску валовой продукции в экономическом районе на год раньше. По отдельным же отраслям: нефтепереработке, добыче газа и цветных металлов, пищевой промышленности — этот уровень может быть достигнут еще быстрее, в 1963 году.

БУДЬ СЛЕДОПЫТОМ!

ВОПРОС. Чем могут помочь индустрии Башкирского экономического района читатели нашего журнала, юные следопыты?

КУВЫКИН. Если говорить о конкретных пожеланиях, то они следующие. Прежде всего, нужно искать новые месторождения полезных ископаемых. Как ни странно, Южный Урал до сих пор изучен не больше, чем наполовину. Но и наши недостаточные сведения убедительно доказывают, что он по своим богатствам не уступит знаменитому Среднему Уралу.

Что интересует нас прежде всего? Залежи цветных и редких металлов на юге Башкирии, железные руды в районе Белорецка. И конечно, новые месторождения Волго-Уральской нефтеносной провинции — добыча и переработка нефти и газа на многие десятилетия останутся основной отраслью нашей экономики.

В этом направлении — огромное поле деятельности для юных помощников. Недавно молодежь Иркутской области объявила всеобщий геологический поход за скрытыми богатствами недр своего края. Такой поход уже на первых порах дал ощутимые результаты. Почему бы молодежи Башкирии, да и остальных

экономических районов Урала не последовать примеру своих сибирских товарищей?

А вот другое предложение. Как я уже говорил, многие стройки химических и нефтеперерабатывающих заводов объявлены комсомольскими. Мы надеемся, что работать на этих предприятиях тоже будет молодежь — те из вас, кто сейчас еще выбирает дорогу в жизнь.

В связи с этим хочется поговорить вот о чем. Кто может считаться следопытом? Прежде следопытом называли только путешественника, охотника, искателя новых земель, зверей, растений, минералов. Но наше время — время огромных преобразований в науке и технике — значительно обогатило это понятие. Разве инженера, прокладывающего новые пути в автоматизации производства, нельзя назвать следопытом? Разве менее увлекателен труд химика, овладевающего тайнами новых полимеров, или геофизика, открывающего в недрах земли богатые месторождения? Уверен, что одно знаменитое «родословное дерево» производных нефти даст пищу для поисков и размышлений многим тысячам пытливых молодых людей.

За свою многолетнюю работу мне не раз приходилось встречаться и дружить с творческими, интересными людьми, настоящими искателями. Не могу без теплоты вспомнить, например, Андрея Алексеевича Трофимука, который долгое время был главным геологом объединения «Башнефть». Сколько километров прошел он по башкирской земле — подсчитать, конечно, трудно. Но уверен, что получилось бы больше, чем обойти земной шар по экватору. Каждое мало-мальски значимое месторождение волновало, интересовало его. Андрей Алексеевич много сделал для районов «Второго Баку». Но когда начались большие работы по преобразованию Сибири, Герой Социалистического Труда академик А. А. Трофимук уехал в Сибирское отделение Академии наук СССР, одним из первых откликнулся на призыв партии. Разве его нельзя назвать следопытом, да еще, несмотря на солидный возраст, и молодым!

Ищите, экспериментируйте, исследуйте!

И вы будете следопытами.

А это — самая увлекательная профессия на земле.



НАШИ ШЕФЫ

Летом в Свердловске проходил областной слет воспитанников детских домов. «Уральский следопыт» пригласил к себе в редакцию группу старших ребят из детского дома № 5. Наши гости ознакомились с тем, как делается журнал, долго беседовали с работниками редакции, узнали много интересного.

Редакция обратилась к Соне Зубрицкой, Лоре Бухаревой, Свете Стариковой, Косте Пономареву, Юре Пе-

устрову и Валерию Петрову с просьбой, чтобы они взяли шефство над нашим журналом.

«Уральский следопыт» — самый молодой в стране журнал. И работникам редакции очень важно знать, что думают о каждом новом номере читатели. Что в журнале понравилось? Что увлекло? Что интересно? Что получилось плохо, скучно, оставило равнодушным? Какое мнение читателей?

Ребята согласились взять

над журналом постоянное шефство и обещали по каждому номеру сообщать в редакцию свое коллективное мнение, а также услышанные отзывы других читателей.

Это шефство группы воспитанников детского дома, несомненно, принесет «Уральскому следопыту» большую пользу.

А вы написали в редакцию, что вы думаете о журнале «Уральский следопыт»? **Н а п и ш и т е !**

А что бы вы сделали с мельником, который получает муку и гноит отруби? — спросил он меня таким тоном, словно я был в этом виноват. — А как бы отнеслись к такому хозяину, который, убивая на мясо скот, выбрасывает на помойку шкуру? Немыслимо?.. Почему же со шлаком обращаются хуже, чем с отрубями? Даже роман называется «Сталь и шлак». Дескать сталь — это все хорошее, а шлак — отбросы, заваль!?

— Но ведь так оно и есть, — робко возразил я. — Что бы со шлаками ни делали — стали-то ими все равно не заменишь.

Ученый посмотрел поверх очков.

— Мы уже провели первые опыты. И получили шлаковые изделия, заменяющие сталь. Больше того, в химической промышленности свинцовые трубы можно заменить шлаковыми, я в этом уверен. И дом можно сделать из шлака: от стен до электроизоляторов — весь дом!

Разговор этот шел на окраине Челябинска, в лаборатории шлаковых материалов Уральского филиала Академии строительства и архитектуры. Говоря о шлаках, руководитель лаборатории Александр Соломонович Фефер на глазах преображался: от недовольства занятого человека, которого нехотят потревожили, не осталось и следа.

— Где зерно, там и отруби; где металл, там и шлак, — он вышел из-за стола и принялся расхаживать по кабинету, то останавливаясь, то ускоряя шаги. — Шлаки составляют семьдесят процентов от веса металла. Представляете, сколько их накопилось в отвалах.... Горы! Миллионы тонн! Еще в XVII веке из этого обильного бросового материала изготовляли пушечные ядра, в XVIII — отливали камни для стен, а в прошлом столетии делали дорожную брусчатку. Однако по-настоящему проблема использования шлаков по сей день не решена.

— А почему не решена? — спросил он сам себя. — Да потому что нет о шлаках никакой науки. Вот мы и разрабатываем для них индустриальную технологию — осваиваем прокат и прессование. Вся трудность в том, что мировая техника подобными опытами еще не располагает.

В кабинет вошла высокая светловолосая женщина. Не вынимая рук из карманов синего халата, она устало опустилась на стул.

— Ну? — спросил ее руководитель лаборатории.

— Надо перейти на другие шлаки. Пузырь замучил.

Александр Соломонович повысил голос:

— Что пузырь?!.. На то вы и научный работник, чтобы избавиться от пузыря!

— Надо перейти на другие шлаки, — упрямо повторила женщина.

Фефер собрал со стола бумаги, сунул их в огромный желтый портфель. Потом вдруг вспомнил обо мне.

— Извините, — бросил он, и лицо его снова поскуучнело. — Я вылетаю сегодня в Москву, очень тороплюсь. — Потом, повернувшись к женщине, добавил: — Хорошо, Зоя Ивановна, я подумаю... А сейчас займитесь с товарищем.

Первый вопрос к Зое Ивановне Булатовой был, конечно, о таинственном и злополучном пузыре.

— Пузырь? — Зоя Ивановна задумалась. — Сразу это не объяснить... Видите ли, чем легче стеновые блоки, тем дешевле обходится здание и быстрее идет строительство. Но, увы, строительный материал все еще слишком тяжел. Вот мы и задумали получить легкие стеновые блоки из доменных шлаков.

— Простите, шлакоблоки уже существуют. И не первый год...

Из записной книжки журналиста

**ШЛАК
СТАЛЬ**

— Ну, это совсем другое дело: просто для бетона вместо горной щебенки используют шлаковую, а она такая же тяжелая. Это не то... Мы хотим получить цельную плиту. Сначала вспучиваем свежий, еще горячий шлак, чтобы он стал пористым, легким, а уже потом придаем ему форму — прокатываем между валками. В результате получаем вот такие плиты, — Зоя Ивановна показала образец.

На вес плита легкая, словно из сухого дерева. На вид — рыхлая; среди множества пор выделялась одна — крупная почти на треть всей площади.

— Это и есть пресловутый пузырь, — сказала Булатова. — Никак не можем от него избавиться. Подробнее вам Фрина Мардер расскажет.

Фрину мы нашли в комнате высоких температур. Это обыкновенная комната с обыкновенной температурой, уставленная трубчатыми, муфельными, тигельными и другими лабораторными печами.

— Вряд ли смогу быть вам полезной, — объявила Фрина. Маленькая, с золотистым венчиком кудрявых волос, она скорее походила на десятиклассницу, чем на научного сотрудника. Только уверенная манера держаться и спокойный, слегка саркастический тон разрушал это впечатление. — Найдите какую-нибудь другую тему... Не обижайтесь, но ваш брат, журналист, любит делать много шума из ничего. Недавно нас расхвалили в «Челябинском рабочем». А за что? В том-то и дело, что хвалить пока еще не за что, ведь работа только начинается.

— Вы имеете в виду пузырь?

— О, вы уже разбираетесь в шлаковом пузыре?! Тогда, пожалуйста, не раздувайте его в мыльный пузырь...

В комнату вошел пожилой мужчина.

— Девочка, где мне найти товарища Мардер из Академии?

— Это я, — ответила Фрина. — Вы, наверно, из треста?

Мужчина взглянул на веснушчатую девушку с явным недоверием, но на всякий случай кивнул головой. Когда дверь за посетителем прикрылась, Фрина шутя пожаловалась:

— Вот... Легко, думаете, работать в таких условиях? А-а, вообще... Нашу лабораторию, знаете, как прозвали? Детским садом... Всем научным сотрудникам, кроме шефа, конечно, от 25 до 27 лет. Никакой представительности! Ребята хорошие, но возраст — это наш главный недостаток.

Через несколько дней на домне я подумал, что Фрина была все-таки неправа: кое в чем молодость помогала. Они работали вчетвером: Зоя Ивановна, Фрина, техник и лаборантка. Их опытная прокатная машина — маленькая, почти кустарная — стояла рядом с огненной шлаковой канавой, сиротливо примкнув к железному кожуху доменного великана, словно ветхая избенка у подножия большой горы. Кипящий шлак из канавы набирали ведрами, обложенными внутри листами асбеста. Время от времени из любопытства сюда забегали металлурги: как-никак, а девушки на домне — такое увидишь не часто!

Подошел мастер доменного цеха. Сна-

Глазами следопыта

Г. МИШКЕВИЧ

СЕМЬ ДЕВЯТОК

Что это такое — «семь девяток»? Математическая головоломка? Быть может, название нового приключенческого фильма? Или карточный фокус?

Семь девяток — это число, показывающее степень чистоты алюминия. Другими словами, оно показывает, что вещество состоит на 99,99999 долей из алюминия.

Остальное — ничтожно малая величина! — следы магния.

Это самый чистый в мире алюминий. Его получили в лаборатории Московского института цветных металлов имени М. И. Калинина по способу, разработанному профессором А. И. Беляевым.

Сверхчистый алюминий обладает рядом отличных свойств, кото-

рых нет у обычного алюминия. Он значительно мягче, лучше проводит тепло и электрический ток, хорошо сопротивляется разрушающему действию атмосферного воздуха, кислот и щелочей.

Долгое время «чемпионом по чистоте» был немецкий алюминий «пять девяток». Теперь его обо-
гнал другой чемпион — советский!

чала он стоял поодаль, потом взглянул на руки Зои Ивановны в коротких прожженных рукавицах и молча подал ей свои длинные, обшитые кожей вачеги. Зоя Ивановна смутилась, а мастер, не дожидаясь возражений, так же молча удалился.

В разгар работы кончился асбест. Перекрикивая визгливые паровозные гудки и глухой цеховой рокот, Зоя Ивановна приказала лаборантке:

— Бегом к доменщикам! Попроси асбест. Быстро!

— Опять не дадут...

— Просить бесполезно, — бросила Фрина и заключила, как всегда, не то шутиливо, не то серьезно: — Хватит побираться! Пора научиться воровать! Пошли порыщем по цеху...

— Зачем рыскать? — отозвался доменный водопроводчик. — Сейчас у вас будет асбест.

Вечером, когда возвращались с комбината, Зоя Ивановна объяснила причину производственных неувязок. Лаборатория Академии и металлургический комбинат — совершенно разные организации. Девушки на домне не хозяйева, даже не гости; просто им разрешили установить у печи свою прокатную машину. Экспериментируя, они мешаются у металлургов под ногами, а у тех своей работы по горло. И если водопроводчик или мастер помогли в чем-то, так это со стороны доменщиков любезность, но не обязанность.

— Всякое бывает, — сказала Фрина. — Тот же асбест... Вы думаете, что все ученые — с маникюром и в белоснежных халатах? В нашей работе и не такое случается.

Н. ТАГИЛ, ФЕВРАЛЬ, 1959

Спустя полгода случайно встретился с Фриной в нижнетагильской гостинице «Северный Урал».



— Опять будете нападать с блокнотом?

— Опять.

— И долго?

— Пока вы не намекнете, что куда-нибудь торопитесь.

Мы прошли в вестибюль.

— Ну, что вам сказать о прокате... — начала Фрина. — Вы у нас были, кажется, в сентябре. Тогда каждую опытную плиту мы встречали криками «ура!» или «караул!» Раньше «караул!» кричали чаще, теперь — реже. Вот, собственно, и все, чего мы пока добились. Зато у Светланы Кукуй работа почти закончена. Представляете, вместо шлака, она получает цемент.

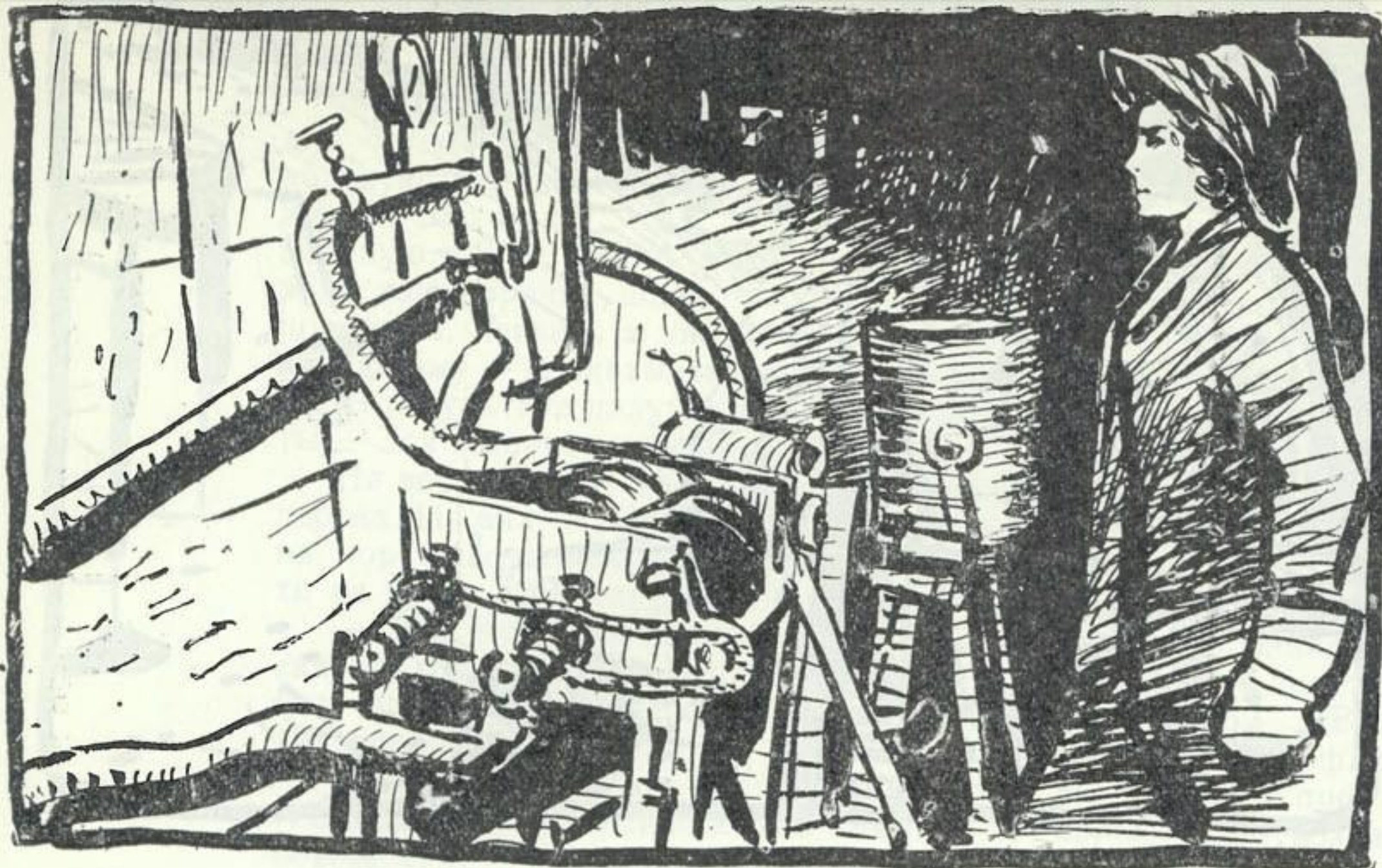
— Извините, Фрина, вы, наверно, хотели сказать «из шлака».

— Я хотела сказать то, что сказала: не из шлака, а вместо шлака... Сейчас трудно установить, кому первому пришло в голову сравнить состав ферросплавного шлака с цементом, но когда сравнили, поразились.

В нем оказались все компоненты цемента — не хватало только извести. Тогда возникла довольно смелая мысль: обогащать известью шихту, чтобы печь одновременно выдавала два готовых продукта: металл и цемент.

— И получилось?

— Получилось... Средняя марка цемента по стране — 350. А наша марка от 400 до 600 — высокосортный, быстротвердеющий цемент! Другими словами, при известных условиях, ферросплавный за-



вод сможет давать попутно с металлом столько же цемента, сколько дает у нас в Еманжелинке цементный завод.

Фрина взглянула на часы.

— Согласно вашему совету, — сказала она, улыбаясь, — я намекаю, что очень тороплюсь.

ЧЕЛЯБИНСК, АВГУСТ, 1959

С Фриной мы встретились как старые знакомые и сразу прошли в лабораторию.

— Не запачкайте костюм, — с ехидцей предупредила Фрина и постелила на табурет чистый лист бумаги. — Познакомьтесь, пожалуйста... Это — радость моей жизни, ценный кадр Писаренко. Только вы его не трогайте: он сегодня уезжает помогать труженикам села.

Фрина сопровождала свою ироническую речь весьма образными жестами, и все, кто был в лаборатории, добродушно улыбались.

— А это Светлана Кукуй, — указала она на смуглую девушку. — Я вам о ней рассказывала. — Та самая, что занимается цементом...

Светлана, в противоположность Фрине мягкая и застенчивая, слегка покраснела.

— Можете перенести внимание на нее, — закончила Фрина и уже серьезным тоном добавила: — Товарищ Кукуй, когда откукуешься, поможешь мне нарезать плиты.

От Светланы я узнал, что с цементом

произошла досадная заминка. Вернее, не с цементом — он по-прежнему высоко-сортный и нормально выходит из металлургической печи. Но в последних опытах обнаружилось, что лишняя порция извести, которая добавляется в плавку специально для цемента, влияет на химический состав металла.

— Положение осложнилось, — сказала Светлана, — но выходов много. Мы экспериментируем в лабораторной печи.

У нее невысокий тепловой режим. А в промышленных условиях состав металла, возможно, и не изменится. К сожалению, металлурги не разрешают нам провести опытную промышленную плавку. На худой конец, можно загружать в печь известь после выпуска металла, и печь все равно будет давать два готовых продукта: металл и цемент. В общем, цемент вместо шлака есть, а с металлургами придется еще малость повоевать.

— Да, почему сегодня Фрина такая веселая?

— О-о, у нее праздник: час назад представители «Союзтеплостроя» приняли шлаковый прокат к производству.

И
З
К
И
Р
П
И
Ч
А

КОСТЕР

Мы ехали вдоль берега красивой полярной реки — Кары. В ее спокойных холодных водах с удивительной ясностью отражались крутые берега и гладь небосвода. Мой проводник, старый охотник — ненец Тонча Вылко, сидел на передних нартах, искусно управляя оленьей упряжкой.

Тонча Вылко отлично знает тундру, от Белого до Карского моря. Зимой с коллективом охотников он промысляет песцов и куропаток. Весной и летом Тон-

— Значит, доконала-таки пузырь?

— Как видите... Била, била, пока не добила.

— А Булатова?

— Зоя Ивановна занимается уже другими проблемами.

На следующий день я отправился с Булатовой на металлургический комбинат. По дороге узнал, что Зоя Ивановна нашла очень интересный способ применения шлаков в сельском хозяйстве.

— В металлургических шлаках, — рассказывала она с увлечением, — есть редкие микроэлементы, которые помогают растениям усваивать питательные вещества из почвы. Решили попробовать. Я договорилась с металлургами, чтобы один ковш мартеновского шлака не загрязняли — отвалили отдельно. Ночью мы вывезли этот ковш шлака, а утром смололи его на удобрения. Потом заложили два опытных участка под различные культуры. Вот собственно и все... Ученые от сельского хозяйства очень заинтересовались нашей работой. Уверяют, что шлакоурожай будет богатым.

Когда мы с Зоей Ивановной пришли на домну, два техника и лаборантка готовили к пуску экспериментальную прокатную машину. Похожая на ту карлицу, которая стояла около домны в прошлом году, она прижалась, как и тогда, к основанию печи, возле самой шлаковой канавы.

Подошла пора выдачи плавки. Все кругом осветилось заревом: по канаве пошел шлак.

Техник, натянув на лицо войлочную маску, ринулся с бадьей к огненному потоку. Другой техник, тоже в войлочной маске, уже стоял у канавы и набирал шлак в огромную доменную ложку. Наполнив до краев двухпудовую бадью, они подтащили ее к машине, наклонили над поризатором.

Со дна бадьи шлак полился уже медленно, остывая. Лаборантка включила машину, а Зоя Ивановна поворотом рычага пустила в поризатор воду. Остывающий шлак разом забурлил, вспучился; сквозь темную корку брызнули огоньки.

Работали молча. Когда стрелка на шкале прибора дрогнула, Зоя Ивановна кивком головы приказала поднять сосуд поризатора над чревом машины. Снова полился шлак. Косынка на голове Зои Ивановны взмокла, из-под синих очков струился пот; орудуя, как кочегар, железным прутом, она проталкивала побуревшие шлаковые комья к прокатным валкам.

Я зачарованно смотрел на слаженную молчаливую работу, на огненный шлаковый поток, который настойчивые, влюбленные в свое дело люди превращают в строительные блоки, в цемент и удобрения, и... думал о том, как просто выглядит в словах Зои Ивановны, Фрины и Светланы их научная работа: прикинули, попробовали, сделали... А сколько в действительности требует эта работа раздумий, терпения, любви к поискам.

С. БРУСКИН

ча — рыболов, а осенью — охотник за гагачьим пухом.

Мы остановились и выпрягли оленей. Я принялся собирать ветки, чтобы разжечь костер. Но мой спутник вдруг улыбнулся и проговорил:

— Не надо. Ветки сырые, плохо гореть будут. У меня с собой походный костер.

Былко достал с нарты сверток, развернул его и вытащил кусок обычного красного кирпича. Поднес к нему зажженную спичку — кирпич загорелся, сначала небольшим пламенем, потом все жарче и жарче. Пока олени паслись и отдыхали, мы вскипятили на кирпичном костре чай и обсушили обувь. Потом Былко накрыл пламя шкурой, устлавшей сиденье нарты, и огонь погас. Заворачи-

вая кирпич в клеенку, охотник улыбнулся:

— Ну, хорош мой походный костер?

— Чудесный! Только не пойму, почему кирпич горит?

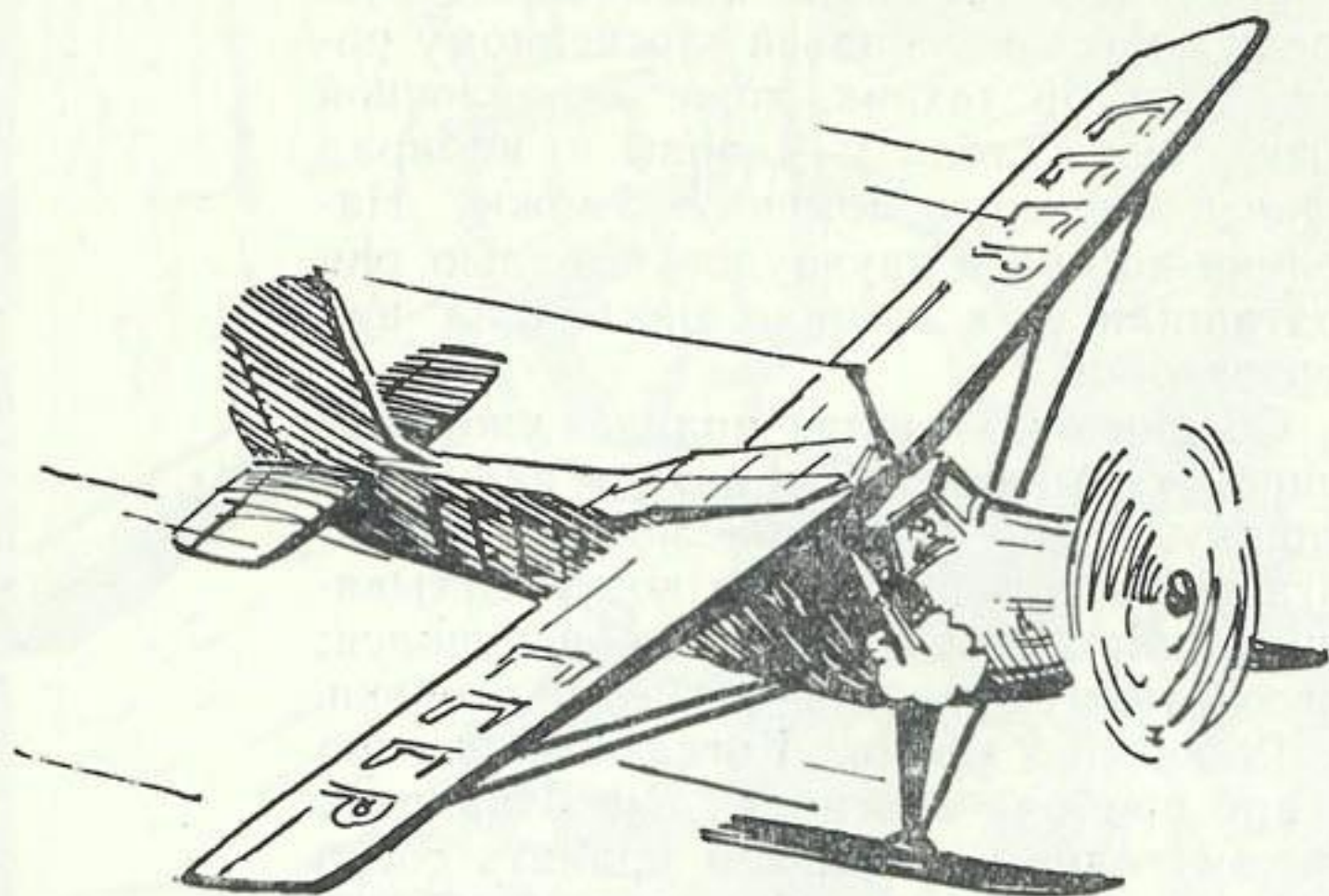
Былко охотно объяснил: его поры напитаны керосином.

Чтобы сделать такой костер, кирпич надо предварительно высушить, а затем на несколько часов положить в керосин. Когда «костер» разжигают, керосин медленно поглощается пламенем.

В следующих своих путешествиях по Крайнему Северу я всегда возил с собой «походный костер». Много раз надежно и безотказно он выручал меня в морозную и дождливую погоду.

Б. САВИЦКИЙ





Протяжный хриплый вой будил ночную тундру. Не успевали еще замереть последние, самые высокие ноты, как с противоположной стороны слышался ответный. Казалось, волки дают друг другу знать, что готовы к нападению. Олени бились в тревоге. Те что находились у края стада, начали тесниться к середине. Важенки искали своих детенышей. Забеспокоились и пастухи. Они поняли: это та самая волчья стая, которая вот уже несколько дней преследует оленье стадо. Определив, откуда донесился вой, люди приготовились встретить хищников выстрелами.

И вдруг совсем в другой стороне, где до сих пор все было тихо и спокойно, послышался глухой топот. Мутный свет луны не позволял хорошо рассмотреть происходящее. Но зоркие глаза ненцев-пастухов успели все-таки заметить бегущую в испуге темную массу оленей. Сзади и с боков ее мелькали быстрые серые тени, которые гнали животных прочь от основного стада.

Утром выяснилось, что волки загрызли двадцать девять оленей! С теми, что стая хищников угнала раньше, это составило уже больше сорока. Пастухи послали в правление колхоза одного из своих товарищей.

— Однако, помогать нам надо. Волки олешков губят, — сказал посланец председателю. — Вызывай машину.

В тот же день в город Салехард — центр Ямало-Ненецкого национального округа — полетела радиограмма: «Стая волков нападает на оленей. Нуждаемся в немедленной помощи. Направьте самолет с охотниками».

И вот темно-зеленый «Як-12» летит над тундрой. На его борту — опытный летчик Александр Петрович Чеканцев и мастер стрелкового спорта охотовед Василий Платонович Макридин. Показались остроконечные чумы. На рокот мотора выскочили люди. При-

ветственно помавав самолету, они стали дружно показывать куда-то на юг. Экипаж понял: туда ушли волки!

Теперь снизились чуть не до самой земли. Макридин и Чеканцев пристально всматривались в белую скатерть тундры. Пролетев километров десять, они заметили четкую цепочку следов. Она тянулась поперек курса машины.

Самолет повернул на волчью тропу. Летчик выжимал из своего «Яка» предельную скорость. А глаза все отыскивали на белоснежной равнине черные точки. И вот...

— Василий Платоныч! Волки!!

— Вижу!

Стая растянулась метров на четыреста. Впереди бежали три зверя, вслед за ними, растянутой цепочкой — еще шесть хищников. Они направлялись к зарослям густого кустарника. Если волки успеют скрыться — охота пропала.

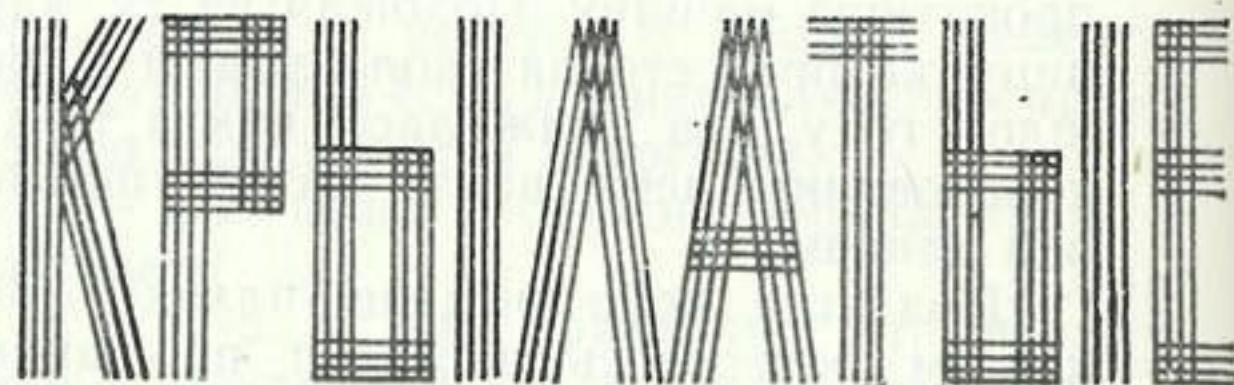
Услышав гул настигающего самолета, звери ускорили бег.

— Отрезай путь! — крикнул Макридин. — Заходи навстречу!

Развернувшись, Чеканцев повел машину прямо «в лоб» хищникам. Стая повернула назад. Но один матерый волк решил прорваться. До опушки осталось не больше пятидесяти метров.

Выстрел! Зверь кубарем покатился по насту.

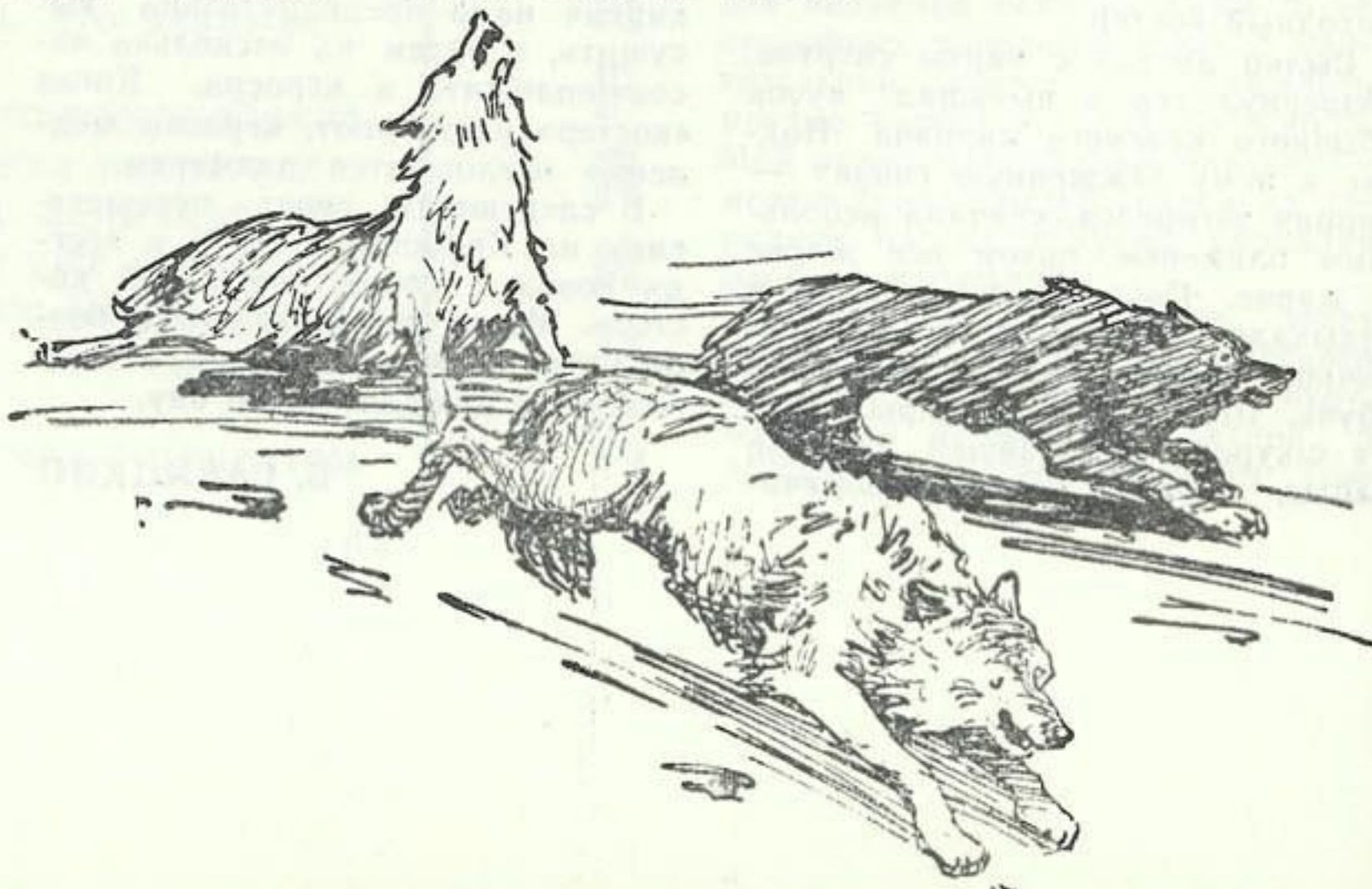
Теперь — скорее за остальными. Они как раз вышли на совершенно чистое место. Машина снова идет на снижение. Все ближе и ближе серая спина. Зверь круто обернулся назад и с рас-



крытой пастью прыгнул навстречу самолету. Заряд картечи угодил прямо в оскаленную морду.

Стая бросилась врассыпную. Но не так-то просто уйти от крылатых охотников. Второй, третий, четвертый заходы. Гремят выстрелы. Макридин бьет без промаха! И вот уже на снегу вытянулись пять сраженных им серых разбойников.

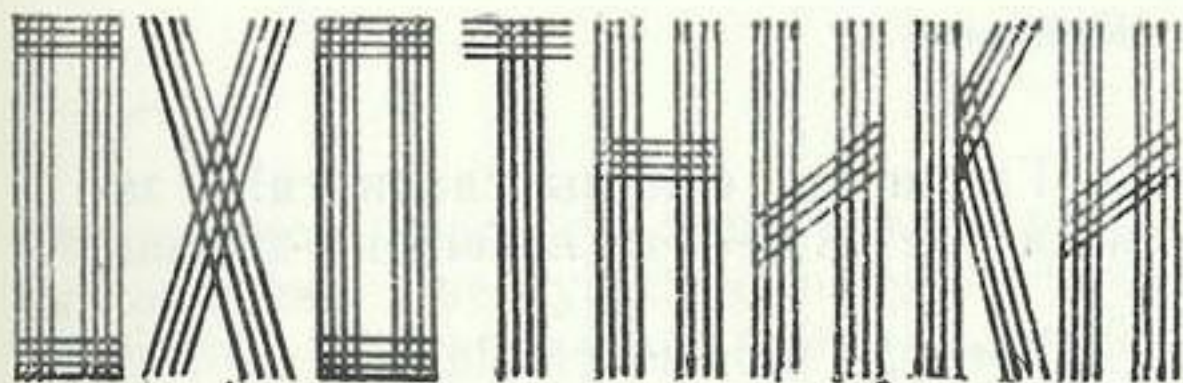
Два хищника опять прорвались к спасительному кустарнику. Самолет повернул за ними. Летчик коротко бросил:





— Приготовиться!

Макридин прицелился. На мушке — матерый волчище. В этот миг зверь резко прыгнул в сторону. Но так же быстро скользнул за ним и ствол ружья. Картечь настигла хищника. Он завертелся на месте, стараясь зубами выгрызть за-



севший в бок свинец. Потом тяжело упал на бок.

Та же судьба постигла и другого волка. За сегодняшнюю охоту это был уже восьмой хищник. Из всей стаи лишь одному удалось скрыться в овраге.

Короткий полярный день был на исходе. Сели на замерзшем озере. Охотник и пилот перенесли волков в машину. Но так велика оказалась добыча этого исключительно удачного дня, что всех зверей даже нельзя было погрузить на борт самолета. За оставшимися решили вернуться завтра.

Когда на следующий день летчик уже готовился посадить машину около убитого накануне хищника, охотник указал ему на бегущую темную точку. Это был девятый волк — единственный оставшийся в живых. Опять точно рассчитанный захват. Выстрел! Но тут самолет качнуло, и картечь подняла снежную пыль в нескольких метрах от цели. Пилот опять развернул послушный «Як» и повел его на бреющем полете. Снова выстрел — зверь с ходу ткнулся мордой в снег.

Вся стая — девять хищников — была уничтожена полностью.

...Уничтожение хищников с помощью авиации мастер стрелкового спорта Василий Платонович Макридин начал с 1951 года на севере Архангельской области, а затем продолжал на Северном Урале и Ямало-Ненецком национальном округе. За восемь лет он уничтожил с воздуха 245 волков, 25 росомах и одного медведя.

Память Василия Платоновича хранит немало интересных случаев, связанных с воздушной охотой. На всю жизнь, например, запомнил он, как однажды подошел к волку, которого считал убитым. Вдруг зверь вскочил и, собирая последние силы, бросился на охотника. Макридин с трудом прикончил раненого хищника ножом. С тех пор, направляясь к убитому зверю, он всегда берет с собой оружие.

— А однажды, — рассказывает Василий Платонович, — мы с летчиком заметили на равнине довольно крупное животное. Думали сначала — росомаха. Подлетаем ближе — медведь! У меня, как обычно, были с собой только заряды картечи на волков. Толстый жировой слой на спине медведя ею не пробоешь. Но выстрелы и боль страшно разозлили косолапого. Стал он за самолетом гоняться. Начнем мы разворачиваться, а медведь — за нами! Наконец, выбрались на озеро. Летчик повел машину пониже. Зверь — на дыбы и навстречу самолету. Тут я «прямым попаданием» в грудь и уложил его.

В этом году Макридин намерен довести счет убитых хищников до трехсот. Большую надежду он возлагает на вертолет, который особенно необходим для охоты в лесистой местности.

Но уничтожение хищников — только часть работы ученого охотоведа. Главная задача, которую он поставил перед собой: использовать авиацию на пушном промысле. Очень часто песец кочует на большой территории. Вовремя найти скопления ценного зверя и направить туда охотников — это можно сделать только с помощью самолетов. Воздушная промысловая разведка в тундре — многообещающее дело.

В. ДЕБЕРДЕЕВ

Следующим утром Лешка явился в школу раньше всех, до уроков успел похвастаться часами половине школы, потом хвастался еще на перемене, а после занятий сразу побежал к Петьке.

Он встретил его по дороге. Петька возвращался с озера, где только что кипел жаркий бой: ребята брали снежную крепость.

— Ты чего не играл? — накинулся приятель на Лешку. — Это не по-товарищески — своим не помогать!

— Ну-у, полезу я! — протянул Лешка, важно отставив ногу и держа руку за пазухой. — Часы разбить, что ли?

— Какие часы?

Лешка небрежно вытащил часы.

— Во! — с гордостью показал он.

— Покажи, — схватил Петька часы. — Ты где взял?

— Дядя Ваня подарил.

Петька недоверчиво поглядел на Лешку.

— А за что подарил?

— Дарят же не за что-нибудь.

— Дай мне на сегодня, а?

— Ого! — усмехнулся Лешка. — Еще чего выдумашь? Разобьешь — не купишь...

Петька прижал часы к уху, послушал и вернул их Лешке. Лешка внимательно следил за Петькой, стараясь угадать: очень сильное впечатление произвели на него часы или не очень.

— Хорошие, — похвалил Петька. — Я тоже куплю себе, когда удача будет на охоте... Я сегодня уже поймал хоря, помнишь, у птичника силки ставил? Завтра сбегая на выдру... А вернется тятка — отпрошусь в Сухое болото, следы искать.

— Чьи следы? — спросил Лешка.

— Ну, этих, кто лося стрелял.

— Какого лося?

Продолжение. Начало см. в № 10.

Борис Захаров



Рисунки В. Жабского

— Гляди ты, с луны свалился! — засмеялся Петька. — Ты ничего не знаешь, да?

— Н-нет, — признался Лешка.

— Ну и ну! — удивился Петька и рассказал новость: в Сухом болоте кто-то убил лося.

Стрелять лося запрещено: это редкое по красоте животное охраняется в нашей стране законом; для охоты на лося надо иметь специальное разрешение, а выдается такое разрешение в случае крайней необходимости. В Клюквянке про закон знали все, разрешения охотиться на лося никто не имел, но лось все-таки был убит. Говорили, что председатель сельского Совета с председателем колхоза Федором Герасимовичем — Петькиным отцом — пытались найти браконьера по следу, но след потерялся в непролазных дебрях.

Лешка выслушал новость, подумал, хмыкнул недоверчиво.

— Убили, ну и что, — сказал он. — Какое нам дело?

Он сказал это с таким легкомыслием и пренебрежением, что Петька рассердился;



его широкое курносое лицо стало красным от гнева, а веснушки на носу и губах потемнели. Он закричал, что бить лосей запрещено и что если каждый будет стрелять лосей — их скоро сведут, не оставят ни одного... Если Лешке все равно, то он, Петька, не такой: он бы в тюрьму посадил того, кто стрелял в лося...

Лешка сначала растерялся от Петькиной ругани, потом возмутился и покраснел тоже.

— Да что ты в самом деле!.. Я стрелял лося, что ли?!

— А зачем заступаешься... за этих? Зачем? — горячился Петька. — Ты все равно что твой дядя: не жалеешь зверей!

— А ты зачем их стреляешь, если жалеешь? Зачем, а?

Петька был сбит с толку этим Лешкиным вопросом, он оказался слишком сложным. Не находя ответа, Петька сначала побледнел от растерянности, потом нахмурился и глухо буркнул:

— Я охотник... вот зачем!

— А стреляешь же, стреляешь? — наседал Лешка. — Зачем, если жалко?

— А я с разбором стреляю! — с новой горячностью сказал Петька. — Я не просто так!

Теперь замолчал и смутился Лешка. Какая-то правда, которой он до этого не понимал, открылась ему в Петькиных пылких словах. Но, как и Петька, он сразу не мог разобраться в ней. Ему даже было труднее разобраться, потому что он верил и привык верить дяде Ване. А дядя Ваня поучал его: «Увидел зверя в лесу — бей! На то он и зверь, чтобы его Сили».

— Ну, с тобой спорить, — сказал он и безнадежно махнул рукой.

— И не спорь, — подтвердил Петька, ногой отбивая ледяшку и хмурясь. Ледяшка не поддавалась. Петька размахнулся ногой в залатанном валенке и поддал ее изо всех сил. Ледяшка сорвалась и полетела по обледенелому снегу с тонким подвизгиванием и свистом. Петька отбил еще одну, все больше увлекаясь... Потом глянул на сердито надувшегося Лешку и спросил с еще не совсем остывшим сердцем:

— Пойдешь следы искать, или что?..

— Ха, следы! — отозвался Лешка. — Их занесло давно, твои следы.

Петька перестал гонять ледяшки. Помолчал, глядя на озеро.

— А правда, ничего там не найдешь... — И добавил: — Давай в засаду готовиться?

Решительно отмерив сто шагов, бросил шапку и провел ногой черту. Затем вернулся, снял шубейку, валенки.

— Босиком будем бегать? — догадался Лешка.

— А ты как думал?.. Раздевайся!

Лешке понравилась Петькина выдумка. Он торопливо разделся, разулся и сразу по-петушиному поджал одну ногу.

— Ого-го! — сказал он. — Припекает!

— Чепуха! — подбодрил Петька, сдерживая с ног шерстяные носки. — Запомни: если не выдержишь двести шагов — не годен в засаду... Раз, два, три!



Засверкали голые пятки, засвистел ветер в ушах... Из глаз Лешки посыпались слезы. На половине дороги он упал, снег набился ему в рот, в рукава рубашки, но Лешка тут же поднялся и, отплевываясь, понесся дальше...

Вернувшись, они чуть ли не сходу вскочили ногами в валенки и захохотали.

— Ух, здорово! Как по огню скачешь!

— С непривычки! — кричал Петька. — Я почти каждый день так бегаю — хоть бы что!.. Тебе тоже...

Из-за озера, не дав Петьке договорить, донесся знакомый рокот мотора. Ребята замерли, вглядываясь с напряжением вдаль, но сумерки уже настолько сгустились, что, казалось, серое небо опустилось к самой земле, обволакивая лес, берег и самих друзей, забывших в эту минуту про холод. Вместе с рокотом мотора на них веяло какой-то другой жизнью, интересной, таинственной. Они поняли сейчас, что ожидали самолет, что все эти дни им не хватало его. Петька давно уже думал над загадкой с оранжевым самолетом и, ничего не придумав, собирался подбить Лешку еще раз идти на поиски. Но происшествие с лосем в Сухом болоте, толки и разговоры по этому поводу, тревога, которая передавалась ему от отца, — все это отвлекло Петьку от намерения искать самолет. Сегодня же это намерение снова ожило, стало тверже: Петька понял, что не успокоится, пока не увидит своими глазами, не узнает, какая загадка скрыта в безбрежном этом лесу.

Самолет, так и оставшись невидимым, пророкотал над ними и постепенно затих, оставив после себя пустоту. Стало глухо и скучно. Одевшись, Петька долго молчал, неподвижно глядя в ту сторону, откуда всегда появлялся самолет, и, наконец, проговорил просительно:

— Сходим еще раз, а? Сходим, Леш, чего ты!.. Возьмем хлеба побольше, спички, заночуем в лесу, если не найдем сразу...

— Дома заругают, — вздохнул Лешка.

— Ну и пусть заругают, чего ты! — продолжал уговаривать Петька, но Лешка

упирался, отнекивался, советовал подождать до каникул и согласился «подумать» только тогда, когда Петька пообещал отдать белоголового орленка.

НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Федор Герасимович, Петькин отец, высокий, горбившийся, худой, был, как уже говорилось, председателем колхоза, работы у него было много, он часто уезжал, и Петька оставался в доме хозяином. Мать лежала в больнице в районном центре, присматривать за Петькой было некому, и он чувствовал себя вольным казаком. Но «казачество» все же кончилось: Федор Герасимович узнал от Марии Климентьевны, что Петька не ходит в школу. Отец приказал немедленно садиться за книги, а в случае, если Петька пропустит урок или получит двойку, — не видать ему ни лыж, ни ружья, ни леса. «Никакой охоты!» — сказал отец, и Петька понял, что с ним не шутят: отец был тверд в своем слове.

Во всей этой истории самым неприятным было то, что срывался новый поход на поиски самолета: Лешка, наконец, согласился идти в лес, за что получит чучело белоголового орленка. Еще было неприятно, что отец не хотел понимать Петьку: отец говорил, что учиться надо каждому; Петька же считал, что ему, охотнику, учиться совсем не обязательно — получится пустая трата времени... Но разве со взрослыми поспоришь?

Часу в седьмом вечера Федор Герасимович, недавно усадивший Петьку за книги, сам же оторвал его от занятий. Оторвал он его для никчемного, по мнению Петьки, и уже известного дела — бежать к устью речушки, встретить там «одного человека» и незаметно привести домой. Петька, еще когда они бегали на такое же задание с Лешкой, знал, что «одного человека» зовут Николай Николаевич, и так надо окликнуть, если он появится. Как ни хотелось Петьке узнать, кто этот Николай Николаевич, почему его надо привести домой незаметно, отец отказался объяснить.

— Ну, что без толку ходить, — недовольно сказал Петька, складывая книги. — Сидишь-сидишь, а никто не приходит!

— А ты не рассуждай, — спокойно сказал отец, набивая трубку.

На этот раз Петька спустился на озеро один: Лешку звать не хотелось. Он

ведь потребует объяснений, зачем да почему, а как объяснять, если Петька сам не знает ничего?.. Без Лешки же было страшно: вечером на озере, да еще вдали от села, можно было запросто встретиться с волками, и Петька не пошел к речонке, а стал прохаживаться по озеру. Пройдет на лыжах в одну сторону — повернет, пройдет в другую — повернет... Битых два часа ходил он, всматриваясь, вслушиваясь, ожидая, и, наконец, сердясь на отца, пошел домой.

Дома в горнице сидели за столом отец и незнакомый человек. Перед ними стояли бутылка с вином, налитые рюмки, тарелки с грибами, салом и хлебом... Видно было, что сидели они долго. Петька догадался об этом по кучке окурков в пепельнице.

Незнакомый человек был седой, крупный, с рыхлым носом, в меховой безрукавке и с теплым шарфом на шее. Говорил он отрывисто и басовито.

— Что же ты, а? — сказал отец, когда Петька остановился в дверях горенки, стаскивая шубенку. — Прошляпил, а? Николай Николаевич сам искал тебя, а ты...

Петька покраснел.

— А я не бегал к речке, я недалеко был, — ответил он, насупясь.

— А задание какое было?..

— Ничего, все обошлось, — сказал Николай Николаевич своим басовитым голосом. — Ваш дом я нашел сразу, без посторонней помощи: запомнил приметы... Никто меня не видел.

— Я один идти туда побоялся, — оправдываясь перед отцом, сказал Петька.

— А-а, побоялся? — переспросил отец. — Что ж ты трусом показываешь себя перед посторонним человеком?

От стыда у Петьки выступили слезы на глазах, но он посмотрел прямо на отца и выкрикнул:

— А ты сам говорил, чтоб я не врал, я и не вру!... Боязно одному было, чего напал на меня?!

— Не врешь? Почему же про школу правду не сказал?

— Ты не спрашивал, вот и не сказал!

Отец поглядел на сына — и расхохотался. Николай Николаевич с любопытством посмотрел на эту сценку, а Петька, обиженный тем, что отец смеется при чужом человеке, шмыгнул на печку... Николай Николаевич возобновил начатый, видимо, до Петьки разговор. Петька, как ни был обижен, высунулся из-за трубы, стал слушать.

— Мы, как я говорил, не хотели шуметь. Шуметь раньше времени — портить дело. Поэтому вы не могли ничего знать.

— Гм, — сказал отец, — интересно... Ну, а если бы по незнанию кто-нибудь забрел к вам, да потряс бы, тоже по незнанию, зверюшек? В самом бы начале, а?

— Мы — в глуши, от случайного забредания почти гарантированы... Сейчас же нет гарантии...

Помолчали. Николай Николаевич поглядел на часы. Отец дымил трубкой.

— Хорошо, — проговорил затем отец. — Мы примем меры, объявим, чтобы наши люди знали о соседстве и за границу заповедника носа не показывали.

— Обязательно объявите. Но только, — поднял Николай Николаевич мясистый палец, — об этом ни звука!

— Разумеется. Сколько же у вас добра развелось?

— Бобров? Мы выпустили в заповеднике шестьдесят семей. Сейчас на учете двести девяносто три. А вообще должны довести до шести тысяч.

— Солидно! — с радостным удивлением сказал Федор Герасимович.

Петька был поражен. По соседству с Ключеванской есть заповедник, и никто об этом не знал!.. Но все же где он? Если Николай Николаевич должен был появиться со стороны речки, то, выходит, заповедник тоже в той стороне... Или еще где?.. Не туда ли самолет летает?.. Вот бы попасть туда!

— Дядя, — не вытерпел Петька, — а вы на самолете летаете?

— Очень даже часто, молодой человек, — ответил Николай Николаевич. — Так часто, что отвык по земле ходить, — засмеялся он отрывисто, глядя на Федора Герасимовича, и опять посмотрел на часы.

— А ваш самолет красный?

— Совершенно верно.

— А-а, знаю, где заповедник! — обрадованно сказал Петька. — Теперь знаю. Мы видели, куда ваш самолет летает. Возьмите меня в заповедник!

Федор Герасимович нахмурился, а Николай Николаевич поднял большие, навывкате глаза на Петьку, серьезно спросил:

— Взять вас?.. Так-с. Ну, а что же вы делать станете в заповеднике?

— Охотиться!

— Учишься ты скверно, — сказал отец. — А еще в заповедник просишься.

— А зато я повадки зверей знаю, по

следу что хочешь найду!.. Стреляю метко!.. Школа мне для чего?

— Нет, нет-с, молодой человек, — сердито сказал Николай Николаевич. — Нам безграмотные охотники не нужны. Не учи — плохие охотники, я боюсь их... Нет-с, таких в лес пускать нельзя...

И Николай Николаевич нахмурился и забарабанил пальцами по столу. Конечно же, он давал понять Петьке, что разговор с ним ему неприятен. И, желая, видимо, поскорее забыть о неприятном мальчишке, Николай Николаевич пододвинул к себе рюмку и поднял ее. Отец сделал то же. Они чокнулись, выпили, стали закусывать, продолжая разговор, а Петька спрятался за трубу и загрустил. Он давно считал себя охотником, мальчишки тоже считали его настоящим охотником, лесовиком, и вот появляется какой-то ворчливый старик и говорит, что он, Петька, вовсе не охотник... Он, Петька, забросил в сторону книжки именно затем, чтобы стать охотником на всю жизнь, а ему говорят, что такого и в лес пускать нельзя!

Он лег на спину и закусил губы до боли. В горнице шел неторопливый разговор, звякали вилки, Николай Николаевич басовито ругал кого-то, Петька не хотел слушать, кого именно и за что. Потом в дверь будто кто-то стукнул, и кто-то вошел... Петька с неохотой и сердитым презрением выглянул из-за трубы и увидел засыпанную снегом девушку в ватнике поверх лыжного костюма, с рюкзаком за плечами. Николай Николаевич и отец удивленно глядели на нее.

— Татьяна Васильевна? — сказал, наконец, Николай Николаевич. — Что случилось?

— Так, кое-что, — ответила девушка, поздоровавшись, и устало опустилась на стул.

— Откуда вы?

— С обхода. Вам письмо. Надо что-то делать...

Она подала Николаю Николаевичу конверт, тот взглянул на часы, торопливо взял конверт и сердито нахмурил брови. Девушка оперлась на руку и закрыла глаза. Видно было, что она очень устала и пришла издалека.

— Вы вся в снегу — метель началась? — спросил Федор Герасимович.

— Да, метель...

Федор Герасимович поглядел на девушку и поспешно налил вина, подвинул хлеб, сало...

— Снимайте рюкзак. Подкрепитесь. Ну-ну-ну, без упрямства, и вино выпейте обязательно. Против простуды...

Девушка сняла тощий рюкзак, бурую меховую шапку, стала есть. Петька глядел на нее во все глаза, как на что-то необыкновенное. Он был восхищен тем, что девушка шла одна лесом, ночью, без оружия; ей, наверно, было страшно, но она шла... И отдыхать, видно, не собирается.

— Разденьтесь, тетя Таня, — доверчиво предложил он. — У нас тепло.

Девушка подняла голову, поглядела на мальчишку, радостно выглядывающего из-за трубы, и отвернулась. Петька покраснел, как будто его пристыдили на людях, и начал вертеть пуговицу на рубашке, опустив голову. А Николай Николаевич, прочитав письмо, снова глянул на часы и двинулся в кухню.

— Да куда спешите? — удивился Федор Герасимович. — Пожар там у вас?

— Хуже, Федор Герасимович, хуже, — гудел Николай Николаевич. — То, о чем мы говорили с вами. Подтверждение, так сказать... Наш с вами план придется осуществлять немедленно...

— Не беспокойтесь, сделаю, что могу, — заверил Федор Герасимович. — Но зачем же ночью, что это даст?

— Не можем, — поспешно бросил Николай Николаевич, — не можем отсиживаться... Проводите-ка нас.

И все ушли. Про Петьку даже не вспомнили. А ему так хотелось поговорить с Николаем Николаевичем, тетей Таней, узнать про заповедник, расспросить про зверей... Но никто не захотел понять его чувств и желаний, с ним даже не захотели говорить... Больше того: вернувшись, отец предупредил, чтобы Петька не вступал, когда разговаривают взрослые.

— А я не пеню! — обиженно закричал Петька. — Вы целый вечер разговаривать будете, а я молчи, да? Ишь вы какие!.. И мне интересно!

— Как разговариваешь с отцом? — оборвал Федор Герасимович. — Как разговариваешь?

— Грубо! — сказал Петька упрямо.

— А за грубость бьют, потому что грубость — это глупость!

— И пусть глупость! А мне про заповедник...

— Дурак! Учиться надо! Про заповедник забудь, не с твоим носом!

Петька замолчал.

МОЛЧИ!

На другой день Лешка, торопясь в школу, носом к носу встретился с выходящим из переулочка Петькой. Тот был хмур, не приветлив, но за спиной нес книги в сумке — значит, собирался в школу.

— Ага! — завопил Лешка. — Поддали жару дома, в школу бежишь! Хвастался только!

Петька потемнел от злости.

— Лучше молчи! — сказал он, сжимая кулаки, но тут же отвернулся и замолчал сам.

Огорошенный, Лешка шел рядом, не понимая, отчего тот рассердился. Сам виноват, по заслугам получил, а теперь на других насккивает, чтоб зло сорвать!

— Если хочешь, я не из-за того, что досталось, — успокаиваясь, сказал Петька. — И никто мне не поддавал.

— А за что на меня нападаешь?

— За то... Не понимаешь — не лезь!

После этого долго шли молча. Потом заговорили. Петька сообщил, что самолет искать незачем, он летает в заповедник, а заповедник почти рядом, рукой подать. Лешка, огорошенный, минуты две ловил ртом воздух, не находя слов, а потом засыпал Петьку вопросами. Какой заповедник? Кто сказал, зачем самолет летает?.. Петька отвечал, что знал про Николая Николаевича, тетю Таню, бобров, которых разведут в заповеднике шесть тысяч штук... Не рассказал единственно про свою обиду.

— Вот бы где поохотиться! — сказал Лешка мечтательно. — Вот бы на самолете туда!

— А по башке за охоту не хочешь? — сказал Петька. — Это заповедник, голова садовая!

— Не пустят?

— А пустят, думаешь? Если пускать всех — никаких бобров там не разведешь: налетят на готовенькое, как вороны. Бить — много найдется, а разводить...

И он замолчал. В голове его в это утро происходила сложная работа. Обижался он, конечно, не на Лешку, а на отца, тетю Таню, Николая Николаевича, что они не поняли его самых лучших и честных стремлений, отвергли как охотника. Он не был согласен с Николаем Николаевичем, будто охотнику надо учиться, иначе это не охотник, и в то же время ему почему-то было важно мнение Николая Николаевича.

В школе уже знали про заповедник.

лезли с вопросами к Петьке... Потом кто-то сказал, что у Сухого болота проводят границу заповедника. После уроков, не заглядывая домой, друзья побежали на лыжах к Сухому болоту, долго плутали, пока не нашли людей. Тут были Федор Герасимович, еще несколько колхозников, тетя Таня. Возле нее стоял Лешкин дядя и что-то говорил ей. Она смеялась.

— И вы тут? — сказал Федор Герасимович, увидев ребят. — А ну, домой.

Лешка сразу попятился, но Петька схватил его за руку и бесстрашно закричал:

— Да не бойся ты! Не успели сказать тебе, а ты и бежать собрался!.. Не уйдем — и все! — и сейчас же потянул его. — Здравствуйте, тетя Таня! Можно нам посмотреть... с Лешкой?

Дядя Ваня поглядел на Петьку, на Лешку, будто впервые заметил их, подошел к ним и тихо процедил сквозь зубы:

— А ну, хромайте отсюда!

— Дядя Ваня, мы про заповедник хотели спросить, — сказал Лешка.

— Я тебе расскажу про заповедник! — жестко перебил дядя Ваня. — Заповедник государственный. Полезете — попадете за решетку. За каждую бобровую шкуру я лично с вас шкуру спущу! Все! Хромайте!

Петька жарко вспыхнул и пошел прочь на своих широких лыжах.

— Петь, куда ты? — побежал за ним Лешка. — Побудем еще!

— А чего нас жуликами считают? Чего? — выкрикнул Петька и, не находя больше слов, рванулся вперед. Обескураженный Лешка, помедлив, побежал следом, и до самого села они не обмолвились ни словом. Так и разошлись, не поняв друг друга. Лешка считал, что на Петьку нашла дурь — дядя Ваня ничем его не обидел. Петька же был зол на Лешку за его глупость: в глаза называли жуликом, а ему хоть бы что! Но главное, чего не мог стерпеть Петька, — это что дядя Ваня выставил их жуликами перед тетей Таней. Теперь она думает, будто они только того и ждут, как бы залезть в заповедник... Обида была так глубока, что Петька всю дорогу кусал губы, сдерживая слезы, и нарочно бежал впереди, чтобы Лешка ничего не заметил.

— Принеси назад орлика, — сказал он Лешке, когда свернули к дому.

— Ага, еще чего? — сразу ошетинился Лешка. — Я не виноват, что не пошли искать самолет: ты сам отказался.

— Лешка, я не буду повторять.

— А я не принесу! — рассердился Лешка и ушел.

Однако Петька вскоре сам пришел за чучелом орлика, но Лешка все равно не отдавал, он готов был ругаться и драться. Петька просил долго, настойчиво, потом пообещал дать взамен что-нибудь другое. Лешка не соглашался: вдруг Петька подсунет взамен какую-нибудь ерунду! Тогда Петька вытащил из кармана очень красивый перочинный ножик — в костяной отделке, с тремя лезвиями, пробочником и шилом — и протянул Лешке.

— Возьми.

Лешка удивился и обрадовался страшно. Одно мгновение он даже жалел Петьку, которому приходится отдавать такую чудесную вещь, но потом схватил ножик, вернул Петьке чучело и побежал прятать ножик в сундучок. У Лешки был ножик, но не перочинный, а обыкновенный, хотя и в красивом чехле. Этот же был гораздо лучше и, конечно, стоил десятки таких чучел, как орлик. «Вот дурак, вот дурак! — твердил Лешка про себя, радуясь Петькиной несусветной глупости. — За чучело отдал такой ножик, даром отдал!»

Лешка еще раз осмотрел ножик, спрятал, в самом хорошем настроении пообедал и сел за уроки. Мать на плите варила холодное, в доме вкусно пахло мясом и чесноком, и это еще больше поднимало Лешкино настроение.

— Мам, — сказал он весело, — а за Сухим болотом теперь заповедник! И даже Сухое болото — заповедник. Там бобров разводят.

— Ну, что ж, — отозвалась мать, пробуя варево и причмокивая. — Это хорошее дело.

— А ходить туда нельзя, — продолжал Лешка, — в тюрьму посадят.

— Так уж и в тюрьму!

— Правда! Дядя Ваня так и сказал: как убьешь хоть одного бобра...

— Ну, если убьешь... — сказала мать. — Зачем же бить, если нельзя.

— А вот лося же убили! Тоже нельзя, а кто-то застрелил в Сухом болоте!

— Э, так говорят только, что застрелили, — спокойно возразила мать, — а лося того, скорее, волки сожрали. Стаями ходят, не только лося зарежут.

Лешка собрался и тут возразить, провыстрел сказать, что слышали люди, про следы, как передавал Петька, но в сенях что-то грохнуло, зашумело, и, всплеснув

руками, мать выскочила за дверь. Лешка выскочил следом и чуть не был сбит с ног метнувшейся из чулана собакой, уносившей что-то в зубах.

— Господи! — побелела мать. — Чулан закрыть забыла!.. Догоняй, ее, Лешка, беги скорее!..

Лешка прыгнул во двор, погнался за собакой: это был Катькин черный Жук, шkodливый и хитрый, которому не раз влетало от Лешки. Сейчас Жук удирает через сад, волоча добычу по снегу. Лешка забежал со стороны, нагнал Жука на изгородь, и тот, прыгая через частокол, бросил или уронил добычу. Лешка схватил ее с налету — и остолбенел: в руках у него была лосиная нога, отрубленная в суставе, с запекшейся кровью на светло-бурых шерстинках, с тяжелым раздвоенным копытом. Копыто было широкое и длинное, как большой разбитый сапог. Лешка видел лосей, ошибиться не мог, но откуда взялась эта нога у них в чулане — никак не представлял. И вдруг он вспомнил непонятные разговоры дяди Вани с отцом, страхи матери, сегодняшнее холодное, что аппетитно булькало в доме на плите, и, оглянувшись, пригибаясь, побежал к дому. Мать, растерянная, бледная, ждала на крыльце. Лешка бросил ношу.

— Ничего, сынок, ничего, — бормотала мать, пряча злосчастную ногу в чулан.

Лешка был уверен, знал твердо, что никто не видел это лосиное копыто, а все-таки боялся. Не веря себе, он боялся за себя, за мать, которая причитала, опомнившись: «Ох, господи!.. Слава богу!..» — и ему хотелось, чтобы вокруг дома вдруг выросла каменная стена и укрыла их всех.

— Мам, — в смятении спросил он, — а если видел кто, а? Вот придут...

— Молчи, — сказала мать свистящим шепотом. — Молчи и молчи!..

КАКОЙ ЖЕ ТЫ ОХОТНИК?

Петька в сумерки ушел к Лешкиному дяде. На его широком курносом лице было выражение упрямства и обиды. Под мышкой он нес завернутое в тряпицу чучело орлика и очень спешил, не разбирая дороги. День был холодный, а с заходом солнца потянул колючий ветер. Но он не замечал холода, думая об одном — чтобы застать Лешкиного дядю дома.

Дядя Ваня был дома — и не один. У него за столом в пристройке сидела тетя

Таня, веселая, улыбающаяся, довольная. Петька расстроился еще больше, чем там, в лесу. Он обиделся теперь уже и на тетю Таню. Зачем она сидела здесь, в этом противном для Петьки доме, с противным ему человеком?

— О-о! — закричал дядя Ваня весело, увидев Петьку. — Везет мне сегодня на гостей!.. Проходи, Федорович, садись.

Но Петька развернул тряпицу, положил на стул чучело и молча вышел. Ничего общего с этим дядей Ваней он не имел и больше не будет иметь, и пусть он наговаривает тете Тане про него что угодно и сколько угодно... И пусть она слушает...

Дома у них в маленькой спальне горел свет. Там сидели отец и Николай Николаевич и разглядывали какую-то карту. Окно было завешено одеялом, хотя ветер задувал с другой стороны. Николай Николаевич был в той же безрукавке, в шарфе, как вчера, часто доставал часы и смотрел: это была, наверное, привычка. Отец гнул над столом, тыкал погасшей трубкой в карту.

Петька на минуту заглянул в спальню, хмуро поздоровался с Николаем Николаевичем и ушел в кухню делать уроки.

Из спальни доносился приглушенный басок Николая Николаевича, голос отца, но о чем они говорили, Петька разобрать не мог. Голоса мешали, и Петька закрыл уши ладонями. Мало-помалу он стал думать над тем, что читал, стал запоминать, и, когда в дверь с улицы сильно застучали, он вздрогнул от неожиданности. Стучали, вероятно, не один раз, потому что отец сам уже вышел открывать, погасив зачем-то свет в спальне.

Вернулся, пропуская вперед Лешкиного дядю. Увидев его, Петька нахмурился, приготовился к отпору, ожидая, что Лешкин дядя станет жаловаться на него.

— Что в такую рань? — подшучивая, спросил отец, закрывая за гостем дверь.

— Дельце, председатель, дельце! — весело говорил тот, не обращая внимания на Петьку. — Я такой: надумал — иду, хоть в ночь, хоть в полночь... Просьбишка есть.

— Ну-ну, слушаю... Садись, в ногах правды нет.

Лешкин дядя сел на табуретку, снял шапку, положил на расставленные колени.

— Да вот, — сказал, — барахлишко свое думаю стащить.

— Чучела?

— Ну, да! Насобираю порядком, а на посылки денег — сам знаешь... Ну, решил

смотаться на недельку, лично доставить да кое-что купить по мелочишке... Уважь своего бригадира!

Отец раздумчиво дымил трубкой.

— Работать бы надо, Иван Иванович, работы по горло.

— Тю-у, работа! Какая работа в буран? Вчера мело, сегодня метет — и сверху и снизу... Сидим больше, чем работаем. А рыбка от нас не уйдет, не бойся.

— Я-то не боюсь, план ведь вы должны выполнить. Но я рассчитывал — ты границу заповедника поможешь уточнить, как человек разбирающийся... Дело важное ведь, государственное.

— У них там своих полно, нас чужое дело не касается... Не мнись, Герасимыч, я не часто прошу.

— Ладно, езжай, — решил Федор Герасимович. — Недельку даю.

— Обернусь, не беспокойся!.. Всего!

После ухода Лешкиного дяди в спальне опять загорелся свет. Отец вышел в кухню.

— Пойдем ужинать... Что там есть у нас?

Вместе они собрали ужин в спальне. «Теплее здесь», — сказал отец. Петька сидел на уголке стола, ел нехотя: сердился на Николая Николаевича.

— Ты что как мышь на крупу надулся? — спросил отец.

— Ничего, — сказал Петька.

Николай Николаевич вынул часы, посмотрел и пояснил за него:

— Дуется он на меня. Я не признаю его охотником — вот в чем загвоздка.

Петька покраснел до ушей: Николай Николаевич сразу и точно угадал то, что было, как Петьке казалось, спрятано в самой глубине души.

— А я все равно охотник! — упрямо сказал Петька.

— Нет, брат, заблуждаешься! Не прав! И я докажу. А Федор Герасимович будет за меня. Не за тебя.

— А он всегда не за меня, всегда! Он только нападает!

— И буду нападать, пока ты башкой своей не поймешь, что зарываешься! — сурово сказал отец. — Охотник нашелся — школу забросил.

— А в школе все равно на охотника не учат! — горячо возразил Петька. — А я все равно охотником буду!

— Без школы — не будешь!

— Буду!

— Стоп! — поднял толстый палец

Николай Николаевич. — Послушай меня, молодой человек! Я всю жизнь прожил в лесу. Прошел с ружьем весь Кавказ. Был в Уссурийской тайге. В Саянах. На Урале. Байкал знаю, Хибины. Да-с, дружок!.. Много видел. Понял: дичи у нас в лесах много, а было больше. Где она?.. Где обилие пушного зверя?.. Ну-с, отвечай?

Петька молчал. Отец за него развел руками:

— Нечего ему отвечать, Николай Николаевич.

— Ну, тятка! — с укоризной воскликнул Петька. — Ну, прямо не понимаю, какой ты!.. Знаю я! Постреляли зверя!

— Так-с, — похвалил Николай Николаевич. — А кто пострелял?

— Охотники, — сказал Петька.

— Справедливо! Но какой же это охотник, если он только стреляет, не думая, что будет завтра, послезавтра, через год?.. Охотник, который идет в лес с одной целью — поймать, застрелить как можно больше, — это не охотник. Да-с. И нам такие охотники не нужны, иначе очень скоро в наших лесах станет пусто. По-нашему, охотник — это хозяин в лесу, но не истребитель, нет-с!

И Николай Николаевич, торжествуя, поглядел на Петьку.

— А я с разбором стреляю! — сказал Петька. — Я маленьких не трогаю и, если выводок найду — тоже не трогаю!

— Толково! — похвалил Николай Николаевич. — Но этого мало. К этой заботливости нужно еще... что? Знания, молодой человек!

— А в школе такому все равно не учат! — выпалил Петька. Федор Герасимович засмеялся и подмигнул Николаю Николаевичу:

— Гляди-ка, выкрутился!

Николай Николаевич тоже засмеялся.

— Да-а, дипломат! Но не особенный. Этому учат в институтах, техникумах, специальных школах. Да кто же его пустит туда без обыкновенной школы?

— Ясно, неучей туда не принимают, — насмешливо почесал в затылке Федор Герасимович, скосив глаза на Петьку. Тот, улыбаясь и хмурясь, царапал ножом по столу.

— Идем дальше, — объявил Николай Николаевич, но, взглянув на часы, недоуменно поднял брови. Потом переглянулся с Федором Герасимовичем, и тот, пожав плечами, выколотил трубку.

— Там же, наверное... — сказал он совсем непонятное.

— Вряд ли, вряд ли, — не согласился Николай Николаевич. — Да-с, вряд ли... Что-то новое... — и задумался.

— Дело выйдет, Николай Николаевич.

— Должно выйти! Иначе — грош нам цена.

Петька сидел, с нетерпением ожидая, когда они кончат есть, говорить о непонятном, и Николай Николаевич снова станет рассказывать.

Обида Петьки постепенно утихла. Настоящим охотником, конечно, был Николай Николаевич, все видевший, прошедший с ружьем чуть ли не всю страну, и одна за другой Петьке рисовались картины его собственных путешествий — будущих путешествий и странствий охотника, когда он станет большим и хоть чем-нибудь похожим на Николая Николаевича.

— Ну-с, дальше, молодой человек! — перебил его мечты Николай Николаевич. — Скажи мне, какие меры надо принимать, чтобы животных, нужных нам, в лесу становилось больше, а не меньше? Вот: вчера здесь селился барсук — сегодня исчез, ушел. Почему? Кто или что причиной? Кто его прогнал? Или так: вдруг вся белка в окрестных лесах снялась с насиженных мест и двинулась, погибая в пути тысячами, за тридевять земель. Почему?.. Что может и должен делать человек, чтобы пушные наши звери не голодали? Что в лесу можно рубить, валить и выжигать, а чего нельзя трогать?.. Вот-с, ответишь на эти вопросы — буду считать тебя охотником, нужным государству человеком.

— Но, Николай Николаевич, — сказал отец насмешливо, — он сказал, что в школе этому не учат.

— Тятка! — покраснел Петька. — Почему смеешься? Ну, не знаю, не знаю, а Николай Николаевич когда все узнал?

— Когда выучился, — ответил отец.

— А, видишь! — воскликнул Петька и осекся. Он понял, что говорит сейчас то, против чего спорил, с чем не соглашался. А отец и Николай Николаевич, заметив, как он осекся и теперь сидит, хлопая глазами, дружно захохотали.

— А ты-то видишь? — смеялся отец. — Отбрил сам себя!.. От твоей хвальбишки людям мало пользы, а ты научись, да делай, да других научи. Люди спасибо скажут.

— И научусь! И скажут! — горячо заверил Петька.

— Эх, опять хвалится!

Петька снова осекся, потом махнул рукой: «С тобой, тятка, совсем нельзя разговаривать», — и ушел спать. Он чувствовал, что хотя он и есть тот же самый Петька, но что-то и переменилось в нем в эти два вечера. Ему казалось, он стал выше ростом, вытянулся и, радуясь этому, уснул.

ПОЧЕМУ ИЗБУШКА НЕ ВИДНА?

Было воскресенье. Петька вставать не спешил: в школу идти не надо, уроки выучены, отец дома, и по хозяйству ничего справлять не нужно... Лежал на теплой печке с закрытыми глазами. Ленился, мечтал побывать в заповеднике, представлял, как он, уже большой, бродит с ружьем в дикой тайге, в горах... Потом подумал о матери — и стало грустно, лежать больше не захотелось, и он встал.

Спальня пустовала, значит, Николай Николаевич ушел. Отец в кухне жарил картошку, что-то варил.

— Тят, — печально спросил Петька, — скоро мамка вернется?

— Вылечат — вернется. Легкие ведь, не так просто... Убери скотину, что ли, займись чем-нибудь... В доме тоже надо прибрать: тетя Таня может зайти.

— Тетя Таня? — обрадовался Петька. — Зайдет к нам?

— Зайдет! — улыбнулся отец.

Петька напоил и накормил корову и овец. Притащил воды. После завтрака отец собрался и ушел опять проводить границу заповедника, и тут прибежала Катька, взбудораженная, с горячими глазами.

— Петь, здравствуй! — затараторила она. — Знаешь, там спорят. Интересно!.. Мальчишки спорят: можно съехать по мыску или нельзя съехать. Пойдем, а?

Делать дома все равно было нечего, и Петька согласился. Катька прибежала на лыжах, Петька тоже взял лыжи, и пошли на озеро. Там уже собралась шумная ватага мальчишек и девчонок: бегали на коньках, гоняли палками консервную банку... Самая маленькая группа собралась возле мыска, у подножия, шумела и размахивала руками,

Перед крепостью в озеро вдавался мысок, поросший кустарником, как и весь берег озера. Мысок этот был узенький, обрывистый впереди и с боков. Спуск же начинался далеко за озером, на огородах. И вот несколько человек решали: можно проскочить со спуска на мысок, не рискуя слететь под обрыв, или нельзя. Тут требовались точный расчет, большое уменье и смелость.

Спорили семиклассники, старшие, которые и на селе и в школе держались особняком, и сейчас никого не приглашали в свой спор.

— Петь, попробуй! — уговаривала его Катька. — Покажи им, как надо!

Но у Петьки пропало всякое желание участвовать в затее: не зовут, и не надо!

— Ну, и показывай сама, — сказал Петька.

— Да я свалюсь, расшибусь сразу!

— Кишка тонка? — насмешливо заметил семиклассник в пальто с меховым воротником и в новенькой шапке с коричневым верхом. — Молчите уж...

— Но-но, ты!..

Между тем спорщики уже поднялись на лыжах и теперь шли гуськом по склону берега. Скоро они добрались до вершины склона, поговорили там, размахивая руками. Снизу, с озера, они казались маленькими. У подножия мыска, возле крепости, и на стенах ее теперь собрались все, кто был на озере, с нетерпением ждали начала этой опасной игры.

— Эй, начинайте! — закричала Катька. — Испугались, у самих кишка тонка!

Петька свистнул в пальцы и замахал шапкой:

— Дава-а-ай!..

Наконец там выстроились, минуту подождали, и от выстроившихся оторвалась маленькая фигурка. Она стремительно понеслась вниз. Лыжник был похож на комочек, летящий с бешеной скоростью. Перед кустарником он вильнул, проскочил под согнутой калиной и, видя, что летит на мысок, упал, чтобы не скатиться под обрыв. Зрители засвистели, заорали, заулюлюкали.

Второй лыжник залетел в кусты и тоже упал. Третий, испугавшись, вильнул в сторону и промчался вдоль берега — это был семиклассник в шапке с коричневым верхом... Нацелиться и проскочить на узкий мысок оказалось делом не простым, среди спорщиков произошла заминка... Лешка с Катькой изо всех сил подбивали Петьку попробовать съехать, но тот отмахивался и даже сердился.

— Ну, хоть на гору пойдём, — предложил Лешка, — поглядим поближе!

— Отстань! — сказал Петька, в то же время зорко наблюдая за новым лыжником.

На горе появилась подвода. Кошевка осторожно стала спускаться под гору, лошадь, скользя, почти садилась на зад, закидывая морду... Петька глядел на кошевку минуту-другую и вдруг сорвался с места и побежал навстречу.

— Пошли! — вдруг закричал он. — Сейчас я скачусь, поглядите!..

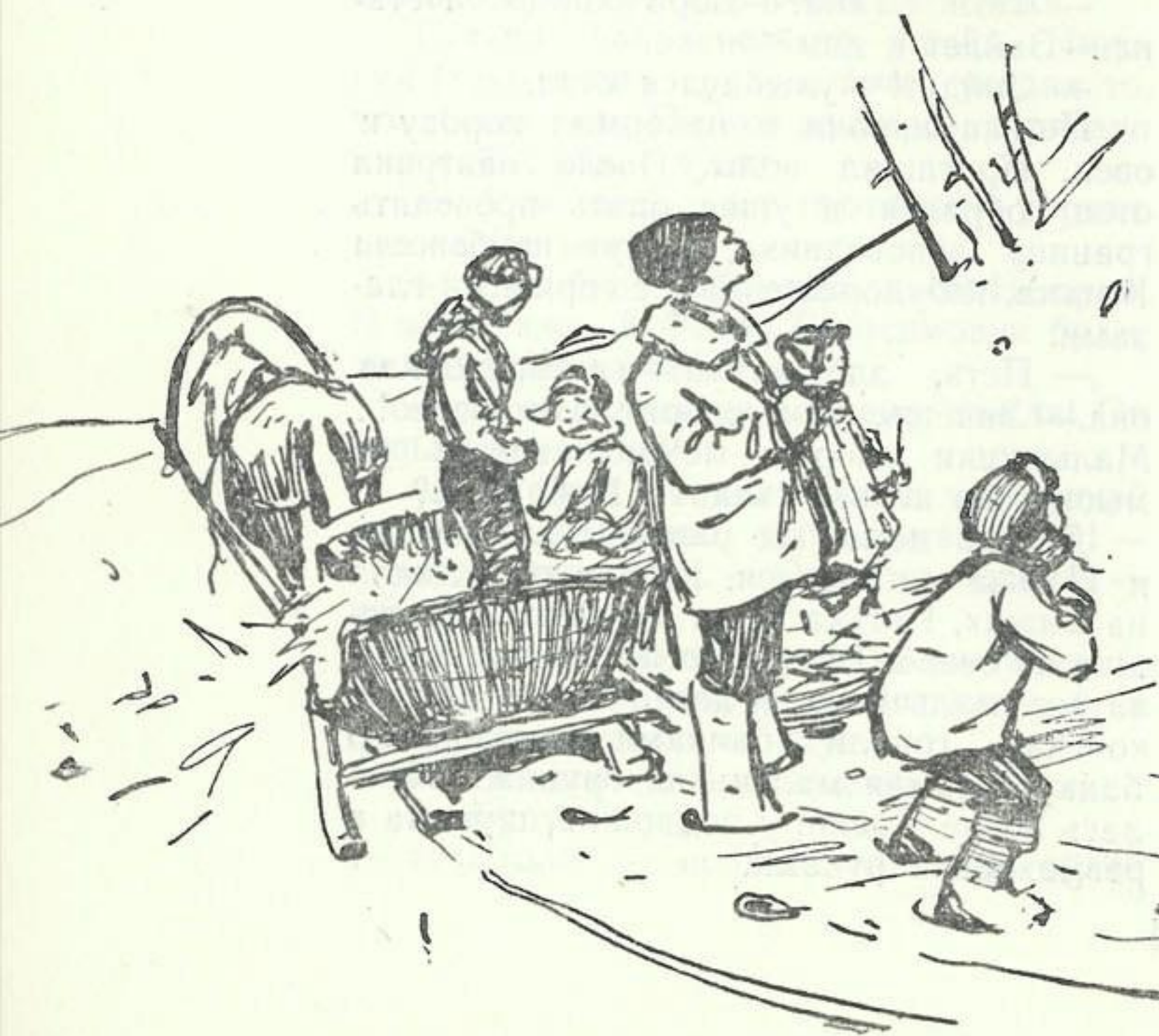
Сильным, смелым, готовым решительно на все, чувствовал он себя в эту минуту, подбегая навстречу кошевке.

— Тятя, вы куда? — кричал Петька, — Вы куда?.. Тетя Таня, вот поглядите, как я скачусь на мысок!.. Никто так не может!

Возок остановился. Федор Герасимович посмотрел на гору и закричал Петьке испуганно:

— Не смей! Вернись сейчас же!..

Но Петька уже был далеко. Он карабкался на гору, оглядывался и очень боялся, как бы кошевка не уехала. С вершины спуска Петька еще раз оглянул



все, что было далеко внизу, весь подобрался, прицелился — и ринулся вниз. В кустарнике он птицей перемахнул пенек, обошел кучу хвороста, выскочил на мысок, собираясь уже затормозить, но какая-то сила пронесла его вдоль мыска, подняла и бросила вниз с обрыва. Падения он не чувствовал, потому что ударился лыжами, и потом уже сунулся в нависший с обрыва сугроб и вместе с ним, подняв тучи снега, скатился на лед озера. Он вскочил сразу, в горячке не чувствуя, что расшиб ногу, и, вскочив, увидел, как галопом несется к нему подвода и оравой бегут ребяташки.

Такого, все еще горячего, выхватила его из сугроба тетя Таня.

— Да я цел, цел! — закричал Петька. — Я сам, пустите!

— Ну, Петька, ох, Петька! — подбегая, приговаривал Федор Герасимович, растерянный и без шапки. Но Петька, закусив губы от боли, уже надевал лыжи и пробовал улыбаться.

— Ой, доберусь я до тебя, пух полетит! — сказал Федор Герасимович.

Не имея сил ругаться и сердиться на Петьку, он пустил лошадь рысью через пустынное озеро.

— А вот съехал же, а? — сказал на это Петька. — И ругаться нечего!.. Лучшее, что ли, если б забоялся?

На месте, где проводили границу, их уже ждали девушки. Лешкиного дяди не было — значит, и вправду уехал. Петька окончательно развеселился: никакой дядя Ваня не обзовет его, не обругает. Он забыл про ушибленную ногу, помог сгрузить ящики с инструментами, а когда началась работа, заглядывал в теодолит, подавал бумагу, протирал глазок теодолита кусочком замши.

— Тетя Таня, — спросил он, улучив момент, когда никого не было, — возьмете меня в заповедник? Хоть так, поглядеть, а?

— Не будешь прыгать с обрыва — возьму, — серьезно ответила тетя Таня.

— А... разве... плохо? — растерялся Петька.

— Плохо. Я ведь и так знаю, что ты храбрый.

Петька просиял, но тут же смутился.



— А какой он, заповедник, что там... как устроено? — спросил он, желая перевести разговор.

Тетя Таня показала на лес и ответила:

— Лес, в лесу по речке и болотам бобровые хатки, бобры сейчас спят. Есть дома, где живут работники, есть избышки, разбросанные по всему заповеднику, — для егерей, которые сторожат заповедник.

— А-а, — весело сказал Петька, — мы с Лешкой были в такой избышке, знаю!.. А зачем вы делаете, чтобы избышка была не видна?

— Почему не видна? — удивилась тетя Таня. — Наши избышки даже издали видны.

— Что вы! — воскликнул Петька. — Мы еле нашли, и то ветку снегом пригнуло, так мы увидели!.. И никто там не живет, и печки нет и...

Тетя Таня во все глаза смотрела на Петьку. Потом нахмурилась, развернула карту...

— Покажешь, где это? Найдешь, если пойдем вместе?

— Найду, — сказал Петька. — Я все приметы помню.

— Ну, молодец... Только предупреди своего Лешку, чтобы он молчал про избушку.

КЛЯНИСЬ!

Когда Петька пришел домой, почувствовал, что нога разболелась: ушиб, как известно, по-настоящему дает себя чувствовать не сразу. Чтобы забыть боль, он стал читать, завалившись на диван, но пришел Лешка.

Был он невеселый, вздыхал, потом затянул что-то про лося: найдут, кто застрелил, или не найдут? Потом затянул про чучела: вот он сделал, надо бы показать дяде Ване, а тогда уж отдавать в школу... И тут Петька рассердился.

— Иди ты со своим дядей!.. Дядя, дядя, подумай, один свет в окошке. Беги к нему, а я ходить туда не буду!

— Да я ходил,— сказал Лешка,— его дома нет, уехал.

— Ну и хорошо!

— А чем хорошо? Он бы все-таки поглядел... если что не так... Он же плохого тебе не сделал... Даже орлика подарил.

Петька рассмеялся.

— Ну, жади́на ты, Лешка, прямо удивительно! Аж надоело, как ты про этого орлика трубишь. Ножик взял — мало, и орлика еще хочешь в придачу... Попроси сходи, дядя отдаст тебе.

— Отдаст! Где же он возьмет еще такого? У него один был.

— Один и остался. Я вернул вчера, можешь взять.

Лешка даже не понял сразу, о чем Петька говорит, а поняв, захлопал глазами и раскрыл рот от удивления.

— Вернул?— с изумлением выговорил он, наконец.— Вправду вернул?

— Ну, вправду!

Лешка развеселился от новой Петькиной глупости.

— Дурила ты, ох, дурила!.. Подарили — он назад потащил! Так у тебя никогда ничего не будет!

— А мне и не надо.

— Как — не надо?

— Так... Ну, что толку, что у тебя барахла много?.. Собираешь, как нищий!

— Не нищий,— обиделся Лешка,— а по-хозяйски!.. Это ты нищий, у тебя ни черта нет, а у меня есть.

— А мне такое и даром не надо.

— А я и не дам!

— А я и не прошу... Я вот буду, как Николай Николаевич, вот тогда позавидуешь.

Лешка про Николая Николаевича мало знал и потому несколько растерялся.

— Ну, Николай Николаевич!.. А что он?

— Не скажу,— ответил Петька, довольный, что озадачил Лешку.

— Жалко?

— Жалко... Получше твоего дяди.

На этом готовая была ссора закончилась. Лешка перестал петушиться, заговорил по-хорошему, Петька почти слово в слово передал то, что вечером говорил ему про лес и зверей Николай Николаевич.

— Вот и я таким буду,— закончил он.— Выучусь — и буду.

— И в заповеднике работать станешь, как Николай Николаевич?

— А что, не стану? В заповеднике... Слушай, Леш,— вдруг оборвал он готовую фразу,— ты не говорил дома про избушку?

— Про какую избушку?— не понял Лешка.

— Ну, да. Помнишь, мы нашли в лесу?

— А-а, помню... Никому не говорил. А что?

— Ничего. Тетя Таня наказывала никому не говорить про ту избушку. И просила показать ей. А еще обещала нас в заповедник взять... Не скажешь? Клянись!

Лешка шваркнул шапку об пол и скороговоркой выпалил:

— Чтоб моему деду на том свете черти бороду выщипали. Чтоб моей бабке... Чтоб...

— Нет,— остановил его Петька.— Ты деда и бабу не трогай. Клянись честным пионерским словом.

Лешка поклялся.

— Вот,— удовлетворенно заключил Петька и, помолчав, стал вслух мечтать о том, как он, когда выучится, поступит в заповедник, возьмет с собой Лешку. Но Лешке уже надоело слушать про одно и то же, и он предложил пойти на улицу. Петька согласился, но, поковыляв по комнате, он опять лег на диван.

— Не могу,— сказал он,— больно.

Лешка один вышел на улицу.

ЗАСАДА

Границу с заповедником давно провели, но тетя Таня не появлялась, чтобы исполнить свое обещание — показать друзьям заповедник. Лешкин дядя тоже задерживался, не приезжал, поэтому чучела отнесли в школу на выставку, так и не узнав мнение дяди Вани. Особых дел у ребят не было, и они решили сходить, наконец, в засаду.

Вечер только-только наступил, но вьюга усиливала тьму. Друзья ничего не видели: вокруг был мрак и снежная сумятица. Когда оглядывались назад, подслеповатые желтые огоньки села появлялись из мрака не сразу, а как бы выплывая оттуда. Направление держали чутьем и, чтобы не потеряться, жались друг к другу.

Перешли озеро и вступили в лес.

— Вот... повезло! — весело проговорил Петька, останавливаясь передохнуть. — На стогу, наверно, так кружит, только держись!

— А зря идем, — отозвался Лешка, переводя дыхание и сморкаясь. — Разве увидишь что в такой каше? Ничего не увидишь.

— А мы засядем под стог, под которым они собираются, — нашел выход Петька. — В упор можно бить, ловко!

— Ну, разве что в упор, — сказал Лешка, подумав.

В лесу стало легче. Но зато деревья над головой гудели страшно, каждый куст казался живым чудовищем, и ребята невольно примолкли: хоть и вдвоем, хоть и с заряженными ружьями, а все-таки боязно.

— Курок не взводи, — предупредил Петька, заметив, что Лешка взял ружье на изготовку. — Трахнешь сдуру...

Свободно вздохнули, когда выбрались на поляну со стогами. Тут было просторно, не так темно, как в лесу, и не так мелко, как на озере. Крадучись, пробрались к стогу и влезли на него. Вырыв ямку, опустились в хрустящее сено по самые плечи...

— Даже спать можно, — прошептал Лешка.

Ушки шапок были завязаны под подбородком, шарфы плотно обмотаны на шее, воротники подняты... Приладив ружья, друзья стали осматриваться. Чернеет стог слева, стог справа, а даль-

ше и вокруг — пурга и ночь. Слышны были только вой ветра и шорох сена на стогу.

— Как думаешь, не прошли они? — спросил Лешка. — Не поздно мы засели?

— Навряд, чтобы прошли, — отозвался Петька. — В селе не спят, они ближе к полночи пойдут.

— Ой, долго ждать!..

Замолчали. На макушке стога ветер был сильнее, чем внизу, холоднее, злее, и, хотя у ребят торчали наружу только головы, их все же пробирало. Время от времени то Петька, то Лешка утыкались носом в сено и отогревали лицо. Сидеть приходилось неподвижно, а это хуже всего: затекали ноги, затекали руки, хотелось размяться, пошевелиться, но Петька терпел, терпел и Лешка. Вьюга понемногу засыпала их, и скоро головы и плечи ребят покрылись пластами снега. Чтобы глядеть вперед, приходилось прикрывать лицо рукой, потому что снег больно стегал по нему...

Так просидели они часа полтора и ничего не высидели. Но вот где-то в глубине Сухого болота раздался высокий протяжный вой — и оборвался. Был этот вой до того дик и тосклив, что у ребят по спине забегали мурашки. Они враз высунули ружья и приготовились, глядя теперь во все глаза в мутную ночь перед собой.

Вой повторился.

— Вожак, наверно, — прошептал Петька. — Стаю сзывает.

— Петь, — заикаясь, спросил Лешка. — А не вспрыгнут они сюда, на... стог?

— А ты не бойся... Гляди, мелькнуло что-то!..

Лешка перестал дышать, но Петька тут же добавил:

— Померещилось...

Лешка перевел дух.

Но теперь ребятам от усталости мерещилось все чаще. То мелькали какие-то тени, то начинали мигать зеленые огоньки — волчьи глаза, то возникали какие-то великаны и стояли, не шевелясь... И всякий раз друзья толкали друг друга и хватались за ружья: началось!

Лешка уже замерз так, что губы не слушались и вместо шепота у него получалось сиплое шипенье. Петька растирал лицо и дышал в рукавицу... Они и не подозревали, что так убийственно долго придется ждать. Друзья начали задумы-

вать, что засада не удалась, как вдруг Лешка явственно увидел что-то серое, что двигалось к стогу прямо на них. Он толкнул Петьку, тот пригляделся, увидел... Они!

Лешка выстрелил первый, Петька секундой позже... Их обдало пороховым дымом, грохот оглушил, но Лешка успел заметить, что волк лег.

— Попал! — заволновался он, забыв, что кричать нельзя. — Видишь — лежит!

— Я попал! — возразил Петька.

— Да я, не спорь!.. Гляди, гляди, шевелится! — вновь схватился Лешка за ружье.

Петька лихорадочно перезарядил ружье и выстрелил.

Волк еще шевелился, даже полз...

Снова грянули выстрелы. У Лешки от поспешности свалилась рукавица, покатилась со стога... Замерли, выжидая, что будет. Волк опять ожил: видно, плохо целились охотники в спешке, толкали друг друга и только изранили зверя. Он уже был возле стога — и вдруг полез на него.

В упор, разом грохнули друзья картечью — волк свалился назад и не двигался.

— Готов! — облегченно сказал Лешка.

— Сейчас поглядим!

— Сдурел! Петька!..

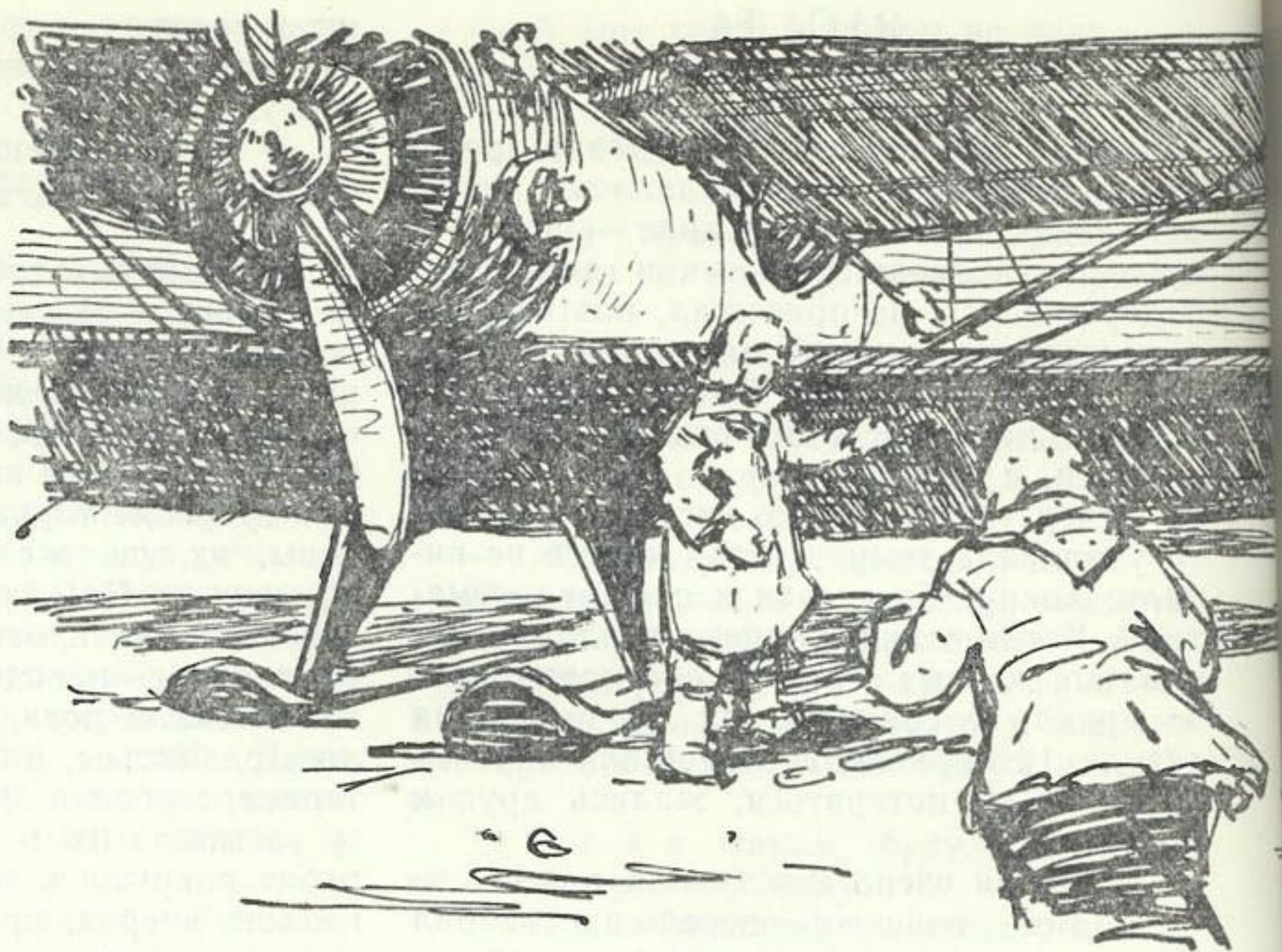
Но Петька полез со стога — осторожно, медля, но полез. Вьюга крутила над поляной, била снегом в лицо, мешая смотреть, но то, что делал Петька под стогом, Лешка рассмотрел. А делал Петька непонятное: сначала ткнул волка ружьем, потом пнул ногой, потом поднял — и отшвырнул.

— Что такое? — растерялся Лешка.

— Ничего, дураки мы... — Петька подал Лешкину рукавицу и сам залез на стог. — Палили!.. Охотники!..

— Да чего там?

— Клок сена, ветер гнал! — сердито сказал Петька и замолчал, затих в своей



норе. Он-то считал себя охотником, он-то хвалился, а тут дал себя обмануть обыкновенному клоку сена!.. И если бы еще один был — ничего, но тут же был Лешка, и опозориться перед ним очень обидно. Не просидев и пяти минут, он стал вылезать из норы решительно и сердито.

— Ты чего? — спросил Лешка.

— Домой пойдем, вот чего...

Лешка один давно сбежал бы — так он промерз, и теперь обрадовался, но тут Петьке показалось, что в той стороне, где пролежала граница с заповедником, небо стало странно светлеть.

— Гляди-ка, что это? — сказал Петька.

— Не знаю, — с недоумением ответил Лешка.

А там сквозь белый свет пробилось что-то красное, и вот уже по всему небу над лесом стало растекаться жаркое, багровое зарево.

— Горит, — взволнованно сказал Петька.

— Да, пожар, — согласился Лешка. — В заповеднике пожар, далеко... Только что там может гореть?

— Лес, наверно, или постройка... Разве узнаешь?.. Сильно горит...

Они стояли на стогу, не замечая вьюги, и смотрели на зарево пожара. Было в нем что-то зловещее и страшное, и тревога охватывала друзей, и дрожь пробегала по телу. Они смотрели на зарево



очень долго, пока оно не стало бледнеть, и тогда слезли со стога и пошли домой, охваченные предчувствием беды.

— Плохо там,— вздохнув, заговорил Петька.— Может, все погорело.

— Да, плохо,— вздохнул и Лешка.— Заронили, наверно, огонь... Или от костра, если лес горел.

— Лес не скоро потушишь... А может быть, там нарочно кто подстроил...

СОБРАНИЕ

На другой день в селе узнали: в заповеднике сгорели стога — весь корм, что был заготовлен для лошадей. Лошадей там, говорили, шесть, на них ездят егери, охраняющие заповедник. К этой тревожной вести еще добавляют, что стога сгорели неизвестно отчего.

А под вечер в Ключвянку прилетел самолет.

Петька с Лешкой в это время готовились идти ставить петли на зайцев — сидели в сених у Лешки и осматривали ловушки. Заслышав мотор и выскочив на улицу, они сразу забыли про зайцев и ловушки: над озером кружил тот самый оранжевый самолет... Вечер наступал тихий, ясный, за лес опускалось огромное красное солнце, снег вокруг нежно розо-

вел, был безмятежен после вчерашней вьюги, и от одного этого вида на душе становилось весело. А тут еще самолет в светло-голубом небе, легкий, как птица...

— Сядет! — воскликнул Лешка, подскочив от восторга.

— Садится! — уточнил Петька, и оба они со всех ног кинулись к озеру. А самолет уже подруливал к берегу. Со всех сторон к нему бежали люди. Но Петька с Лешкой примчались первыми и первые встретили вылезавшего из кабины Николая Николаевича. Он был в тяжелой шубе с воротни-

ком, в теплой бурой шапке и в очках и казался таким важным, что Лешка даже струхнул и попятился.

— Кто это? — шепнул он Петьке, но Петька вдруг сам сделался важным, Лешке не ответил, а подошел к Николаю Николаевичу и подал ему руку.

— Здравствуйте, Николай Николаевич!..

Лешка аж рот раскрыл: «Ух, ты, даже за руку!» Николай же Николаевич поздоровался с Петькой и сейчас же повернулся к подбегающему Федору Герасимовичу: он, видимо, был озабочен, и не до Петьки ему было. Тот, немного обиженный таким отношением, покраснел:

— Ну, вот... Мы ждали-ждали...

— После, после, молодой человек, — отмахнулся Николай Николаевич.

— Да мы...

— Ну-с?

— Полетать! — закончил Петька, очень недовольный, что получилось нескладно, и нахмурился.

— Ах, вот что!.. Горенко, прокатите, дружок, — обратился Николай Николаевич к летчику.

Всю важность с Петьки как рукой сняло. Он оглянулся на Лешку, наморщив нос в улыбке, и кинулся к самолету. Летчик Горенко, в шлеме и больших очках, рассмеялся, глядя, как Петька с

Лешкой, изо всех сил спеша, лезут в самолет. Вокруг плотным кольцом стояли люди, завистливо раскрыли рты мальчишки и девчонки, бегала Катька, крича: «А меня? Дяденька, а я?» Друзья ничего не замечали.

Летчик показал им, где сесть, приказал подвязать шапки и держаться. Потом что-то крикнул, люди развернули самолет носом от берега и тут же отхлынули. В лицо ребятам ударил ветер от винта, они вцепились в какие-то ремни, оглянулись, но самолет уже бежал по снежной равнине озера и вдруг полез вверх, задирая нос. У друзей похолодело в животе, однако тут же прошло. Они стали глядеть по сторонам и заметили, что солнце еще высоко, а озеро все в тени, село маленькое, странное, даже как будто незнакомое, и люди внизу маленькие... Потом озеро вдруг стало вставать на дыбы, люди на нем должны были вот-вот покатиться вниз, но все выровнялось: самолет сел.

Друзья были несколько разочарованы, но, увидев завистливые лица ребят, уважительные улыбки взрослых, загордились, стали рассказывать, каждый по-своему, про полет, а потом дотемна торчали возле самолета, расспрашивая летчика. Горенко ходил вокруг, лазал под

крыльями, под брюхом самолета, и за ним, как привязанные, ходили и лазали толпой ребята с Петькой и Лешкой во главе.

Когда уже совсем стемнело, Петька вдруг вспомнил:

— А где Николай Николаевич, куда он пошел?

— Собрание в правлении, туда пошли все! — чуть не хором почтительно ответили мальчишки.

— Ну, и мы туда! — решил Петька.

Большая изба колхозной конторы была освещена электричеством. Под лампочкой стоял стол, а за ним сидел Федор Герасимович и еще двое колхозников — президиум. Николай Николаевич делал доклад. На лавках вдоль стен и от стола до порога сидели колхозники — мужчины и женщины. Многие курили, и в избе было сизо от дыма и душно.

— Для чего у нас организованы заповедники? — говорил своим басовитым голосом Николай Николаевич. — Чтобы вся страна и вы, товарищи колхозники, ни в чем не знали нужды. У нас есть железо и уголь, есть машины и нефть, хлеб и лес, хлопок и мясо, есть все и всего много. А дальше будет еще больше. Надо, значит, чтобы и мехов было много — красивых, разных! А для этого надо разво-

СОСНА ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Народное предание

В майское утро 1905 года жители Янычей спешили на окраину села, туда, где недалеко от здания бывшей пересыльной тюрьмы, несколько в стороне от Сибирского тракта, стояла огороженная палисадником могучая сосна.

Народ еще собирался, как подскакал пьяный жандарм, оравший «Раз-зой-дись!»

Огромный вороной жеребец не врезался в мирную толпу только потому, что двое из присутствующих схватили его под уздцы. Жандарм едва удержался в седле, а лошадь затанцевала на месте.

Безоружная толпа русских и татар в лаптях, в заплатанных рубахах, с шапками в руках еще плотней обступила палисадник с сосной.

— По какому праву собрался народ, где старшина? Бунтовать вздумали! — орал благополучно спешившийся жандарм, держась рукой за эфес сабли.



дить ценных пушных зверей — бобров, лисиц, соболя... Заповедник этим и занимается. Значит, в заповеднике государственные богатства, то есть ваши. И вы должны беречь эти свои богатства, да-с! Иначе их разграбят. Есть у нас пока мерзавцы, которые готовы тащить все. Дай им волю — они истребят всех зверей, вырубят все леса под корень, лишь бы самим нажиться. И этих мерзавцев, браконьеров, нельзя щадить. Они — вредители и ваши враги. Они хотят жить за ваш счет...

— Видишь,—прошептал Петька.— Во!

— Петь, а что такое этот... брак... бракон... — не выговорил Лешка.

— Ну, не понимает! Вредитель... Сказали же тебе.

— ...Наши леса, пушные богатства лесов — величайшая ценность... — продолжал между тем Николай Николаевич.

Лешка, понимая не все, начал потихоньку разглядывать собрание: кто где сидит, как сидит?.. В темном углу, возле порога, неожиданно увидел тетю Таню.

— Петь, Петька,— обрадованно подтолкнул он друга,— гляди, тетя Таня здесь.

— Где? — завертелся Петька и, увидев, соскочил с ящика и потащил за собой Лешку. Но тут открылась дверь и появил-

ся дядя Ваня. Он появился так неслышно, что никто даже не оглянулся. И как раз в эту минуту Николай Николаевич говорил:

— ...Как же вы позволяете браконьерам уничтожать заповедное?.. У вас здесь убили лося... Рано или поздно мы найдем вора... Да-с!

«Опять про лося!» — холодея, подумал Лешка. Дядя Ваня, оглядевшись по сторонам, шагнул в угол, туда, куда пробирались друзья.

Петька успел только поздороваться с тетей Таней, сразу отошел и стал у двери, исподлобья глядя в спину Лешкиному дяде.

— Пойдем на свое место,— предложил Лешка.

— Да молчи ты,— огрызнулся Петька. — Не все равно тебе?..

И оба, каждый по своей причине потеряв интерес к собранию, хмуро и безразлично оглядывали людей, избу, невольно слушая разговор в углу.

— Говорят, у вас там пожар был? — спрашивал дядя Ваня.

— Да, был,— отвечала тетя Таня. — А вы не знали?

— Узнал только что. Вернулся из Барнаула час назад.

— А, вы даже в Барнауле были! —

— Бунта нет, господин жандарм,— сказал высокий старик, державший под уздцы лошадь. Его большая, совершенно белая борода, георгиевские кресты на груди, военная выправка, уверенная и твердая речь не могли не произвести впечатления даже на пьяного жандарма...

— Мы ежегодно в Николин день приходим к этому священному дереву,— спокойно продолжал старик.

— Ишь ты, к священному,— жандарм выхватил из ножен шашку и хотел концом ее поковырять ствол дерева...

— Не трожь!

Толпа плотным кольцом окружила жандарма. Жандарм попятился, вложил шашку в ножны и поскакал в Пермь.

Заскрипели перья в канцелярии Пермского губернатора... Началось следствие по делу о неповиновении властям мужиков села Янычи в Николин день 1905 года.

Допрошенный житель села Платошино, участник боев на Шипке в 1878 году, Сорокин Иван Петрович, показал, что в народе сосну считают священной, и местное население ее тщательно охраняет. Сосна огорожена, ограду ежегодно ремонтируют.

Допрошенный кавалер двух георгиевских крестов, житель села Янычи Смирнов Иван Филип-

пович подтвердил, что сосна считается священной как среди русского, так и среди татарского населения, что никакого сопротивления властям оказано не было, а народ возмутился только тем, что жандарм стал концом шашки ковырять ствол сосны. Посещение сосны в день 9 мая осуществляется ежегодно уже много десятков лет.

Дело приходило к благополучному окончанию, когда следствию стало известно, что среди местного населения эта сосна называется сосной Николая Чернышевского.

Пермская жандармерия навела справки, и Высшее управление русской православной церкви — Святейший Синод — сообщил, что святого Чернышевского нет, а был Николай Чернышевский, государственный преступник, сосланный в Сибирь, на каторгу, в 1864 году.

Арестованный Сорокин И. П. после пятилетнего одиночного заключения показал, что в мае 1864 года, когда он мальчиком помогал отцу топить печи в Янычевской пересыльной тюрьме, в ней был арестант с кандалами на ногах, особо охраняемый жандармами. Он несколько дней находился в пересыльной тюрьме. В это время по указанию пермского губернатора местное население производило посадку погибших деревьев по Сибирскому тракту. Этот арестант получил разрешение под усиленным конвоем сходить в лес,

словно обрадовалась тетя Таня. — Так вам бы отдохнуть с дороги надо.

— Ну, нет, не до отдыха! — засмеялся дядя Ваня. — Если б вы знали, Татьяна Васильевна, как я спешил, чтобы... чтобы... — и он что-то договорил шепотом.

Тетя Таня потупилась и молчала. Петька быстро взглянул в угол, отвернулся, но тянуло смотреть еще, и он опять глянул. Тетя Таня сидела все так же потупясь, а дядя Ваня что-то запихивал ей в карман... Лешка смотрел тоже...

— Долго выбирал... Специально для вас... — говорил дядя.

За столом уже выступал Федор Герасимович, размахивая погасшей трубкой, а Николай Николаевич что-то быстро писал. В избе шумно, видно, собрание подходило к концу. Петька с Лешкой пошли домой — плелись нога за ногу, сталкивались плечами.

— Слышал про лося? — спросил Петька, чтобы не молчать.

— Слышал, — нехотя отозвался Лешка.

— Как думаешь: найдут?

— Не знаю.

— Я думаю, найдут. Наверно, знает кто-нибудь, только молчит.

Лешка уныло высморкался.

— Слушай, Лешка, ты бы сказал, если бы знал?

— А... ты? — выговорил Лешка.

— Я? Сразу сказал бы. Чего молчать? А то ведь и вправду все переведут в лесу... Ненавижу таких воров, прямо морду набил бы.

— А если б твой... тятка застрелил? Петька подумал.

— Все равно... поругался бы с ним! — решительно ответил затем.

— А-а, поругался! А сказать?

— Ну, и сказал бы!.. И мой тятка не станет стрелять, если нельзя. Он сам бережет лес... и зверей...

Лешка вздохнул и ничего не ответил. Ох, если бы Петька знал, что творилось в Лешкиной душе! Лешке было тяжело, тошно, а Петька как нарочно заговорил про лося!

Они шли по накатанной дороге, никуда не спеша. Вечер был чистый, синий, с приятным морозцем. По бокам улицы темнели сады, дома, в домах желтели огни. Где-то скрипел колодезный журавль... Петька лениво гнал перед собой смерзшийся ком.

— Ни черта не побываешь в заповеднике, — сказал он, вдруг останавливаясь. — Дядя твой теперь завертит.

— Как завертит? — не понял Лешка.

— Так. Видал, он дарил ей что-то?

— Ну?

— Вот и ну. Жениться, наверно, со-

что он и сделал, и принес сосну, которую и посадил около села.

Арестованный и допрошенный Смирнов И. Ф. показал, что в 1864 году он был этапным офицером на участке Пермь — Екатеринбург. В этом году в ссылку в Сибирь везли Чернышевского, который был в Янычевской тюрьме и с разрешения конвоя сходил в лес, принес сосну и посадил ее недалеко от тюрьмы. Сосна эта в народе называется сосной Чернышевского. Есть народное поверие, что если чужой человек, посетивший селение, сажает дерево, то он желает жителям мира и счастья, и если дерево хорошо растет — это обязательно принесет людям счастье. Сосна растет уже 41 год, превратившись в

красивое дерево. И как русские, так и татары ждут, что скоро придет великое счастье и наступит облегчение в жизни.

Стояла суровая зима 1906 года... Несмотря на ранний час, почти все население Янычей собралось у свежего пня и разоренного палисадника. На снегу не было ни самого дерева, ни даже сучьев. Только пень, зеленые иглы да маленькие веточки напоминали, что здесь росло дерево свободы.

А. ШАРЦ

Рисунки Л. Полстоваловой

Автор записал это поверье со слов жителей села Янычи Сорокина Ивана Петровича и Смирнова Ивана Филипповича, бывшего управляющего Юговскими заводами Богдана Николая Васильевича, Базарова Ивана Васильевича — персонального пенсионера, проживающего в селе Сива, Пермской области.

Автор называет запись народным преданием потому, что Н. Г. Чернышевский проследовал в Сибирь не в мае, а в августе 1864 года, а также потому, что данных о пребывании Чернышевского в Янычевской пересыльной тюрьме не обнаружено.



брался. Тетя Таня про нас совсем забудет.

Лешка не знал: радоваться ему или огорчаться? Предположение Петьки не произвело на Лешку никакого впечатления, и он молчал.

Петька, поддав валенком снежный ком, договорил:

— Я ни за что не женился бы с таким...

ДОРОГУ ПОМНИШЬ?

В овражке, возле ключика, их поджидала тетя Таня. Здесь ничего не изменилось: так же глядел живым темным глазом чистый ключик под старой развесистой березой, так же чуть пульсировала вода в ключике, а возле лежали четкие свежие следы птиц и зверюшек... Было здесь по-прежнему тихо и уютно, и по-прежнему по склону над овражком шумел задумчиво лес.

— Ну, готовы?—оглядела ребят тетя Таня и улыбнулась Петьке.

— Готовы,—серьезно ответил тот.

— Не заблудишься, помнишь дорогу?.. К избушке не подходи, покажешь ее издали, то есть покажешь то место, где она... Вот и все.

Петька отвел глаза, подтянул пояс на шубейке, оглянулся на Лешку и молча повел маленький отряд вдоль по оврагу. На этот раз Петька бежал не ходко, но с какой-то деловитостью и осторожностью. Когда поднялись по склону и вступили в самый лес, он приостановился, посмотрел и свернул влево, но через несколько минут опять приостановился, опять осмотрелся, взял путь вправо и уже решительно побежал, прокладывая лыжню. Тетя Таня бежала за ним следом, ничего не спрашивая и не подсказывая.

Шли что-то долго, а склона с чистым сосновым бором все не было. Лешка решительно не помнил, той дорогой они идут или другой, верное направление держат, или давно сбились. Он оглядывался, стараясь вспомнить какие-нибудь приметы, но лес казался другим, чем в прошлый раз, и, наконец, Лешка проговорил ворчливо:

— Ведет, ведет, а куда ведет, и сам не знает.

— А верно,—остановилась тетя Таня.—Куда мы идем? Ты не сбился, Петя?

После засады на волков, в которой все получилось так неудачно, Петька сердился на себя, что так опозорился перед Лешкой.

Его охотничье самолюбие страдало, и здесь, перед тетей Таней, он решил доказать и тете Тане и тому же Лешке, что все-таки был, есть и будет охотником. Поэтому Лешкино замечание больно задело его гордость, и он даже покраснел от обиды.

— А ты не лезь, если не спрашивают!—сказал он Лешке.—Зачем сбиваешь?

— Нет, нет, Петя, ты не обижайся,—поспешно сказала тетя Таня.—Если уверен—веди, и все.

— Конечно, уверен,—тряхнул Петька головой.—Вон же коряга, что мы обходили, тут куница тогда наследила.

Лешка поглядел на корягу и ничего не вспомнил: мало ли коряг обходили они тогда! А Петька через некоторое время ткнул рукавицей в сторону и проговорил, не останавливаясь:

— Белку тут гоняли...

Лешка глянул—и обрадовался: правда, та самая сосна, вот и палка торчит из снега, что стучали, и, кажется, ямки следов есть!.. Дальше он стал вспоминать и калиновую ветку, скромно выглядывающую из-за сосенки, и ореховый куст, и усохшую старую березу... Потом начался склон, лес поредел, и они вошли в знакомую сосновую рощу.

На опушке Петька остановился.

— Привел?—обрадованно спросила тетя Таня.

— А то нет?—сказал Петька и вдруг исподлобья глянул ей в глаза и улыбнулся.—Не верили мне... Вот.

— Нет, я верила, верила, Петя... Ты настоящий охотник!

Перед ними опять тянулся к речке склон, заваленный буреломом, дальше шел ельник и развевалась неоглядная лесная синь. Перебивая друг друга, друзья стали рассказывать, как они пробирались к речке, где примерно собирались отдыхать, как увидели избушку... Тетя Таня слушала, не перебивая, и это еще больше воодушевляло ребят. Потом она достала карту, компас, поглядела на карту, на лощину, что-то обвела на карте кружком...

— Ну, спасибо, ребята,—сказала затем.—Вы помогли мне.

— Тетя Таня, а почему издали?—спросил Петька.—Там же никто не живет. Можно сходить в избушку.

— Да не стоит,—подумав, махнула тетя Таня рукой,—не стоит... Больше ничего не надо.

— Ну, а чья эта избушка?—с настойчивостью спросил Лешка.—Чья она?

— Наша, — ответила тетя Таня. — Но мы забыли про нее, потеряли...

— А-а, ясно!.. А где заповедник?

— Мы в заповеднике.

Петька с Лешкой переглянулись, изумленные.

— Ну, глядите: вот там, — показала правее, — сам заповедник, то есть постройки, где мы живем. Это десять — двенадцать километров отсюда. По этой речке, что внизу, только ближе к нашему центру, селятся звери.

— Так сходим, сходим к вам! — сказал Петька с нетерпением. — Покажите все!

— Но бобров вы все равно не увидите! Они спят. В хатках. А если хатку раскопать — бобры погибнут, замерзнут: куда им деваться зимой без хатки?

— А хатки у них какие? — спрашивал Петька дальше, но тетя Таня сказала: «Да вы замучаете меня!» — и побежала назад, смеясь и оглядываясь. Петьке сразу стало очень весело, он кинулся следом, Лешка — за ним, и так они бежали, пока тетя Таня не упала на сваленное дерево, на ходу сбросив лыжи: устала, наверно, с полчаса бежали...

— Привал!

— От нас не убежите! — закричал распаренный, довольный Петька, подбегая.

Спустя пять минут, они все втроем сидели на поваленном дереве и закусывали. Петька соорудил маленький костерок: тепло или холодно, а с костром веселее.

Ребята допрашивали тетю Таню про заповедник. Она рассказывала про повадки зверей, про порядки в зверином хозяйстве.

Ребята давно перестали есть. Насторожив уши, они не пропускали ни одного слова.

Петька вдруг заметил, что руки тети Тани пусты, а у него еще большой кусок есть, и заспешил, забормотал: «Вот так-так!.. И я не вижу...» — и, отломав половину от своего куска, подал тете Тане, почти всовывая ей в руки. — Ешьте, мне хватит... Честное слово... Я с другой стороны кусал, не стесняйтесь...

— Нет, не хочу... и вообще — хватит разговоров. Смотрите, и костерок наш потух... Пора домой!

— Тетя Таня, — спросил напоследок Петька, — а отчего у вас пожар был?

— Ну, это не интересно... Был и был... Пошли.

Окончание следует.



ВЕРТОЛЕТ В УГОЛЬНОМ КАРЬЕРЕ

У вертолетов еще совсем короткая биография. Однако они уже успешно работают в сельском хозяйстве, помогают геологам и землевладельцам, строителям газопроводов и монтажникам. Скоро вертолеты будут использованы в горной промышленности.

Но где? Пожалуй, в шахте вертолету тесновато, зато в карьерах он найдет широкое применение. Сегодня крупнейшие в Советском Союзе Коркинские карьеры имеют глубину 230 метров, а в недалеком будущем их глубина

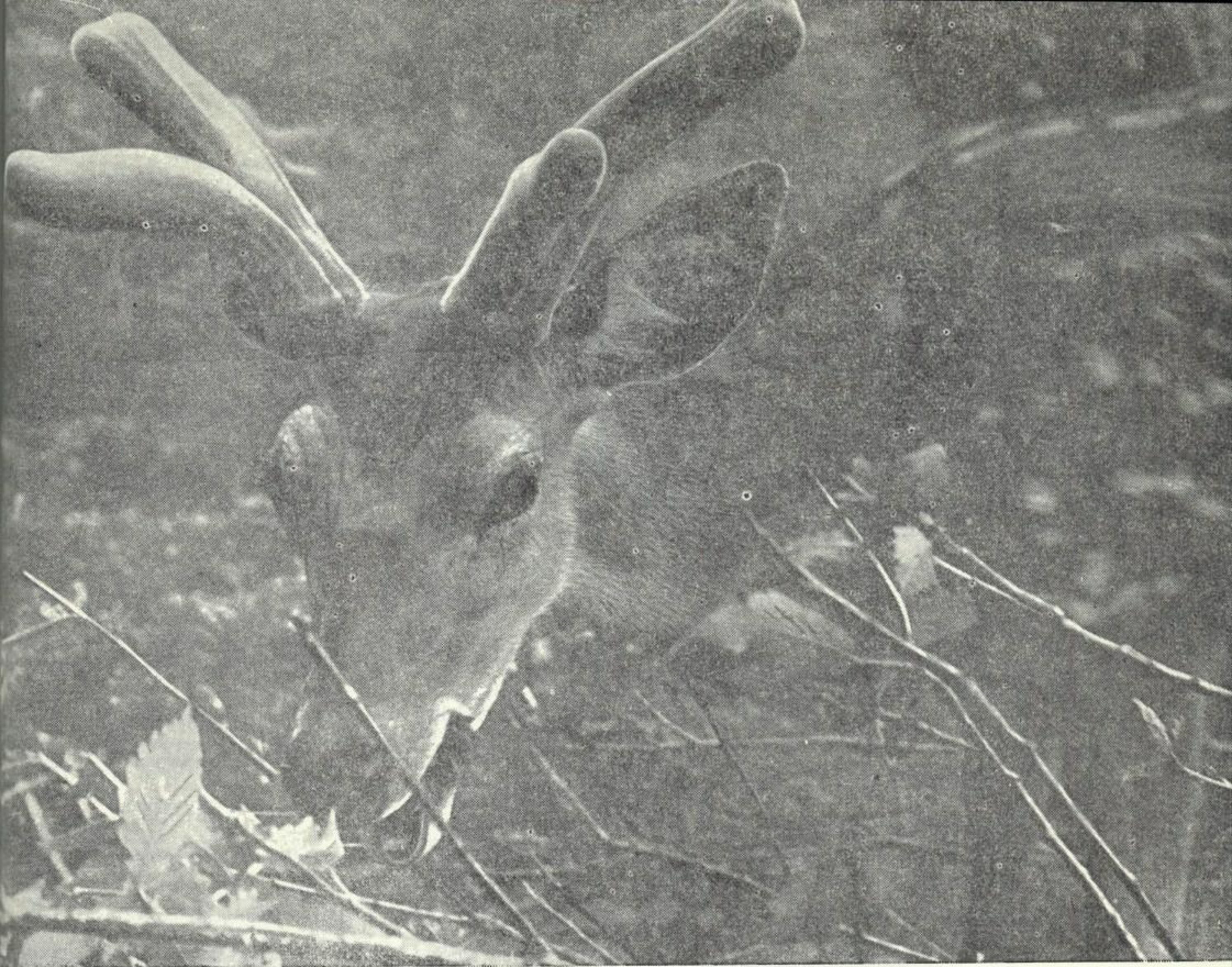
увеличится до пятисот метров. Еще глубже будут разрабатываться уральские асбестовые карьеры в Баженово — их глубина достигнет 650 метров. Вот тут, кроме конвейерных подъемников, железнодорожного транспорта, по воздуху начнут движение винтокрылые аппараты. Мощные вертолеты, по-видимому, с турбовинтовыми двигателями будут иметь взлетный вес 40—50 тонн.

Подъем угля или руды можно осуществлять в специальных контейнерах. За один рейс вертолет поднимет 15 тонн полезного груза. Расчеты показывают, что для обслуживания одного экскаватора необходимо один-два вертолета.

Но самое главное, при значительной глубине карьера вертолетный транспорт становится дешевле автомобильного, железнодорожного и конвейерного.

Крылатые помощники начнут не только перевозить полезные ископаемые, оборудование, доставлять горняков к месту работы, но и значительно улучшат... вентиляцию карьеров. Неужели вентиляция нужна и в карьере — заводе под открытым небом? Нужна. Оказывается, во многих глубоких карьерах скапливаются вредные газы. Большие винты вертолетов заменят гигантские лопасти вентиляторов.

Б. ЦЫВЬЯН



НА УРАЛЕ ПЯТНИСТЫЙ ОЛЕНЬ

Пятнистый олень — типичный житель дальневосточных лесов. Но если вам придется побывать в Ильменском заповеднике и встретить там это грациозное животное, не удивляйтесь. Теперь пятнистый олень обитает и в Ильменах.

Двадцать лет назад с Дальнего Востока на Урал было завезено несколько оленей. Первое время их держали в специальных вольерах, а год спустя выпустили на волю. Потомки новоселов сейчас населяют леса заповедника и прилегающие уголья. Уральская фауна пополнилась еще одним интересным животным.

В. БУХЛИНОВ

Фото автора



ТАЙНА ШАХТЫ

ПОЭМА

ОТПРАВИЛИСЬ!

До гребня обрывистый берег
Зарос корабельной сосной.
И смотрят, наверное, звери
На лодку из чащи лесной.

Но двое приятелей в лодке,
Видать, не из робких ребят.
Один — в полинявшей пилотке,
Подтянутый, словно солдат.

Другой — быстроглазый,
в фуражке,
Живой коротыш-крепышок.
У них и походные фляжки,
И с разной снедью мешок.

И видно по этим приметам,
Что избран неблизкий маршрут.
В дорогу пустившись
с рассветом,
Друзья по теченью плывут.

Старателен маленький Вовка —
Все время рука на руле.
И лодкою правит он ловко —
Ее не относит к скале.

И с честью он судно проводит
Над омутом между камней —
Великий искусник Володя,
Но Игорь намного сильней.

Гребец не по возрасту рослый,
Завидев речной пережат,

Он так нажимает на весла,
Что, пенясь, смеется река!

И снова проносится мимо
Обточенный ветром гранит.
А лес — ну, ни с чем
несравнимо
На каменных кручах шумит!

И солнца горячие блески
Играют на склонах хребта.
Сманила из дома подростков
Могучая сила — мечта!

ЛАГЕРЬ ГЕОЛОГОВ

Вдоль берега в строгом порядке,
В березовом юном леске,
Просторные чьи-то палатки
Стоят, отражаясь в реке.

Костры-дымокуры дымятся
В низинке на влажном лугу.
С весны горняки-рудознатцы
Пришли на разведку в тайгу.

Сменив направление, Вовка
Всем телом налег на корму
И громко кричит:
— Остановка!..
Но мы не примкнем ни к кому!

Нам, может, и были бы рады,
Да мы не нуждаемся в том —

Мы будем особым отрядом
И в поиск отдельно пойдем.

Приятель его смуглолицый
Согласно кивает в ответ.
Ведь славою с кем-то делиться
Обидно в четырнадцать лет!

ПОИСК

Отправились мальчики в поиск
Меж сосен и кряжистых скал.
Поклон тебе, Каменный Пояс.
Открой нам богатства, Урал!

Вдруг вскрикнул споткнувшийся
Игорь —
Шлифованный камень-валун
Внезапно по склону запрыгал,
Как резвый мальчишка-шалун.

Скатился в завал бурелома
И вдруг под землею исчез.
Давно ли ребята из дома,
И вот уже — область чудес!

Подходят, тревожась немного,
Не сводят с валежника глаз —
А может, медведем в берлогу
Под хворостом выкопан лаз?

Нет, здесь не медвежье жилище,
А шахты заброшенной ствол!
Внизу, между бревен изгнивших,
На стенке шиповник расцвел.

И вот,
Обмотавшись веревкой,
По стенке,
По бревнам во мху
Отважно спускается Вовка,
А Игорь стоит наверху.



Стоит напряженно,
Готовый,
Как только раздастся сигнал,
Немедленно вытащить Вову,
Нырнувшего в темный провал.

А Вовка — на дне.
С непривычки
Становится жутко ему.
Поспешно он чиркает спичку,
Прищурившись, смотрит во
тьму.

И рядом,
В разбившейся клети,
Он с ужасом видит... скелет!
Что делать
Бок о бок со смертью
Мальчишке в четырнадцать лет?

Отчаянный возглас испуга,
Веревки мгновенный рывок.
И вверх помертвевшего друга
Не медля втащил Игорек.

Помчались друзья без оглядки
К тому молодому леску,
Где вставшие строим палатки
Спокойно смотрелись в реку.

НАХОДКА

Взгрустнулось и детям, и
взрослым,
У шахты собравшимся в круг,
Где траурно-темные сосны
Качались, шумя на ветру.

Казалось, что стон безотрадный
Летел сквозь глухую тайгу.
Геолог — начальник отряда —
Нахмурился, стоя в кругу.

Тревожась, что ветер развеет
Истлевшей бумаги клочок, —
На желтом чуть-чуть лиловет
Узор анилиновых строк.

И этот листок драгоценный,
От ветра прикрывши рукой,
Геолог читал,
Постепенно
Строку разбирал за строкой.

«Каратели сбросили в шахту.
Разбился. И выхода нет.
Привык к очевидному факту —
Не выбраться больше на свет.

Товарищи! Вывести слово
Мне трудно — рука нетверда:
На север от пади Еловой
В логах залегает руда.

Зверям — колчаковским
убийцам
Уже не сносить головы.
Народу руда пригодится!
Ее переплавите вы.

И в жизни невиданной, новой,
В рабоче-крестьянской стране,
Прочтя большевистское слово,
Вы вспомните всех, кто в огне

Горел за народное счастье,
Ни пулю не страшась,
ни штыков.
И я этой битвы участник —
Подпольщик Игнатий Шишков».

Тех слов штыковое звучанье
Огнем обжигало сердца..
Живые минутой молчанья
Почтили бессмертье бойца.

И твердо начальник отряда
Сказал с посветлевшим лицом,
На север сквозь заросли глядя,
Как будто поклялся:
— Найдем!

Евгений ФЕЙЕРАБЕНД
Рисунки А. Туманова

УРАЛЬСКИЙ ЗАВОД

С геологом возле палатки
В траве прикорнули друзья.
Смеркается.
Спать бы им сладко.
Но сразу уснуть им нельзя.

Взволнованный слышится шепот,
Никак угомона им нет:
Так вот к чему здешние тропы
Приводят разведчиков недр!

В таежной нехоженной чаще,
В горах отыскалась руда.
С завода по рельсам звенящим
За нею придут поезда...

...Далеко, за кручею темной,
За грозной ночью тайгой
Стоят великанами домны,
А в них — негасимый огонь.

Такая жара в них, что камень
Становится жидким в огне,
Сквозь пламя чугуна ручейками
Бежит, собираясь на дне.

Ответственный труд горнового!
Ведь в домну он смотрит сейчас.
Он понял, что плавка готова,
И отдал бригаде приказ.

В забитую летку машина
Нацелила кованый лом.
И свет ослепительный хлынул
Из доменной печи в пролом.

И белым огнем засверкала
Тугая струя чугуна..
И с каждой плавкой
металла
Сильнее родная страна!

Уральские диковины

МЕДЬ ИЗ ВОДЫ

Дорога на медный рудник шла через ручей. Но ветхий временный мостик был закрыт. Деревянная табличка строго предупреждала: «Ремонт».

Ездок досадливо пробурчал что-то и повернул свою телегу вдоль ручья, чтобы перейти его вброд. Вскоре он нашел нужное мелкое место. Телега, разбрызгивая мутно-зеленоватую воду, загрохотала по каменистому ложу.

Когда ездок снова выбрался на сушу, он, к своему удивлению, заметил, что подковы лошади и ободья колес словно покрылись слоем червонного золота.

Удивленный возница принялся за осмотр «чуда». Он тер ободья рукавицей, скоблил их ножом—все было бесполезно. Чистая красная медь покрывала железо прочным слоем.

Из воды медь?.. Откуда взялся этот ручей? Почему вода его меденосна?

В шахтах всегда много влаги. Она просачивается туда с поверхности. Если не удалять воду, шахта быстро окажется затопленной. Влагу из шахт постоянно откачивают с помощью специальных насосов.

Из такой именно воды и состоял ручей, который омеднил подковы лошади. Проходя по трещинам рудного массива, вода «отбирает» у него медь. Эта медь и придала ручью такой удивительный мутно-зеленоватый цвет.

Если теперь в воду погрузить железо, то оно, саморастворяясь, поглощает медь. Вот вам и разгадка «чуда», случившегося с незадачливым ездоком.

Значит, ценный металл удастся извлекать из шахтной воды уральских медных рудников. Сколько же его может быть? Ученые подсчитали, что в год таким образом можно добывать тысячи тонн меди.

На Дегтярском руднике, около шахты № 1, устроен прудок. Освобожденная от ила шахтная вода стекает из прудка по деревянным лоткам, загруженным железным ломом. По мере растворения железа

на дне этих лотков осаждается чистая медь. Вот и все несложное оборудование «завода» по добыванию меди. Рудник при ничтожных затратах получает металла на миллионы рублей.

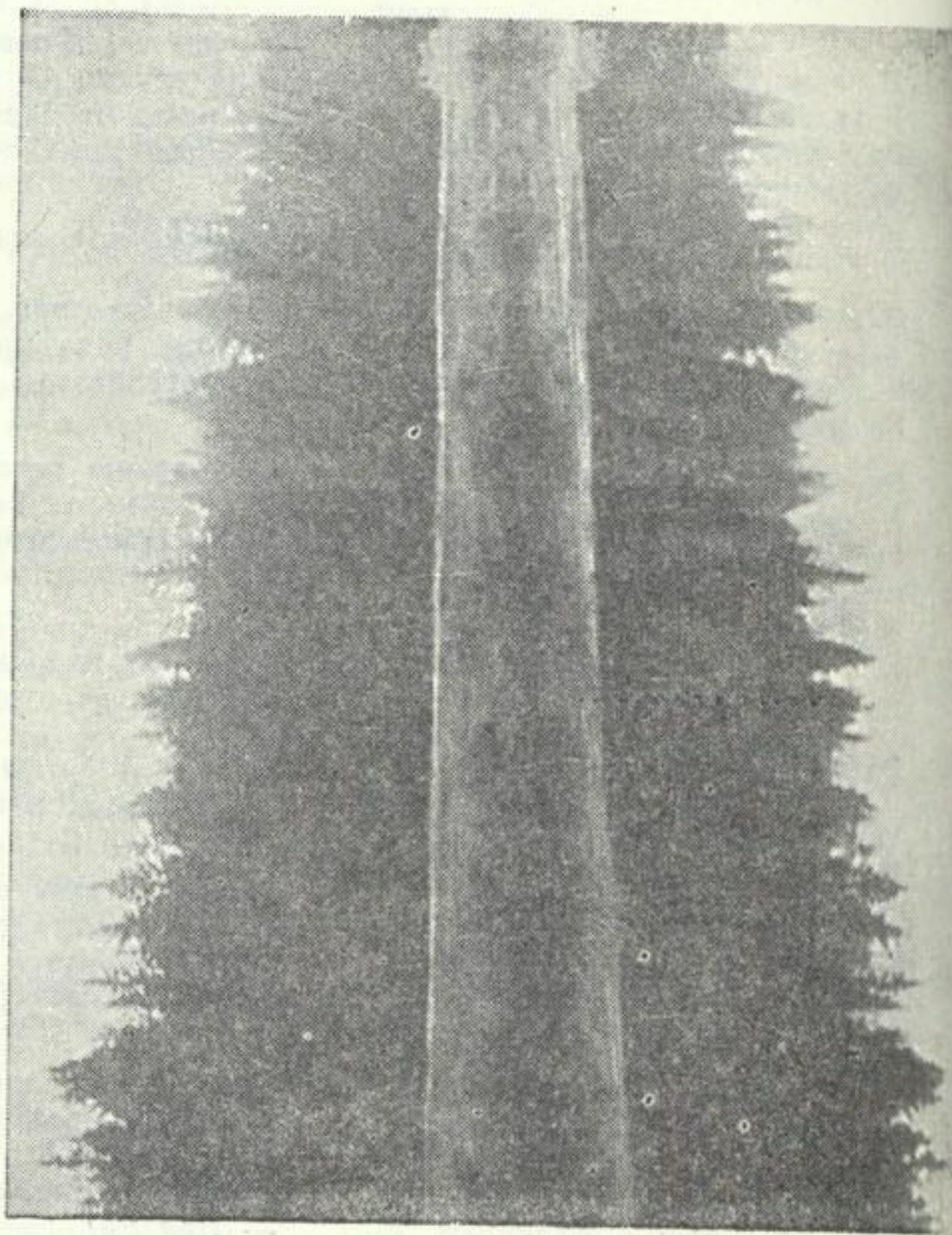
Во всех отработанных шахтах остается под землей от пяти до двадцати процентов медной руды. Простой метод выщелачивания, который применен на Дегтярском руднике, поможет извлечь эти бесцельно пропадающие остатки. Выгода огромная—многие тысячи тонн дешевой меди для народного хозяйства.

А. ЮДЫЦКИЙ, О. БОГАЕВСКИЙ,

научные сотрудники
института «Унипромедь»

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Наш читатель В. Лебедев прислал в редакцию фотографию, но забыл написать, что он снял. Может быть, вы сможете установить, что же он сфотографировал?



ВЫСОКАЯ СТРАСТЬ

Юмористический рассказ



Марк ГРОССМАН
Рисунки Л. Полстоваловой

В небольшом дворе нашего дома — масса мальчишек и девчонок. Их так много, что, даже когда молчат одни, шума и крика других с избытком хватает на головную боль.

Вы писали, конечно, школьные сочинения и знаете, какая это прямо невозможная вещь — сочинять. Но в классе, на уроке, вам никто не мешает, а тут только присядешь к пишущей машинке, — слышишь под окном:

— Петьк! А Петьк! Ты — казак, я — разбойник. А?

Или совсем мелкие девчонки соберутся в колечко и начнут выводить дискантишками свое:

— Каравай, ка-ра-вай!..

Обычно громче всех поет моя младшая дочь.

Тут уж у меня есть некоторые права, и я, высунувшись из окна, кричу ей:

— Доня! Ты б подальше куда-нибудь, право... Ну, что вам — места во дворе мало?!

Девчонки безропотно отходят на десяток шагов, опять сдвигаются в кружок и продолжают тащить из меня душу «Козликом».

Можно, я вас спрашиваю, писать сочинения в таких нечеловеческих условиях?

Но больше других мне досаждают Гошка и его компания.

Гошка — мой лучший друг и единомышленник. Полгода он ходил ко мне на балкон, цеплялся острым взглядом за голубятню и набирался всякой премудрости. Если вам теперь понадобится купить

декоративного или гонного голубя, смело обращайтесь к Гошке: по этой части Гошка знает все, даже если вы покажете ему египетского смеющегося голубя или снимок дронта, жившего в древние времена на острове Маврикия.

Короче говоря, Гошка однажды объявил, что строит голубятню и приглашает меня принять участие в этом торжественном акте.

И я сам, собственными руками, ничего не подозревая, построил у себя под окнами свое несчастье.

Уже в следующее воскресенье — голубиный базар собирается только по воскресеньям — Гошка приобрел на рынке три пары птиц, в общей сложности — на пять рублей. Это были облезлые и задиристые особи, в полном соответствии со своей невысокой ценой.

Гошка, моментально обросший поклонниками и приятелями, уверял, что добытые птицы — прямые потомки бельгийских почтарей и николаевских тучезов.

Неделю у меня под окнами было срав-



нительно тихо. Мальчишки кричали только изредка, мирно согласуя планы приручения и облета птиц.

Но уже в следующее воскресенье я проснулся от отчаянного свиста, воплей и криков. Выглянул в окно: Гошка и его приятели гоняли птиц.

К вечеру я ходил с мокрым полотенцем на голове.

Еще через неделю я обращался к дочери:

— Пойди-ка ты, доня, к Гошке — и дай ему пять рублей на кино. Только обязательно на кино, понимаешь?

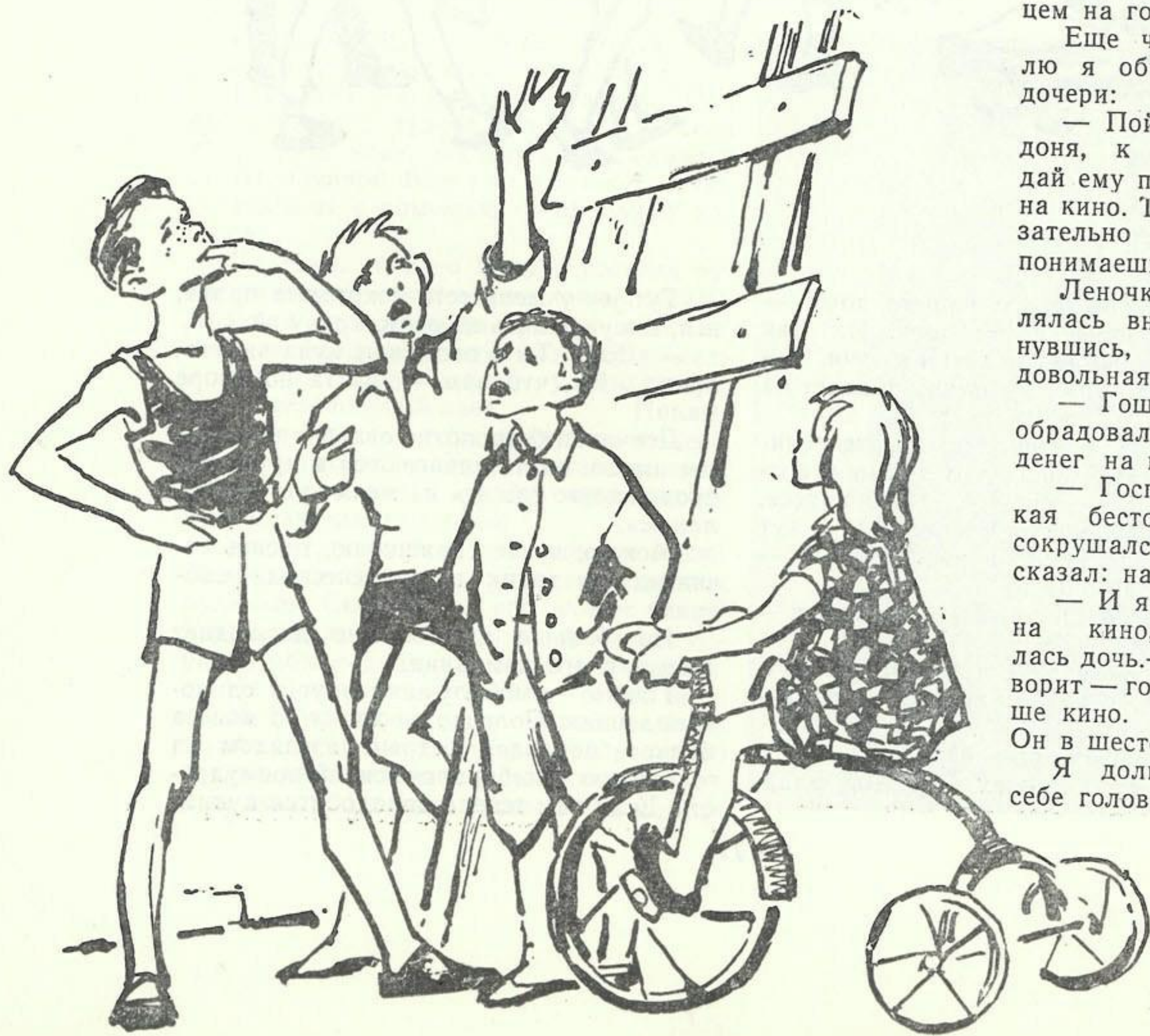
Леночка отправлялась вниз и, вернувшись, сообщала, довольная:

— Гошка очень обрадовался. У него денег на корм нету.

— Господи, какая бестолковая! — сокрушался я. — Ведь сказал: на кино.

— И я говорила: на кино, — обижалась дочь. — А он говорит — голуби лучше кино. Он знает. Он в шестом классе.

Я долго ломал себе голову, что де-



лать? И, наконец, нашел прекрасный выход. Выспался днем, а вечером сел за машинку и стал работать. И даже не верил — так бесшумно было кругом.

Но вдруг железная крыша над головой стала греметь и вздрагивать, будто по ней топали африканские слоны.

Я залез на крышу и сказал Гошке:

— Мало тебе дня, Гошка? Ты еще ночью у меня по голове бегаешь!

— Понимаешь, тучерез один не слетает... — зашептал Гошка. — А на крыше оставить — коты съезжают. Ведь сам говорил: ночью голуби ни шиша не видят...

— Ну, да, говорил, — смутился я. — Только ты побыстрей давай.

— Антенна оборвалась, — сказал я жене, вернувшись, — так ее Кузьма Антоныч чинит.

— Смотри-ка, — удивилась жена, — маленький сухой старичок, а как ужасно топают.

Вот так случалось каждый день и почти каждую ночь. Я пытался бороться: привязывал подушку к голове, одевал зимнюю меховую шапку с ушами, но свист и крики прорывались через все препятствия.

И тогда меня осенило.

Я спустился вниз и подошел к Гошкиной компании. Сначала он не замечал меня, увлеченный гоном птиц. Но потом подмигнул и сказал, улыбаясь:

— На большой палец птица. По твоим советам выбирал.

— По моим, верно, — попытался я улыбнуться. — Исключительная птица у тебя, Гошка. Что правда — то правда.

Потом я вздохнул и покачал головой.

— Что ты? — поинтересовался Гошка.

— Завидую! — сказал я со всей пылкостью человека, решившегося на отчаянный шаг. — Мне бы таких голубей.

Мальчишки прищурились... Они полагали — над ними посмеиваются. Но я не дрогнул ни одним мускулом лица.

— Ты почему их покупал, Гошка?

— Каких — по два, каких — по три рубля, — как истый голубятник, приврал мальчишка. — Только теперь такие дороже. Может, даже по четыре рубля штука.

Я предложил с ледяной решимостью:

— Знаешь что? Продай мне своих птиц. По червонцу за штуку хочешь? Всех куплю. И голубятню тоже.

— Хе! — засмеялись мальчишки, не веря моим словам. — Шутишь, небось, дядя!



— То есть как это шучу? — покраснел я от искреннего возмущения. — Вот вам честное слово!

На физиономии Гошки отразилась сильная борьба. Шестьдесят рублей за птиц — такого богатства он еще не имел в своем кармане.

На всякий случай прихмутив глаза и иронически улыбаясь, что должно было свидетельствовать о том, что он отлично понимает шутки своего брата-голубятника, Гошка сказал:

— Ладно, только для тебя уж. Забирай по червонцу.

Я дрожащими руками отсчитал деньги, сунул их обомлевшему Гошке и, запихав птиц за пазуху, побежал домой. Гошка, наконец, поверивший в свое богатство, вместе с мальчишками тащил следом голубятню.

Вечером того же дня я приехал на вокзал, нашел отходящую электричку и, увидев маленького мальчишку, отдал ему корзинку с птицами.

— Забирай, парень. Только придержи как следует, чтоб не улетели от тебя.

Десять дней под окнами стояла неслышанная беспробудная тишина. Сначала я даже не мог работать с непривычки. Я бы даже сказал: это была громкая тишина, утомлявшая, как сильный шум. Но под конец я свыкся с ней, и работа пошла как следует.

В воскресенье сел за машинку, вставил в каретку чистый лист бумаги — и вдруг вскочил, как обожженный. Из-под окна неслись свист и вопли такой силы, будто весь двор заложил пальцы в рот.

Бегом спустился вниз и увидел: у свежесколоченной голубятни, задржав головы, стояли Гошка и его приятели. Над ними, без всякого строя, еще не привыкшие к кругу, носились птицы.

«Боже мой! — застонал я про себя. — Значит, они купили их в прошлое воскресенье!»

Увидев меня, мальчишки, как по команде, повернули головы, вперили в меня голубые, серые и черные глаза, сияющие невинностью, и Гошка сказал:

— Вот уж большое тебе спасибо! Я на те деньги вон сколько птиц купил. А то откуда бы у меня деньги?..

Я глотнул воздух, пробормотал: «Пожалуйста, я очень рад...» — и уныло побрел к себе на второй этаж.

Поднимаясь по лестнице, вдруг вспомнил, что в детстве у меня вот так же купила птиц тихая красивая студентка — соседка по дому. И я тоже на вырученные деньги приобрел новых голубей. Не

только себе, но и всем приятелям во дворе, чтоб нам веселее было гонять компанией.

От этой памяти у меня стало полегче на душе, и я подумал, успокаивая себя: «Значит, голуби — высокая страсть, и мальчишкам без них никак невозможно».



ТРОФЕИ ТАГИЛЬЧАН

Уже несколько лет работает краеведческий кружок при городском Доме пионеров. Юные следопыты изучают свой край, ходят в походы, ищут месторождения полезных ископаемых, составляют коллекции минералов.

В прошлом году ребята, совершая поход по реке Чусовой, открыли сероводородный источник и обнаружили жертвенное место древних людей. О своих находках ребята сообщили в музей.

В июле этого года следопыты у горы Паленой обнаружили неразработанное месторождение железной руды. Обрадовались. А потом несколькими метрами ниже нашли следы работы геологической партии. Огорчились: ведь так заманчиво быть первооткрывателями! Для своего музея собрали образцы руды.

Ежегодно весной, перед новым туристским сезоном, в Доме пионеров проходит традиционный вечер «Ходили мы походами». Особенно интересным он был в этом году. Каждый следопыт должен был принести «дань»: монеты, значки, минералы, марки, ордена. Всего собрали 150 таких реликвий. Витя Стариков принес русские монеты начала XVIII века. Таня Семерикова — армейские погоны конца XVIII века, «данию» Вали Григорьевой был китайский орден Красного Знамени.

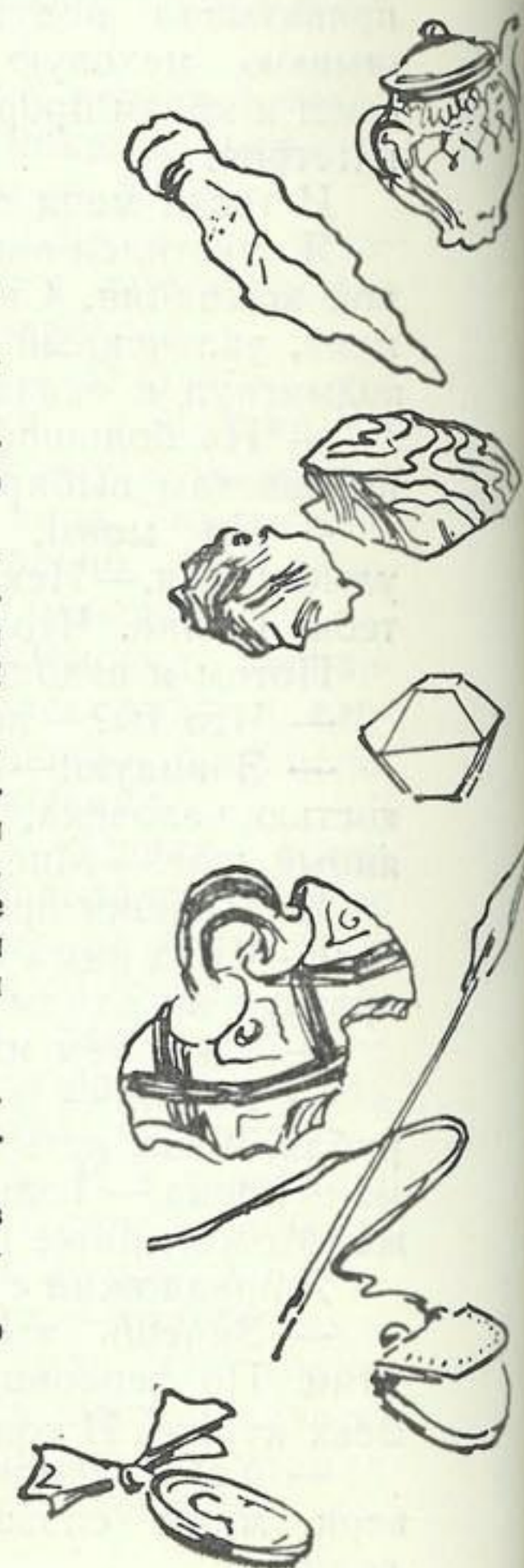
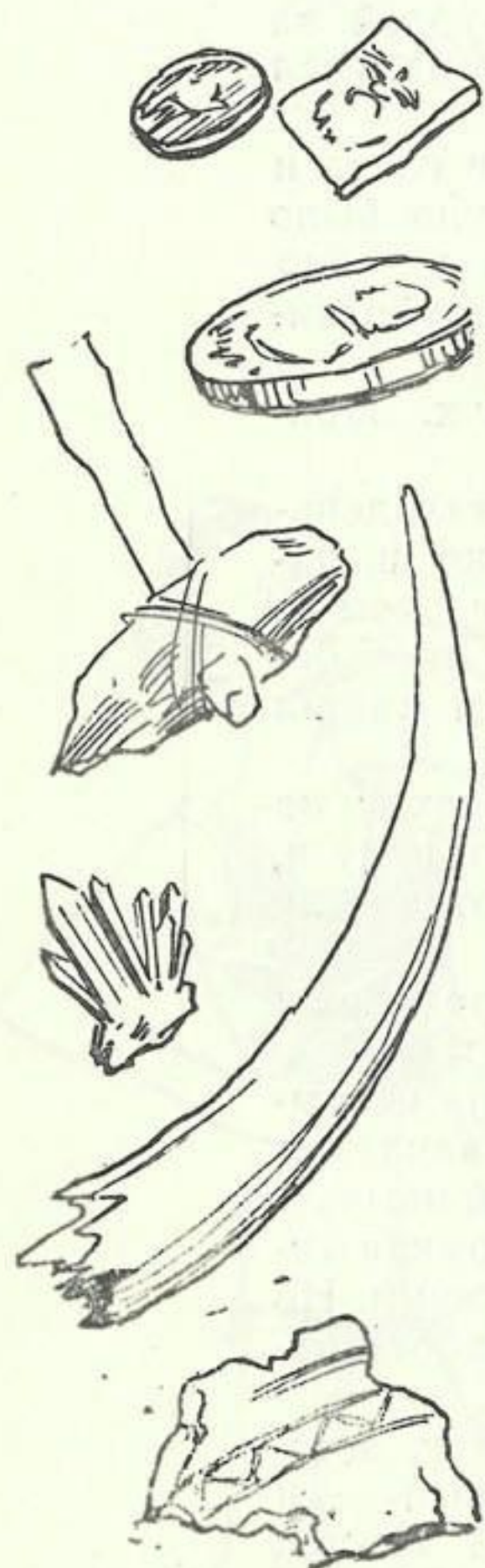
Следопыты школы № 18 — большие любители археологии.

В прошлом году они обнаружили древнюю стоянку на реке Медведке, а летом 1959 года открыли три стоянки в бассейне реки Чусовой.

В июле вернулись из похода ребята школы № 23. Они нашли в районе реки Мурзинки редкие самоцветы: топаз-тяжеловес и аметист.

А краеведы школы № 33 решили создать свой музей. Для него они собрали богатейшую коллекцию старинных монет и оружия.

Б. РАДИШЕВСКИЙ,
руководитель краеведческого кружка
Тагильского Дома пионеров



НЕОБЫЧНЫЕ БИОГРАФИИ

О денежных знаках разных времен и народов можно рассказать немало любопытного. Деньги тоже имеют свою судьбу. Иногда очень необычную.

Вот несколько таких необычных биографий денег.

Официальные фальшивки

Основной монетой Древнего Рима был денарий. Римское государство в те годы было очень могущественным, и жители страны считали как-то само собой разумеющимся, что их деньги изготовлены из хорошего серебра. Но мало кто знал, что многие ходившие в обращении денарии были неполноценными. Попросту сказать — официальными фальшивками.

В 217 году до нашей эры римские сенаторы тайно постановили: по причине тяжелых условий войны с карфагенским полководцем Ганнибалом временно чеканить денарии из медных кружков. Для этого кружки предварительно раскачивали на сильном огне и затем погружали в расплавленное серебро.

Опыт удался. Никто не заметил подделки. В дальнейшем некоторые императоры Рима не раз прибегали к такому способу обогащения казны.

Если кто-нибудь из древнеримских монетных мастеров сам по себе начал бы изготавливать подобные денарии, его объявили бы фальшивомонетчиком и отдали бы на растерзание диким зверям в цирке. Но выпуском денег распоряжалась государственная власть, и по-

этому «испорченные» монеты, рассчитанные на обман людей своим внешним сходством с полноценными серебряными денариями, римляне вынуждены были брать беспрекословно. Такие монеты стали называть *субэратами*.



Тип римского серебряного денария III века до нашей эры, использовавшийся как субэрат.

Невьянские целковики

Зато в другие времена бывали фальшивые монеты более ценные, чем настоящие.

Так, в частности, до сих пор ходят рассказы о невьянских рублевиках (или, как их еще называли, целковиках).

По этим рассказам выходит, что некогда в подвалах Невьянской башни Демидов тайно чеканил серебряную монету из найденного на Алтае серебра.

В то время все залежи серебра — кем бы и на чьей бы земле они обнаружены ни были — переходили в императорскую собственность. Но Демидов вовсе не желал расставаться с найденными сокровищами и, рассудив, что продажа серебра в любом виде приведет к отнюдь нежелательным последствиям, решил открыть свой тайный монетный двор.

Серебряные рубли Демидова, ни в чем не уступавшие императорским и ничем

от них не отличавшиеся, стали «выпускаться в народ».

Известный очеркист прошлого века Вас. И. Немирович-Данченко писал даже, что своей монетой Демидов «...наводнял весь восток России. Государственный монетный двор никогда не выпускал ее столько, сколько Демидов». В том же очерке писатель приводил и известный анекдот: как императрица однажды, играя с Демидовым в карты и придвигая к себе горсть выигранного серебра, спросила:

— Чьи деньги-то — мои или твои?

На что будто бы находчивый Демидов ответил:

— Все твое, и все мы твои, матушка-царица!

Другие легенды сообщают и о конце этого дела. Казалось, все шло в демидовском монетном дворе благополучно, но как-то один из горных мастеров, спасаясь от хозяйской расправы, бежал в Петербург. Боясь разоблачения, Демидов приказал открыть шлюз, отделявший подземелья от соседнего пруда. Ничего не подозревавшие «рабочие люди», занятые превращением серебра в фальшивые монеты, погибли.

История о невьянских рублевиках, переходившая от поколения к поколению, обростала все новыми фантастическими подробностями. Некоторые писатели включили ее как исторически подлинную в свои произведения. Однако, верить этой истории все же нельзя: пока еще нет каких-либо достоверных свидетельств ее. И ни в одной коллекции мира нет демидовских «целковиков».



Прототип демидовского целковика.

Зато достоверны сведения о тайной чеканке из уральского золота других монет — лобанчиков.

Лобанчики

В поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» есть такой эпизод. Когда купец Алтынников решил оттягать по суду у Ермила Гирина мельницу, тот обратился за помощью к «мирской казне», пустил шапку по кругу. И вот.

Крестьянство раскошело, Несут Ермилу денежки, Дают, кто чем богат... Наклали шляпу полную Целковиков, лобанчиков...

Что это за лобанчики, и откуда вообще взялось такое название?

С 1586 года в Голландии стали чеканить золотые монеты, дукаты, с изображением на них вооруженного воина. Голландцы вели тогда большую торговлю со всеми странами, и дукаты считались общепризнанными международными деньгами. В связи с этим интересно отметить, что в последний раз голландские золотые с изображением воина были выпущены еще совсем недавно, в 1937 году, и предназначались они для торговли с Нидерландской Индией.

Конечно, любое государст-

во стремилось сосредоточить у себя побольше дукатов, которые обеспечивали успешные торговые сделки с другими странами. Но это не всегда удавалось, и уже в XVII веке в некоторых итальянских графствах появились «свои» голландские монеты. В следующем столетии точные копии дукатов начали изготавливать в России.

В 1730 году, по указу правившей тогда императрицы Анны Ивановны, из уральского золота вычеканили первые «образцовые против голландских червонцы». Образцы были признаны «удачными», спустя пять лет на Петербургском монетном дворе началась тайная чеканка дукатов — червонцев из золота, привозившегося с уральских и алтайских приисков.

Новые золотые предназначались сперва только для заграничных платежей и в документах именовались неопределенно — «известная монета». Но затем, когда эта монета заняла видное место в денежном обращении внутри страны, народная молва дала червонцам свои названия. «Лобанчики» — потому что изображенный на дукатах воин связывался в представлении простых людей с солдатчиной, когда рекрутам «брили лбы». «Пуч-

ковый» — из-за пучка стрел в руке того же воина. «Арапчик» — поскольку иноземные эти золотые чеканили тайно, «на арапа».

Русские цари и министры не дорожили честью государства: в Петербурге лобанчики выпускались на протяжении целых 132 лет! За все это время «известной монеты» было изготовлено громадное количество — 28 249 837 штук. Чеканку их прекратили лишь в 1868 году, когда правительство Голландии, наконец, опротестовало такой «странный обычай».

Любопытно, что голландские дукаты чеканили в 1831 году и на монетном дворе в Варшаве; восставшие против русского самодержавия поляки покупали на это золото оружие за границей. Лобанчики Царства Польского имеют небольшое отличие: перед началом надписи на лицевой стороне монеты изображен не жезл бога Меркурия, а польский одноглавый орел.

Казненные монеты

В апреле 1871 года Совет Парижской коммуны поручил энергичному молодому рабочему Зефирену Камелина в кратчайший срок возобновить в Париже чеканку монет.

Голландский дукат 1840 года и один из сохранившихся на монетном дворе в Ленинграде штемпелей «лобанчиков».



Было решено, что на выпускаемых коммунарами серебряных монетах в пять франков останутся прежние изображения — три фигуры, представляющие собой Свободу, Равенство, Братство. Но, чтобы все друзья и враги знали, что рабочие проливают свою кровь на баррикадах не за буржуазные «свободы», которые дают полное право умирать от безработицы и голода, на ребре (гурте) монет предполагалось вычеканить замечательные слова: «Труд обеспечивается достоянием Республики». Однако из-за сложности переделывания гуртовочной машины замысел этот осуществить не удалось.

Чем же в таком случае отличались монеты Коммуны от французских монет других годов?

В самом низу оборотной стороны монет, изготовлявшихся в те времена в Париже, ставилась буква «А» в окружении пчелы и якоря — знак монетного двора. Что же касается пятифранковиков Коммуны, то на них пчела была заменена трезубцем.

Когда погибла расстрелянная из пушек героическая Коммуна, монеты с крошечным изображением трезубца были объявлены фальшивыми, подлежащими переплавке. Их «казнили».

Деньги Цицерона

В 1943—1944 годах сотрудники немецкого посольства в Анкаре, столице Турции, завербовали себе выгодного шпиона — камердинера британского посла. Он снабжал немцев фотокопиями совершенно секретных документов и другими сведениями. Документы были настолько красноречивы по

Серебряная монета в 5 франков, выпускавшаяся коммунарами, и знак ее монетного двора.

своей значимости, что камердинер-шпион получил от немцев условную кличку Цицерон.

Но, конечно, не из-за этой клички работал на немцев камердинер. За свои «заслуги» он получил триста тысяч английских фунтов стерлингов.

Однако, после окончания второй мировой войны выяснилось, что почти все полученные Цицероном деньги — фальшивые.

Руководство по изготовлению фальшивок поручили одному из свирепейших псов фашизма — эсэсовскому генералу Кальтенбруннеру.

Местом, где изготовляли фальшивые деньги, был концентрационный лагерь Ораниенбург, в котором фашисты сосредоточили профессиональных фальшивомонетчиков. Для большей убедительности на этих денежных знаках ставились довоенные годы выпуска.

Когда наступавшие дивизии Советской Армии и со-

юзных войск заняли обширную часть территории Германии, оборудование ораниенбургского «предприятия» было вывезено в австрийские Альпы и затоплено в глубоких горных озерах, а сами фальшивомонетчики расстреляны.

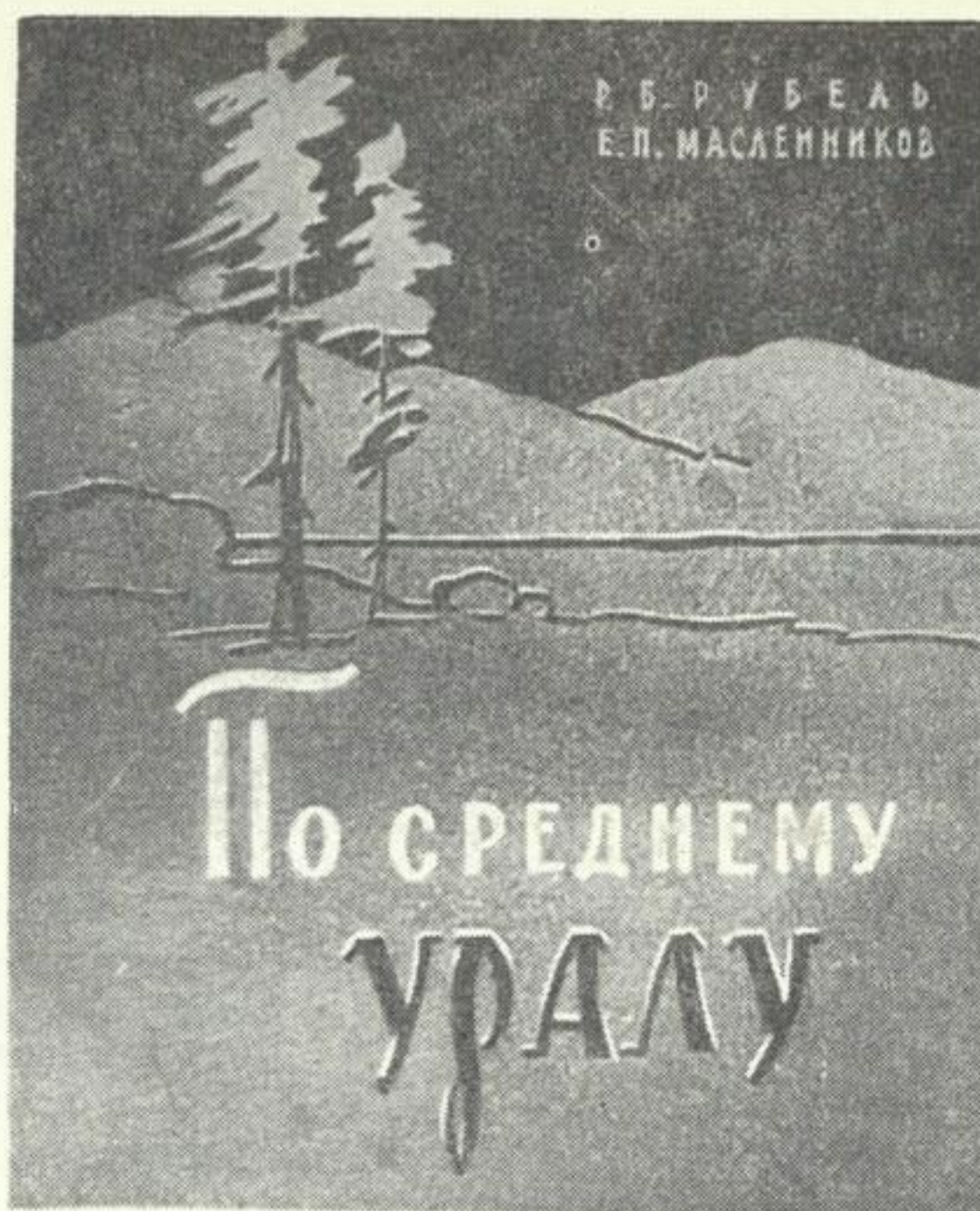
Но замести следы преступления не удалось: один из заключенных Ораниенбурга спасся, рассказал обо всем виденном в лагере и в подтверждение своих слов предъявил несколько фальшивых денежных знаков.

Как установило тщательное расследование, фальшивки были отпечатаны на специальной «полотняной» бумаге, которая по своему составу несколько отличалась от бумаги настоящих английских денег. Сейчас за этими фальшивками во всех странах укоренилось название «деньги Цицерона».

Вл. БРАБИЧ,
Ленинград

Английский денежный знак в 20 фунтов стерлингов со штампами «Фальсификация» («Деньги Цицерона»).





ПОХОДЫ ВЫХОДНОГО ДНЯ

Можно ли стать туристом, так сказать без отрыва от города, от постоянной работы или учебы, не совершая многодневных походов на сотни километров?

Оказывается, можно! И не в переносном, а в буквальном смысле. Не за письменным столом, а по горам и лесам, по торным дорогам и нехоженным местам, по рекам и прудам.

В этом убеждает книжка, выпущенная недавно Свердловским книжным издательством «По Среднему Уралу». Написали ее бывалые уральские следопыты — преподаватель Свердловского пединститута Раиса Борисовна Рубель и инженер Верх-Исетского завода Евгений Поликарпович Масленников. В книжке описаны маршруты туристских походов, отправным пунктом которых будет Свердловск. Подавляющее большинство из них укладывается в один выходной день, многие требуют 2—3 дня.

В библиотеку следопыта

Ну, что можно увидеть за один выходной день? Шарташ, Верх-Исетский пруд, Калиновские разрезы?.. И да и нет. Во-первых, теперь у многих рабочих и служащих в связи с сокращением рабочего дня выходной равен двум суткам. Во-вторых, современные средства сообщения значительно расширяют понятие «окрестности Свердловска». Теперь выйти на исходные рубежи похода и вернуться с финиша в город можно и на трамвае, и на автобусе, и на электричке, и на обычном поезде, и на автомашине.

В радиусе ста километров от Свердловска следопыта — любителя природы ожидает много приятных неожиданностей. Он может упражняться не только в ходьбе, но и в скалолазании. На вершинах Аракульских гор он найдет миниатюрные озера-ванны. А если вас привлекают тайны недр, отправляйтесь в Сергийские или Смолинскую пещеры. Они известны давно, но до конца не исследованы.

Любители камня могут повидать розовые пляжи из... гранатов. Да, да — именно из этих драгоценных камней. А разве не интересно прогуляться по дороге, вымощенной... мрамором. Где? А вот прочтите книжку, узнаете и, конечно, непременно пойдете туда!

Недалеко от Свердловска есть лиственница, которую едва могут обхватить 5 человек. Она ждет, когда вы ее заснимете для своего альбома.

Вы не пробовали проплыть на байдарках по реке Серге? Стоит. По своей красоте эта река не уступает красавице Чусовой.

А сколько еще неизведанного лежит у нас под боком, в окрестностях одного только Свердловска! Замечать и видеть это учит и зовет книжка. В конце ее помещен список маршрутов для самостоятельной разработки. Пользуясь картой, вы можете наметить и осуществить еще десятки новых увлекательных походов выходного дня.

Л. НЕВЕРОВ

...Гусеница бабочки-капустницы наделена необыкновенной силой. Она может тащить за собой груз, превышающий ее собственный вес в 20—25 раз. Ученые подсчитали, что если бы такой силой обладал человек, то он мог бы перемещать груз весом в 100—120 пудов.

...У родственника улитки — голого слизняка — имеется 30 тысяч зубов. Такого количества зубов нет ни у

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЦИФРЫ

одного животного земного шара.

...Все насекомые имеют сложные глаза, которые состоят из отдельных маленьких глазочков. У комнатной

мухи этих глазочков 4 600, у стрекозы — 12 700, жуков — 25 000, рабочей пчелы — 6 300, у трутня — 13 000 глазочков.

...Часто говорят: легко, как облако. Неверно. Облако средней величины весит около трехсот тысяч тонн.

В сильный ливень на землю выпадает около пятидесяти тысяч тонн воды на каждый квадратный километр.

РЕДКОСТНЫЕ СОБЫТИЯ

Любопытная находка

В апреле этого года рыбаки Кушеватского рыбозавода Тюменской области выловили редкий экземпляр сибирского сига — пыжьяна. Обычно эта рыба весит 300—500 граммов. Очень редко встречается пыжьян весом до двух — двух с половиной килограммов. Выловленный кушеватскими рыбаками сиг весил пять килограммов. Ученые определили, что он жил четырнадцать лет.

Лось на улицах Уфы

Недавно на улицах Уфы появился лось. Гостю явно не понравилась городская обстановка. Он пытался выбраться из города и перебежал из одной улицы в другую. Его видели в Нижегородке, у водопроводной башни, у железнодорожных путей на Правой Белой.

За последние годы вокруг Уфы создана зеленая зона, где охота на зверей запрещена. Видимо, редкий гость и забежал в город из этой зоны.

Колпица на Севере

Недалеко от деревни Залаховки, Архангельской области, недавно поймали интересную птицу — колпицу. Находка эта очень порадовала работников краеведческого музея. Колпица гнездится на Северном Кавказе, в Средней Азии, Южной Европе, Восточной Сибири. А на Севере эта птица — гость необычайный.

Интересно колпица добывает себе пищу: несколько птиц выстраиваются в шеренгу и медленно идут вперед, а в такт шагу без конца двигают вправо и влево широкими лопатообразными клювами, погруженными в воду.

Итоги игры
«Необыкновенное путешествие»
читайте в следующем номере.

ПЕРЕХОДЯЩИЙ ПРИЗ

лучшему отряду следопытов Урала

В этом году в различных походах по всему Уралу приняло участие около миллиона ребят. В одной Свердловской области — более трехсот тысяч. И с каждым годом все больше и больше отрядов ставят в своих походах следопытские задачи.

Редакция нашего журнала учредила переходящий приз лучшему следопытскому отряду. Присуждаться он будет в конце каждого года. Это огромная друза прозрачных кристаллов кварца на красивой яшмовой плите, с серебряной табличкой: «Лучшему отряду следопытов Урала».

Переходящий приз будет вручаться тому отряду, у которого окажутся наиболее интересные результаты следопытских дел.

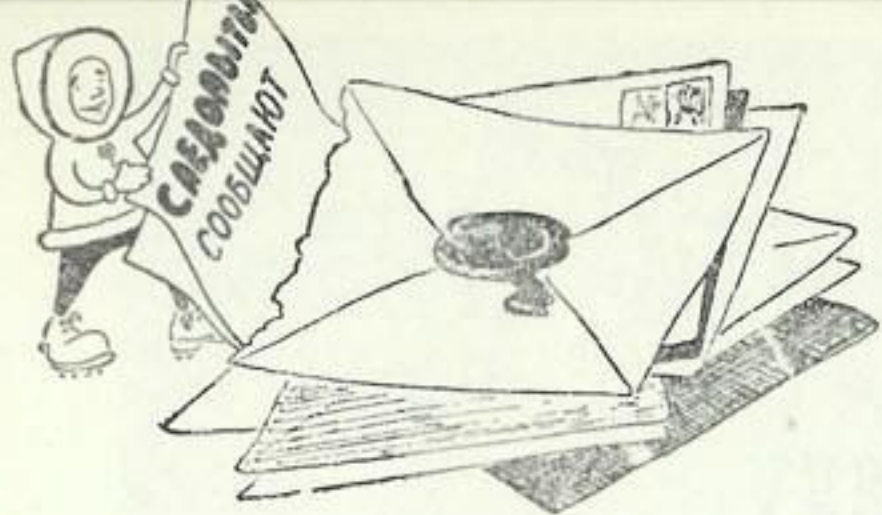
А именно:

1. Какие ценные находки у отряда, чем он помог семилетке и людям нашего края?
2. Что нового найдено о героях-земляках?
3. Чем отряд пополнил местный музей?
4. В каких трудовых делах принимали участие?
5. Все ли необходимое умеют делать в походе?
6. Какая в отряде спайка, дисциплина, взаимовыручка, какова успеваемость членов отряда?

Обо всем этом должны рассказать в подробном письме «Уральскому следопыту» сами ребята.

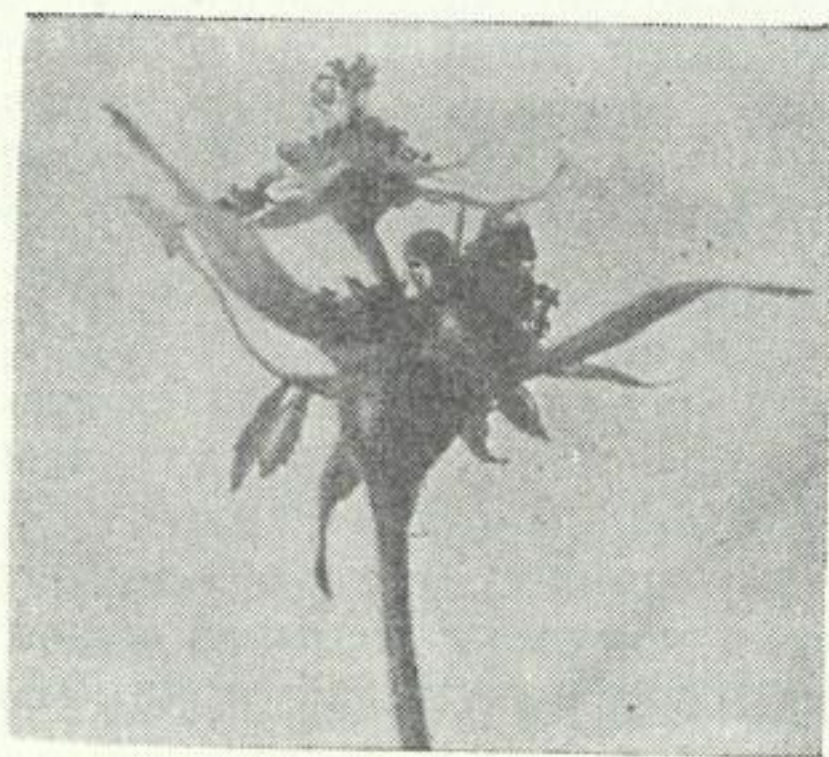
Сейчас в редакцию журнала уже поступают сведения от многих отрядов. В декабре будет определено, кому вручить переходящий приз за дела 1959 года.





ДВУХЭТАЖНЫЕ ЦВЕТЫ

Эта роза растет у меня два года и часто цветет. В этом нет ничего удивительного. Но интересно, что распускающиеся цветы иногда бывают двухэтажными. Не успеет увянуть один цветок, как в центре его, среди тычинок, быстро вырастает новый бутон.



К сожалению, я не успел заснять розу в момент цветения. На снимке вы видите двухэтажный цветок уже после того, когда с него опали лепестки.

Филимонов,
Челябинск.

СВИДЕТЕЛИ ВЕЛИКИХ СОБЫТИЙ

На третьей странице обложки нашего журнала даются цветные изображения значков и медалей, посвященных годовщинам Великой Октябрьской социалистической революции. Эти значки сопутствовали нашим дедам и отцам в дни тяжелых

боев, вдохновляли их на трудовые подвиги, были свидетелями больших дел и исторических событий.

Значки и медали — наименее изученная область коллекционирования. По ним нет подробных каталогов, объемистых руководств. Здесь все ждет своих исследователей, первооткрывателей.

Вверху обложки, в центре, большая настольная медаль, выпущенная в 1919 году. Она интересна тем, что на ней впервые даны скульптурные изображения Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина. Не менее любопытна бронзовая медаль, посвященная третьей годовщине Октябрьской революции. На одной стороне ее текст: «РСФСР, Октябрь 1917—1920 гг.» и изображение серпа и молота. На другой стороне — призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и аллегорическая фигура рабочего, стоящего у наковальни с молотом в одной руке и винтовкой в другой.

А вот две пятиконечные звездочки. Почти никому из юного поколения не известно, что в первые революционные годы эмблемой Советской власти были молот рабочего и крестьянская соха, перекрещенные между собой. Красноармейцы на своих головных уборах носили вот такие звезды, какая показана на странице слева. В 1919 году соха была заменена серпом, и в обновленном виде эмблема сохранилась до нашего времени.

Справа — звезда солдата Советской Армии. Значок, посвященный семилетию Октября, переносит нас в скорбный 1924 год, когда умер великий Ленин... В центре значка в обрамлении лавровых листьев, серпа и молота помещена миниатюрная фотография Владимира Ильича.

Десятилетие Октября отмечено выпуском красивого юбилейного значка в двух вариантах — серебряный и латунный. Оба значка покрыты цветной эмалью, напоминают орден.

Очень лаконично выполнен значок в честь пятидесятилетия Октября: земной шар, развевающееся Красное знамя и молот. Текст предельно краток: «15 лет Октября».

К двадцатилетию и тридцатилетию Советской власти выпущено несколько значков. Все они усложнены по композиции, с обилием знамен, лент, лавровых и дубовых ветвей и прочих атрибутов.

Очень скромный по исполнению и композиции значок, посвященный 35-летию Октября: пятиконечная звезда с гранеными лучами на фоне знамени и небольшая лавровая веточка с лентой, на которой дата: «1917—X—1952».

Обильный материал для любителей значков дал юбилейный сороковой год Советской власти. Московский и Ленинградский монетные дворы, а также различные эмальерно-фурнитурные фабрики и мастерские выпустили свыше пятидесяти значков, разнообразных по форме, размерам и композиции. Несколько образцов этих значков даны на обложке. Кроме того, Ленинградский монетный двор отчеканил специальную настольную медаль к этой замечательной дате. На рисунке вы видите лицевую и оборотную сторону юбилейной медали.

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров, Ю. Койнов, Ю. Курочкин, Л. Сорокин, Л. Неверов, Г. Перебатов, Кл. Рождественская, В. Шустов.

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24, тел. Д1-22-40. Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Асс. Технический редактор Т. Меньщикова.

На обложке рисунок М. Заводчикова «Вечный огонь»

Подписано в печать 27/XI 1959 г. Бумага 84×108¹/₆=2,5 бум. л. — 8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 9,13. НС 13688. Тираж 50000

Заказ 327. Цена 3 руб.

Типография издательства «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати.